

universität
wien

DIPLOMARBEIT

Titel der Diplomarbeit

«Особенности мужской и женской речи в русском языке в аспекте лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского»

„Männer- und Frauensprache in Russland unter dem Aspekt der Linguistischen Theorie der Emotionen nach V.I. Šachovskij“

Verfasserin

Vera Zaitseva

angestrebter akademischer Grad

Magistra der Philosophie (Mag.phil.)

Wien, 2013

Studienkennzahl lt. Studienblatt:

A 243 361

Studienrichtung lt. Studienblatt:

Slawistik/Russisch

Betreuer:

Ao. Univ.-Prof. Dr. Gero Fischer

Содержание

Глава 1. Введение.	- 1 -
1.1. Задачи	- 1 -
1.2. Методы	- 2 -
1.3. Положения, выносимые на защиту	- 2 -
1.4. Структура работы	- 2 -
Глава 2. Лингвистическая теория эмоций.	- 5 -
2.1. Антропологический подход к проблематике изучения эмоций	- 5 -
2.1.1. <i>Волгоградская школа лингвистики эмоций: главные положения теории эмоций В. И. Шаховского</i>	- 6 -
2.1.2. <i>Языковая личность: эмоциональный аспект</i>	- 7 -
2.2. Лингвистическая реализация эмоций	- 8 -
2.2.1. <i>Эмотивное значение слова и понятие</i>	- 8 -
2.2.2. <i>Эмотивность в семантике слова</i>	- 11 -
2.2.3. <i>Статусы эмотивной семантики</i>	- 12 -
2.2.4. <i>Эмотивная номинация</i>	- 14 -
2.2.5. <i>Эмоциональность, экспрессивность и оценочность</i>	- 15 -
2.2.6. <i>Типология коннотации</i>	- 18 -
2.2.7. <i>Эмотивная валентность единиц языка</i>	- 19 -
2.3. Вербальная реализация эмоций в речевом акте	- 19 -
2.3.1. <i>Экспрессивность речи</i>	- 21 -
2.3.2. <i>Нормы реализации эмотивов в речи</i>	- 22 -
2.3.3. <i>Эмотивная коммуникация</i>	- 24 -
2.3.3.1. <i>Ложь как эмоциональная манипуляция</i>	- 24 -
2.4. Текстолингвистика эмоций	- 25 -
2.4.1. <i>Эмотивный текст и текстовые эмотивные элементы</i>	- 25 -
2.4.2. <i>Текстообразующий потенциал эмоций</i>	- 27 -
2.4.3. <i>Функции эмотивного текста</i>	- 30 -
2.4.4. <i>Эмотивный личностный смысл и эмоционально-смысловая доминанта</i>	- 32 -
2.5. Выводы по Главе 2	- 35 -
Глава 3. Теория гендерной лингвистики.	- 38 -
3.1. Гендерные исследования в зарубежной лингвистике	- 39 -
3.2. Гендерные исследования в отечественном языкознании	- 42 -
3.3. Гендерные стереотипы в языке и речи	- 48 -

3.4. Выводы по Главе 3	- 52 -
Глава 4. Основные особенности эмоционального коммуникативного поведения мужчин и женщин.	- 54 -
4.1. Эмоциональный аспект коммуникативной личности.....	- 54 -
4.2. Гендерные различия в вербальном выражении эмоций	- 60 -
4.3. Гендерные различия в невербальном способе выражения эмоций.....	- 63 -
4.4. Выводы по Главе 4	- 68 -
Глава 5. Отражение гендерных особенностей русской эмоциональной коммуникативной личности.	- 70 -
5.1. Лексический уровень эмоциональной речи мужчин и женщин	- 71 -
5.1.1. <i>Оценочные предпочтения в речи мужчин и женщин</i>	- 71 -
5.1.1.1. <i>Вывод</i>	- 80 -
5.1.2. <i>Эмоциональные интенсификаторы в мужской и женской речи</i>	- 80 -
5.1.2.1. <i>Вывод</i>	- 84 -
5.1.3. <i>Междометия</i>	- 85 -
5.1.3.1. <i>Вывод</i>	- 89 -
5.1.4. <i>Ненормативная лексика</i>	- 91 -
5.1.4.1. <i>Вывод</i>	- 96 -
5.2. Синтаксический уровень эмоциональной речи мужчин и женщин	- 97 -
5.2.1. <i>Неполные предложения или эллипсисы</i>	- 97 -
5.2.1.1. <i>Вывод</i>	- 101 -
5.2.2. <i>Экспрессивно окрашенные мужская и женская речи и инверсия</i>	- 102 -
5.2.2.1. <i>Вывод</i>	- 104 -
5.2.3. <i>Сегментированные конструкции эмотивной речи</i>	- 104 -
5.2.3.1. <i>Вывод</i>	- 105 -
5.2.4. <i>Разрыв потенциального синтаксического целого</i>	- 106 -
5.2.4.1. <i>Вывод</i>	- 108 -
5.2.5. <i>Стилистический повтор и синонимические накопления</i>	- 109 -
5.2.5.1. <i>Вывод</i>	- 111 -
5.2.6. <i>Восклицательные предложения</i>	- 111 -
5.2.6.1. <i>Вывод</i>	- 112 -
5.3. Невербальные средства выражения эмоций ГКЛ	- 113 -
5.3.1. <i>Вывод</i>	- 122 -
5.4. Выводы по Главе 5	- 124 -

Глава 6. Заключение.....	- 126 -
Глава 7. Zusammenfassung.....	- 129 -
7.1. Einleitung	- 129 -
7.2. Linguistische Theorie der Emotionen	- 132 -
7.3. Theorie der Genderlinguistik	- 133 -
7.4. Grundlegende Besonderheiten emotionalen Kommunikationsverhaltens bei Männern und Frauen.....	- 134 -
7.5.1. <i>Lexikalische Ebene emotionalen Sprachausdrucks von Männern und Frauen</i> .-	136
-	
7.5.1.1. <i>Bevorzugter „wertender“ Ausdruck im männlichen und weiblichen Sprachgebrauch</i>	- 136 -
7.5.1.2. <i>Emotionale Intensifikatoren männlichen wie weiblichen Sprachgebrauchs</i> -	136 -
7.5.1.3. <i>Interjektionen</i>	- 137 -
7.5.1.4. <i>Nicht normativer Sprachschatz</i>	- 137 -
7.5.2. <i>Syntaktische Ebene emotionalen Sprachgebrauchs bei Männern und Frauen</i> -	138 -
7.5.2.1. <i>Unvollständige Sätze oder Ellipsen</i>	- 138 -
7.5.2.2. <i>Ausdrucksfärbung im männlichen und weiblichen Sprachgebrauch und deren Inversion</i>	- 138 -
7.5.2.3. <i>Segmentierte Konstruktionen emotionalen Sprachgebrauchs</i>	- 138 -
7.5.2.4. <i>Bruch in der potentiellen syntaktischen Einheit</i>	- 139 -
7.5.2.5. <i>Stilistische Wiederholungen und Iteration von Synonymen</i>	- 140 -
7.5.2.6. <i>Ausrufungssätze</i>	- 140 -
7.5.3. <i>Die nonverbalen Ausdrucksmittel der Emotionen der „genderspezifischen Kommunikationspersönlichkeit“ (GKP)</i>	- 141 -
7.5.4. <i>Schlussfolgerungen aus Kapitel 5</i>	- 142 -
Библиография.	- 147 -
Приложение.....	- 152 -
Abstract der Diplomarbeit.....	- 153 -
Abstract of thesis.....	- 154 -
Автореферат.....	- 155 -
Положения, выносимые на защиту	- 155 -
L E B E N S L A U F	- 156 -

Глава 1. Введение.

Данное исследование направлено на описание особенностей мужской и женской речи в русском языке, с учётом эмотивного аспекта этих различий. Актуальность работы обусловлена высокой заинтересованностью современной науки в развитии основных эмотиологических, гендерологических и лингвокультурологических положений лингвистики.

Долгое время эмоции и пол не рассматривались как предметы лингвистики, что объясняет отсутствие надлежащего объёма знаний об этих феноменах с языковой точки зрения. Однако невозможно оспорить факт половой идентификации человека, а значит и влияние гендера, как социальной категории, на его языковое развитие. Так же, как и неоспоримо, на сегодняшний день, заявление неразрывной связи эмоций с главными компонентами мышления, разума и языкового сознания индивида. Поэтому **целью** наших исследований является рассмотрение, в рамках антропоцентрического подхода, вербально выраженных представлений о внутреннем эмоциональном мире гендерной коммуникативной личности как носителя определённой лингвокультуры.

Предметом исследования является соотнесение вербальных (лексических и синтаксических) и невербальных средств отражения эмоций мужчинами и женщинами в русском языке в конкретных категориальных эмоциональных ситуациях.

Теоретическая значимость дипломной состоит в последующей разработке проблемы эмоционального поведения гендерной коммуникативной личности на материале русского языка.

Практическая значимость определяется возможностью использовать её результативные данные в подготовке теоретических курсов по гендерологии, эмотиологии, лингвокультурологии, психолингвистики и коммуникации. Также работа может послужить материалом для курсов лингводидактики, учитывая фактор эмотивного компонента в обучении общения на иностранном языке.

1.1. Задачи

В основе данной дипломной работы лежат следующие аспекты:

- 1) Анализ категории «эмотивность», представленной в лингвистической теории эмоций В. И. Шаховского, и установление её влияния на речевое поведение индивида.

- 2) Анализ категории «гендер» и рассмотрение её влияния на эмоциональные проявления коммуникативной личности.
- 3) Определение доминантной эмоции эмотивного коммуникативного поведения мужчин и женщин в России.
- 4) Установление гендерных приоритетов в выборе вербальных средств в эмотивном аспекте коммуникации.
- 5) Описание различий невербального коммуникативного поведения мужчин и женщин в России.

1.2. Методы

Для выполнения поставленных задач нами были использованы следующие методы:

- гипотетико-дедуктивный метод
- метод контекстуального анализа;
- контент-анализ;
- метод сопоставительного анализа;
- описательный метод.

В качестве **объекта** исследования мы воспользовались устными и письменными текстами, порождёнными гендерной коммуникативной личностью и проанализированные из перспективы гендерных особенностей лингвистического выражения эмоций.

1.3. Положения, выносимые на защиту

Главными положениями нашей дипломной работы являются:

1. В современном мире в мужском и женском коммуникативном поведении, нашедшем отражение в отобранных нами устных и письменных текстах, главную объективизацию имеет категориальная эмоция гнева. Актуализация данной эмоции в русской лингвокультуре не носит андрцентричного характера.
2. Актуализация в речи эмотивных средств языка происходит в зависимости от гендерной принадлежности данной коммуникативной личности.
3. Язык, отмеченный гендерными признаками, определяет коммуникативного поведение мужчин и женщин согласно оценкам и нормам конкретной лингвокультуры.

1.4. Структура работы

Данная дипломная работа состоит из семи глав.

Первая глава состоит из введения, в котором даётся краткое описание объекта данного исследования – особенностей мужской и женской речи в русском языке в аспекте лингвистической теории эмоций В. И. Шаховского.

Вторая глава состоит из теоретической части. В этой главе был проведён анализ теоретической литературы по эмотиологии, ведущими работами которой для нас стали работы В. И. Шаховского. Нами были приняты следующие позиции:

- 1) Любому когнитивному процессу предшествуют эмоции.
- 2) Категория эмотивности представлена на всех уровнях языковой системы.
- 3) Эмотивное значение слова является типизированным отражением «социальной эмоции», соотнося эмоциональный мир каждой языковой личности с её национально-культурной спецификой.
- 4) Вербально артикулированное эмоциональное состояние является осмысленным, т.е. поднятым до понятийного уровня сознания.
- 5) Эмотивный текст представляет собой связную единицу эмотивной речи.
- 6) Существуют нормы реализации эмотивов в речи.

В третьей главе нашей работы был рассмотрен теоретический материал по гендерологии и проанализирована категория «гендер» в связи с её особенностями влияния на речевую деятельность индивида, как представителя конкретной лингвокультуры.

Четвёртая глава представляет собой теоретический экскурс в выявлении особенностей эмоционального уровня гендерной коммуникативной личности. В данной главе нами были определены следующие категории эмоций, как базовые:

- гнев
- радость
- удивление
- грусть
- страх

Главная позиция, принятая в этой главе, гласит: Эмоциональное поле индивида и способы его выражения предопределяются гендерными особенностями коммуникантов.

Пята глава является практической частью данной работы. Эта глава посвящена анализу языкового материала на предмет различий в употреблении эмотивных средств

гендерной коммуникативной личностью в вербальном и невербальном поведении, отражённых в устной и письменной речи русских мужчин и женщин.

Нами были рассмотрены:

- лексический уровень эмоциональной речи мужчин и женщин;
- синтаксический уровень эмоциональной речи мужчин и женщин;
- невербальное поведение эмоциональной гендерной коммуникативной личности.

Лексический и синтаксический уровни представлены двенадцатью эмотивными категориями, рассмотренными в аспекте употребления их мужчинами и женщинами в разных категориальных эмоциональных ситуациях, описанных базисными эмоциями.

Невербальное коммуникативное эмоциональное поведение мужчин и женщин представлено самыми основными его составляющими, являющимися отличительными для русской языковой личности:

- взгляд
- жестикуляция
- мимика
- просодика

Шестая глава представляет собой заключение, в котором подводятся итоги проведённого исследования.

Седьмая глава (Zusammenfassung)

Дипломную работу завершает резюме на немецком языке.

Глава 2. Лингвистическая теория эмоций.

2.1. Антропологический подход к проблематике изучения эмоций

Интенсивное развитие таких направлений языкознания, как аксиологическая, гендерная, коммуникативная лингвистика, генристика, анализ дискурса и других, показывает, что ни одно из них не может обойтись без применения в своих исследованиях знаний об эмотивных аспектах языковых, речевых и текстовых единиц. Однако, эмотивность долгое время являлась предметом исследования психологии, физиологии и философии, но не лингвистики, которая «позже всех осознала, что эмоции являются её предметом, и из-за отсутствия должного объёма знаний о нём долго не формулировала основных подходов своего исследования в сфере эмоций». (Шаховский 2008, С.7).

Самостоятельным объектом лингвистических исследований языковые средства выражения эмоций стали во второй половине прошлого столетия. К тому времени значительная группа учёных, разделившись на два лагеря, решала вопрос, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими языка или нет. К группе учёных, исключавших надобность изучения эмоционального компонента, принадлежали К. Бюлер, Э. Сепир и Г. Гийом, подчёркивая языковую доминантность когнитивной функции. Напротив, Ш. Балли, ван Гиннекен и М. Бреаль считали центральной функцией – функцию выражения эмоций. (Шаховский 2008, С.13).

Сегодня можно уверенно сказать, что эмотивность - одна из главных составляющих языка. Антропоцентрический подход в лингвистике показал, что эмоции выступают не только объектом отражения в языке, но и средством отражения самих себя и других объектов действительности, являясь неотделимым от отражающего субъекта. (Шаховский 1987, С. 7-8).

С помощью эмоций в сознании человека отражается его эмоциональное отношение к действительности. В процессе мышления человек как языковая личность (ЯЛ) «усваивает» и «перерабатывает» информацию окружающего мира, отражая результаты этой «переработки» в языке. Необходимо ещё раз подчеркнуть, что регулятором вышеуказанного процесса служат эмоции, выступая в роли посредника между действительностью и её языковым отражением.

В 80-е годы прошлого века началось последовательное создание теории эмотивности языковых единиц в рамках различных лингвистических направлений. Советские

лингвисты, как Э.С. Азнаурова, И. В. Арнольд, С. Б. Берлизон, Е. М. Галкина-Федорук, М. Д. Городникова, В. А. Мальцев, Н. М. Павлова, О. И. Быкова, Н. М. Михайловская, В. И. Шаховский и др. (См. Шаховский 2008. С.16), опережая своих коллег за рубежом, проложили путь к разработке подходов в решении проблемы эмоциональной концептосферы, а также других эмоциональных определяющих внутри- и межкультурного коммуникативного фактора (напр., эмоционального поведения, эмоциональной толерантности и др.).

2.1.1. Волгоградская школа лингвистики эмоций: главные положения теории эмоций В. И. Шаховского

Одной из ведущих школ лингвистики эмоций является волгоградская школа, начавшая заниматься языковыми эмоциями в 1966 году. Первая диссертация по этой теме была защищена в Москве в 1969 году В. И. Шаховским. Тогда ещё не существовало такой научной парадигмы и самого термина «лингвистика эмоций» (эмотиология). Эти понятия в советской лингвистике появились в 80-е годы двадцатого столетия.

Одной из широко разработанных лингвистических теорий эмоций в России на сегодняшний день является концепция В. И. Шаховского о категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка.

Шаховский проводит разграничение между эмотивностью и экспрессивностью, между денотативностью и коннотативностью эмотивной семантики, даёт анализ и описание структуры коннотативного значения, проводит разграничение между обозначением, выражением и описанием эмоций. Им разработаны принципы категоризации и классификации эмотивной лексики. Учёный отвечает на вопросы, связанные с закономерностями, компонентами и функциями эмотивного текста. Рассматривает синхронию и диахронию развития лексической семантики в эмотивном тексте.

Шаховскому удалось провести чёткое разграничение между лингвистическими и нелингвистическими понятиями, существовавшими до появления эмотивной лингвистики.

Разделение понятий «эмоция» и «эмотивность» состоит в том, по мнению Шаховского, что эмоция относится к категории психологии, а эмотивность предстаёт как трансформированная на языковом уровне эмоция. В целом, эмотивность – это «имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики; отражённые в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции». (Шаховский 1987, С. 24).

«Категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстаёт в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах». (См. Шаховский 2008, С.28).

Разграничив понятия языковой системы и языковой реализации, Шаховскому удалось отделить лингвистику эмоций от других смежных дисциплин.

Основные положения концепции эмоций В. И. Шаховского:

- 1) эмоциональное отношение индивида к действительности является социально осознанным, то есть, в той или иной мере, типизированным;
- 2) эмоции «воспроизводят» в сознании ЯЛ её эмоциональное отношение к действительности;
- 3) эмотивность слова интерпретируется как «его семантическая способность репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определённых эмоциональных отношений субъекта к тому, что несёт данное слово-образ». (Шаховский 1995, С. 13).

В. И. Шаховский многократно подчёркивает необходимость антропоцентрического подхода к лингвистическому изучению эмоций, «при котором категория эмотивности получает ситуативно-личностное звучание». (См. Шаховский 2008, С.29).

2.1.2. Языковая личность: эмоциональный аспект

В центре антропоцентрической лингвистики ставится понятие «языковой личности» (ЯЛ), то есть человека в его способности совершать речевые поступки. В науку это понятие ввёл В. В. Виноградов, исследуя язык художественной литературы.

В лингвистическом словаре мы находим такую формулировку «ЯЛ»: «носитель языка, который охарактеризован на основе анализа сделанных им текстов с точки зрения применения в этих текстах системных средств этого языка, чтобы представить его видение окружающей действительности и возможно для достижения каких-то его целей». (1:Лингвистический словарь).

Одной из теоретических проблем антропоцентрической лингвистики эмоций В. И. Шаховский определяет вопрос «как эмоциональный мир языковой личности соотносится с её национально-культурной спецификой?» (См. Шаховский 2008, С.46).

Автор делает следующие выводы:

- 1) языковые личности всех культур испытывают универсальные эмоции, однако распределение этих эмоций, а также их интенсивность, акцентирование в речевых актах не одинаково на уровне ЯЛ и на национально-культурном уровне;
- 2) слово, выражающее эмоцию, содержит компоненты, принятые для выражения эмоций всех носителей данного языка;
- 3) установление этапов формирования эмотивной компетенции ЯЛ является важной теоретической и дидактической задачей лингвистики.

2.2. Лингвистическая реализация эмоций

2.2.1. Эмотивное значение слова и понятие

Рассматривая категорию эмотивности, одновременно встаёт вопрос об эмотивном значении слова. Опираясь на изучение научной литературы, можно определить эмотивное значение как семему, содержащую в своей структуре сему эмотивности той или иной степени, т. е. значение, в котором определённым образом обозначены эмотивные смыслы. Эти смыслы могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными (как у экспрессивов) или могут входить в логику-предметную часть значения (эмотивы-номинативы).

Эмотивное значение слова не является отражением эмоций только данного говорящего, а предстаёт как типизированное отражение «социальной эмоции».

«В стандартных эмоциональных ситуациях люди данной языковой общности испытывают и выражают принципиально одинаковые эмоции. Каждый индивид, естественно, варьирует типизированную эмоцию, подгоняет её под то или иное слово (знак этой эмоции) в зависимости от своего индивидуального опыта, но в пределах социального (обобщённого) опыта. Это и обеспечивает дифференциацию эмоций при их языковом выражении через эмотивное значение того или иного языкового средства». (Шаховский 2008, С. 55).

В зависимости от ситуации общения, происходит отбор эмотивной лексики говорящим. И этот процесс проходит в рамках существующего кода, позволяющего контролировать сознание субъекта. В абсолютном большинстве случаев использование эмотивного значения смоделировано коммуникантами.

Шаховский обращает внимание на быстрое осознание эмотивного значения. Первое, что схватывает субъект в слове – это его эмоциональный смысл (что-то хорошее или что-то плохое), до того, как он понимает его логику-предметное значение. Именно этот факт указывает на существование так называемого «эмоционального мышления».

Доказательством самостоятельности эмотивного значения служит пример, когда человек, затрудняющийся вспомнить дескриптивное слово, обозначающее тот или иной предмет, может легко подобрать соответствующее его эмоциональным ощущениям слово. Например, указывая на каскадёра: *«Потрясающе! Ух ты!»*, а на пьяного бомжа: *«Мерзость!»*

Итак, эмоциональное состояние, выраженное на языковом уровне, является осмысленным, т.е. поднятым до понятийного уровня сознания.

По мнению Шаховского, лексическое содержание слова результирует из взаимодействия двух видов понятий:

- а) дедуктивно-логического и
- б) индуктивно-прагматического.

Первое, как «понятие с определённой совокупностью существенных признаков» (Шаховский 2008, С. 59), имеет более жёсткие границы. Из его признаков складывается предметно-логическое значение слова.

Второе «включает в себя потенциальные и субъективно приписываемые предмету признаки» (Шаховский 2008, С. 59) и имеет «размытые» границы. Среди признаков индуктивно-прагматического понятия могут быть носящие эмоциональный характер. И именно эти признаки лежат в основе эмотивной семантики слова.

«Индуктивно-прагматические понятия являются производными и вторичными по отношению к дедуктивно-логическому понятию». (Шаховский 2008, С. 59). Субъект, формируя понятия, накладывает на них своё эмоциональное отношение к предметам, стоящим за этими понятиями.

Понятийное содержание слова состоит из свёрнутых суждений, которые раскрывают признаки интенционала, экстенционала и импликационала. «В содержание интенционала понятия входят существенные, главные признаки, в содержание экстенционала — несущественные, второстепенные, а в импликационал — ассоциативные, потенциальные, вероятностные и пр. Все эти признаки подвержены оценочной квалификации, рациональной и эмоциональной». (Шаховский 2008, С. 60).

Слова, выражающие эмоции, которые Шаховский называет «эмотивами» (См. Шаховский 2008) стремятся к своей понятийной обусловленности, как и неэмотивы. Именно понятие является главным ключом к их правильному восприятию и употреблению в речевой коммуникации.

А. Н. Савченко выражает эту мысль так: «... При помощи языка осуществляется и закрепляется сочетание определённых эмоциональных отношений с определёнными

понятиями в соответствии с социальным опытом народа или социальной группы, и, таким образом, чувства, являющиеся неотъемлемым элементом сознания, становятся неотъемлемым элементом языковой формы мышления». (Савченко 1972, С. 30).

Логическое содержание понятия и его эмоциональное осмысление могут изменяться в разной степени. Так как эмоциональность более подвижна, неустойчива, чем рациональность, изменение эмотивного компонента семантики слова может развиваться быстрее его логико-предметного компонента или смещаться в непредвиденном направлении, после чего закрепляться в опыте говорящего субъекта и «возвращаться» в семантику коррелятивных слов.

Мышление содержит и рациональные, и эмоциональные моменты, сопоставляющиеся или ассоциируемые с понятиями и с соответствующими им эмоциями. Таким образом, каким бы самостоятельным не являлось эмотивное значение, оно соотносится с определёнными эмоциональными представлениями, которые, как известно, сопровождают понятия.

Необходимо заметить, что существует и непонятийное эмотивное значение как вариант понятийного. «Но если эмотив может получить социальную понятийную интерпретацию, закреплён за определённой ситуацией, то его эмотивное значение может быть понятийно обусловлено». (Шаховский 2008, С. 65). Многие понятия сами по себе обладают определённой эмоциональной ценностью, которая в речевом опыте переходит на слово, семантика которого, благодаря этому, обретает понятийную детерминацию.

Представления, как и их словесные обозначения, вызывают в субъекте эмоции. Воспринимая слово, человек как бы ощущает сам объект наименования. Этот процесс Б. Китерман называет сенсуальным воздействием слова (Китерман 1909, С. 170), при котором значение данного слова одновременно вызывает у коммуникантов и представление о предмете, названном данным словом, и определённые эмоции, сопряжённые с ним.

Таким образом, слово, получившее объективную эмоциональную окраску представления о предмете, производит похожее воздействие на наше сознание, как и сам предмет или представление о нём. Объяснением тому является, несомненно, отражение понятий и представлений в семантике слов, в том числе и в эмотивной. Происходит переход предметного качества признаков в понятийное, а затем в семантическое качество. Одним из видов эмотивной семантики является эмотивное значение, причём «эмотивность в слове самостоятельно значима и обязательна».

(Шаховский 2008, С. 67). Необходимо ещё раз подчеркнуть, что эмотивное значение, каким бы самостоятельным оно не было, всегда сопоставляется с определёнными представлениями, которые, когда они уже сформированы и социологизированы, не могут быть независимыми от понятий.

2.2.2. Эмотивность в семантике слова

Человек думает в понятиях, которые, в свою очередь, нуждаются в носителе – в словах. К числу всех этих слов относятся также и эмотивы, т.е. слова с эмотивным значением. Выражая свою эмоцию, субъект старается показать своё эмоциональное отношение к объекту, о котором думает, говорит. Он оценивает этот объект. При этом ему не всегда важно знать реакцию реципиента – получателя информации, так как главным для субъекта может быть только желание высказаться, выразить своё отношение к предмету.

Ещё раз напомним, что «отношение (в том числе и эмоциональное) имеет определённую содержательно-концептуальную базу, благодаря которой и возможны интерпретации эмотивных значений». (Шаховский 2008, С. 68).

«Социологизированные эмоции языковой личности как типизированные эмоциональные отношения к миру оязыковляются, т.е. перерабатываются, объективизируются, опосредуются языком и семантизируются в определённых языковых единицах – эмотивах (аффективах, коннотативах), которые фиксируют и воспроизводят эти взаимоотношения коммуникантов друг с другом и с миром в эмоциональных речевых актах». (Шаховский 1995, С. 49).

Рассматривая аксиологический фактор в языке, как познавательный процесс «ценностной ситуации» (2: Новая философская энциклопедия 2003), можно представить следующую модель отражения действительности в языке с помощью человеческих эмоций:

- а) субъект и его эмоции сами относятся к отражаемым объектам языка
- б) эмоции являются главным компонентом отражения действительности, при этом субъект находится в роли «отражателя»
- в) язык является средством отражения действительности, а эмоции – формой отражения или семантической интерпретацией отношений человека к миру (См. Шаховский 2008, С. 68).

Итак, эмоции являются частью языкового содержания предметного мира. Та часть содержания понятий, в которой мы находим эмоциональное выражение субъектно-

объектных отношений, обобщённые и зафиксированные социальным опытом эмоциональные отношения к объектам мира, т. е., так называемые, эмоциональные импликации, - эта часть содержания отражается в эмотивном компоненте семантики слова. «Под *эмотивностью* здесь понимается отражённость эмоций в слове, обуславливающая его семантическую способность выражать эмоции, по сравнению с его способностью называть, именовать, описывать их. Соответственно под *эмотивным компонентом семантики слова* подразумевается то её структурное подразделение, которое специально предназначено для адекватного выражения эмоциональных отношений всеми говорящими на данном языке. Словозначение с таким компонентом в его семантике мы называем эмотивным словом, или *эмотивом*». (Шаховский 2008, С. 69; курсив автора).

Итак, эмоциональные реакции или ассоциации субъекта закрепляются в некоторых понятиях и отражаются в лексической семантике слов, соотносимых с этими понятиями. Другими словами, эмоции «проникают» (См. Шаховский 2008, С. 71) в семантику слова, фиксируются там и хранятся до своей манифестации, т. е. до того момента, когда они будут выражены и опознаны.

2.2.3. Статусы эмотивной семантики

Семантика слова образует структуру, в которой взаимодействуют составляющие её компоненты, т. е. «признаётся ядро и периферия как структурные элементы словной семантики; всякое употребление слова есть семное варьирование его семантики». (Isard 1980, С. 36-40, в: Шаховский 2008, С. 73).

Микрокомпонентами эмотивности как семантического компонента слова можно назвать эмотивные семы, или эмосемы, представленные как совокупность семантического признака «эмотивность» и семных конкретизаторов («любовь», «отвращение» и т. д.), при этом последние видоизменяют в словах вышеупомянутый семантический признак. (См. Шаховский 2008, С. 74).

Эмосемы передают субъективную эмоциональную действительность, но, необходимо подчеркнуть, что для слова эта действительность является объективной. Кроме этого, эмосемы, как и другие типы сем, являют собой целый арсенал разных видов этих микрокомпонентов эмотивности.

Шаховский выявил три семантических статуса эмотивности:

1. Статус денотативной эмотивности, который и является эмотивным значением слова.
2. Статус факультативный, который составляет коннотацию слова.

3. Статус потенциальной эмотивности, который составляет эмотивный потенциал слова.

К первому статусу можно отнести аффективы, в которых эмотивное значение становится обязательным и, таким образом, приравнивается к денотативному значению. Здесь необходимо заметить, что существует два типа денотации: логико-предметная и эмотивная, «которые в 'чистом' реализуются в семантике слова порознь». (Шаховский 2008, С. 75).

Ко второму типу относятся коннотативы, которые «служат для выражения эмоционального отношения говорящего к называемому в логико-предметном компоненте значения объекту отражения или через его наименование к другому объекту отражения, обладающему сходными объективными или приписываемыми эмоциональным говорящим признаками». (Шаховский 2008, С. 76).

Если аффективы относятся к односоставной структуре их лексического значения, что значит отражение объекта происходит через эмотивный компонент, то коннотативы относятся к двусоставной структуре, т. е. название объекта происходит через логико-предметный компонент плюс эмотивный компонент. Почти все слова способны приобрести эмотивную коннотацию.

Статус потенциальной эмотивности представляет собой возможность перехода несущественных признаков понятия слова в существенные. Субъект, отражая мир и объекты в нём, может переносить интерес на определённые признаки, которые до сих пор не являлись главными, но с интересом субъекта становятся вершинными.

Результаты исследований эмотивности помогли составить определённую модель лексической семантики слова. Она может формироваться из трёх компонентов:

- а) логико-предметный компонент, выполняющий номинативно-идентифицирующую функцию (напр., *велосипед*, *стакан* и т. д.)
- б) эмотивный компонент, представленный двумя статусами – значение и созначение, иначе, функцией эмотивного значения (напр., *фу*, *жуть* и т. д.) и функцией эмотивной коннотации (напр., *конфетка* (о красиво одетой девочке), *свинья* (о человеке) и т. д.)
- в) функционально-стилистический компонент, регулирующий выбор употребления слова в конкретной речевой ситуации.

Семантика слова может быть представлена разными компонентами. Если только логико-предметным и соответствующим ему функционально-стилистическим, то значение слова неэмотивно. Если семантика слова состоит из всех трёх компонентов, то значение эмотивно-коннотативно, а если в семантике эмотивный и соответствующий

ему функционально-стилистический, то значение эмотивно-аффективно. Последние два типа слов являются эмотивными.

2.2.4. Эмотивная номинация

Проанализировав речевые акты людей в разных текстах, лингвисты пришли к выводу, что не только собственно-понятийным, но и эмоциональным явлениям также присваивается языковое обозначение.

Именно благодаря «экспрессивно-эмоционально-оценочной» номинации (Шаховский 2008) человек в состоянии выразить свои психические состояния, которые играют неоспоримо важную роль в его жизни.

Так как слова в своей семантике имеют кроме денотативного ещё и коннотативный элемент, экспрессивно-эмоционально-оценочная номинация, в отличие от понятийной, которая составляет основу номинации вообще, предстаёт как более осложнённая. Именно этот тип номинации гарантирует лексическую и семантическую динамику языка, которая сопровождается такими процессами, как словообразование и словопреобразование.

Как видно из понятия «экспрессивно-эмоционально-оценочная», этот вид номинации, называя объект речи, одновременно характеризует его, описывая отношение к нему говорящего. Одновременно с «называнием» объекта происходит эксплицитное или имплицитное закладывание дополнительной информации, связанной с психическим состоянием говорящего, с его отношением к адресату речи, в семантику языковой единицы или модели, по которой она создана. Кроме того, лексико-семантическая единица получает стилистический статус – коллоквиальность (разговорность). Это во многом объясняет осознанное использование эмотивных средств языка говорящими. (Скребнев 1976).

Эмотивная номинация не имеет особенных категорий и типов, свойственных только ей одной. Например, такие словообразовательные возможности, как аффиксация, конверсия или словосложение, участвуют и в понятийной, и в эмотивной номинациях.

Как было сказано выше, эмотивная номинация, являясь вторичной номинацией по отношению к понятийной, а значит и более осложнённой, определяется и семантически более осложнёнными номинационными знаками. Таким образом, следует различать *«семантический потенциал знаков понятийной номинации и информационный потенциал знаков экспрессивно-эмоционально-оценочной номинации»*. (Шаховский 2008, С. 89).

«Под семантикой знака понимается совокупность признаков данного понятия о данном денотате, а под информацией, которую несёт знак, понимается вся совокупность сведений (лингвистических и экстралингвистических) о нём. В случае эмотивного знака такой информацией является характерологическое отношение к обозначаемому, закреплённое в коллективном сознании коммуникантов». (Шаховский 2008, С. 89).

Делая вывод из вышесказанного, следует подчеркнуть широкий диапазон информативного содержания лингвистических знаков в сравнение с его семантикой.

Таким образом, эмотивность, определённая как часть экстралингвистической информации о денотате и об авторе речи, открывает расширенные возможности эмотивной номинации в повышении выразительности языковых средств.

2.2.5. Эмоциональность, экспрессивность и оценочность

Изучение эмоционального выражения в языке неизбежно связано с такими явлениями, как экспрессивность и оценочность.

Следует заметить, что точное определение экспрессивности в научной литературе на сегодняшний день отсутствует. Причиной тому является несовпадение результатов исследования экспрессивности по данным разных языков, по уровням внутри одного языка и даже по средствам и способам её формирования внутри одного уровня.

В. Н. Гридин понимает под экспрессивностью «совокупность семантико-стилистических признаков единиц текста, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к адресату или содержанию речи. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка». (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, С. 591).

Эмоциональные элементы в языке служат для выражения чувства человека. Многие средства языка употребляются исключительно для этой цели. Экспрессивные языковые средства же усиливают выразительность и изобразительность, как при выражении эмоций, выражении воли, так и при выражении мысли. Таким образом, правильно считать термины «экспрессивность» и «эмоциональность» взаимообуславливающимися. В некоторых случаях происходит их сближение, вплоть до наложения друг на друга, а в некоторых они используются отдельно друг от друга. Итак, язык обладает способностью выражать понятийную и эмотивную информацию, не увеличивая число лексических единиц, а преобразовывая семантическую уже имеющихся, т.е. обогащая их экспрессивностью.

Разные учёные выявляют разные коннотативные составляющие компоненты категории экспрессивности. Например, В.Н. Гридин составляющими категорию экспрессивности считает эмоциональный и оценочный компоненты; В.Н. Телия – эмоциональность и оценочность; Т.В. Матвеева – эмоциональность, оценочность и интенсификацию признака.

Существуют разные типы экспрессивности, зависящие от её составляющих единиц: от способа и средства, её представляющих; от национально-специфичных черт разных языков.

«К числу предельно составляющих экспрессивность как лингвистическую категорию можно причислить следующие семантические компоненты: *интенсивность, оценочность, образность, эмотивность*. К ним необходимо добавить (если рассматривать семасиологический аспект в связи со стилистическим) ещё функционально-стилистический и изобразительный компоненты. Комбинаторика всех этих компонентов, естественно, различна в разных типах экспрессивов». (Шаховский 2008, С. 96).

В формировании экспрессивной семантики принимают участие также множество других ещё не обозначенных компонентов. Это подтверждается уже тем, что последняя определяется не только семасиологическими средствами, которые были рассмотрены выше.

В. И. Шаховский предлагает ещё разграничивать понятия денотативной и денотативно-коннотативной экспрессивности, когда экспрессив ещё и эмоционален.

Как уже было сказано выше, в семантике некоторых экспрессивов выделяют оценочный компонент. Несомненно, денотативно-коннотативные экспрессивы обязательно содержат в своём составе этот оценочный компонент. Как замечает Шаховский: «Анализ показывает, что *эмотивный компонент всегда имеет оценочный знак; это связано с тем, что эмоция бывает или приятной, или неприятной, третьего ей не дано*. [...] Одновременно эмотивное обозначение денотата, по сравнению с нейтральным, является и усиленным, так как эмосема облигаторно сопровождается интенсемой, т.е. эмотивность слова может быть более/менее яркой». (Шаховский 2008, С. 96).

Различия в понятиях «эмоциональность» и «оценочность» выражаются разными видами отношения к передаваемой/получаемой информации. Оценочность основывается на «концепции прагматической духовной ценности человека». (Беседина 1998, С. 49).

Как и экспрессивность, оценочность можно определить как семантическое понятие, предполагающее «ценностный аспект значения языковых выражений». (Вольф 1985, С. 5).

Есть расхождения В. И. Шаховского с другими учёными о том, всегда ли оценочность является коннотативной. Шаховский показывает на примерах, что можно выделить две формы оценочности, одна из которой переживает *«отрыв от денотата* в случаях выражения эмоциональной оценки», а другая представлена «смысловым оттенком денотативного значения». (Шаховский 2008, С. 102).

Далее учёный определяет по семантическому признаку «оценка» разные языковые единицы – «нейтральные» и «оценочные». Поддерживая А. Вежбицкую, он перечисляет такие оценочные варианты, как: хороший/плохой, сомнительный, вероятный/достоверный, желательный/нежелательный и другие. (Шаховский 2008, С. 102).

Важно отметить, что отрицательная оценка превалирует в русском языке, как и в большинстве (если не во всех) других языков. Это можно объяснить социально-психологическими факторами, когда всё хорошее считается нормой, а отклонение от неё представляет собой множество разнообразных проявлений денотативного и коннотативного характера. (Примерами слов с денотативной оценкой могут служить: *наркоман, дерзить, энтузиаст* и др.).

В речевом акте говорящий может выражать свою оценку, сопровождая высказывания эмоциями. Таким образом в словах реализуются потенциальные эмосемы, превращая рационально-оценочные слова в эмотивно-коннотатирующие. То есть оценочный компонент окрашивается эмоциональностью, как и в случае с экспрессивностью. Но следует подчеркнуть, что эмоциональная оценка никак не может существовать без семантической доли рационального.

Делая вывод из вышеизложенного, следует определить экспрессивность и оценочность как компоненты денотативной семантической доли лексического значения слова, а не коннотативной. «Они могут стать 'коннотативными', т.е. эмотивно окрашенными, только при наличии эмотивного компонента в значении слова (отсюда следует, что к коннотации автор относит только эмотивный компонент значения)». (Шаховский 2008, С. 104).

2.2.6. Типология коннотации

«Согласно общепринятой в современной лингвистике точке зрения, слово обобщает (через сигнификативную функцию), называет или обозначает (через денотативную функцию), выражает чувства говорящего и слушающего (через эмотивную функцию), сообщает (через коммуникативную функцию)». (Уфимцева 1974, С. 39).

Как уже было сказано выше в нашей работе, под термином «коннотация» В. И. Шаховский понимает «ту часть лексического значения слова, с помощью которой выражается психическое состояние говорящего, его отношение к предмету, объекту и к адресату речи, т.е. всё то, что составляет цель эмотивной функции слова». (Шаховский 2008, С. 112).

Исходя из вышесказанного, коннотативное значение слова соотносится с такими семантическими компонентами, которые действуют в области чувств коммуникантов.

Далее у Шаховского мы находим следующую типологию коннотации:

- I. а) Эксплицитная или явная: *крыса* (о человеке), *чудовище* (о жестоком человеке).
б) ИмPLICITная или скрытая (подразумеваемая): например, «хорошие» и «плохие» слова, *красота*, *друг*, *провал*.
- II. а) Узуальная или парадигматическая: *фашист*.
б) Окациональная или контекстуальная: *жизнь как раскалённая сковородка*.
- III. а) Индивидуальная: *берёзовая Русь*, *интеллигент*.
б) Коллективная: *отчий дом*, *Хиросима*.

IV. Являясь компонентом значения, коннотация выступает как некая «семантическая абстракция» (Шаховский 2008), модифицирующаяся в следующих качественных выражениях: 1) эмотивная, 2) оценочная, 3) экспрессивная, 4) стилистическая: *сыграть ящик* (умереть), 5) прагматическая: *Серп и Молот* (символ единства рабочего класса и крестьянства Страны Советов).

Рассмотренные выше коннотации могут быть выражены в пределах семантической структуры слова, например, в лексическом значении (*вонючий*), в ассоциациях (*ядерный*) и в др.

Однако следует заметить, что все типы коннотаций редко предстают в «чистом» виде, проявляя одновременно качества других типов коннотаций.

Что касается компонентов значения, указанных в пункте IV, то в большинстве случаев, как показывает анализ текстового материала, они выступают в речи в различной комбинации. Самыми распространёнными комбинациями являются:

- I. эмоционально-экспрессивная (*старикан*, *добряк*)

2. эмоционально-оценочная (*сногшибательный*)
3. экспрессивно-оценочная (*патлатый* = *длинноволосый*, *скелет* = *худой человек*).

2.2.7. Эмотивная валентность единиц языка

В. И. Шаховский установил, что эмотивные семы (эмосемы) могут вступать в разнообразные отношения с денотативными семами. (Шаховский 1982, С. 82-89). Так семантическая валентность слова расширяется за счёт появления в слове эмосем. Таким образом появляется новая, дополнительная, т.е. эмотивная валентность.

Понятие «эмотивная валентность» предложил В. И. Шаховский, который определяет его, как «способность данной лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе явных или скрытых эмосем и, тем самым, осуществлять свою эмотивную функцию». (Шаховский 2008, С. 117).

В связи этим, можно предположить, что каждое слово обладает эмотивной валентностью, важной для его сочетаемости с другими словами. Для этого достаточно одной единственной эмосемы, даже скрытой, чтобы она когда-нибудь смогла реализовать её.

Именно эмотивная валентность объясняет множество разных, часто неожиданных или оригинальных, сочетаний, как, например, «*тоска зелёная*» и др.

Так как человек может выражать эмоционально-оценочное отношение ко всем окружающим его предметам, то, как считают такие филологи, как Э. С. Азнаурова, М. В. Никитин, В. Н. Телия или сам В. И. Шаховский и др., в значении слов имеются такие компоненты, которые, видоизменяясь, могут превращаться в эмосемы. Благодаря этому механизму, эмотивная валентность, как одна из разновидностей смысловых валентностей, становится бесконечной, как и бесконечно число эмосем, её образующих.

2.3. Вербальная реализация эмоций в речевом акте

В отечественной лингвистике признаётся положение о том, что именно речь является информативной, а язык - «код», который необходимо привести в действие. Именно функциональность языка влияет на его организацию и развитие: язык живёт и развивается в речи. (Панфилов 1977, С. 6).

Как уже не раз было сказано в нашей работе, любая речевая деятельность эмоциональна. Конечно, эмоциональность может не всегда быть явной. Человек пользуется языком не только для того, чтобы давать информацию о положении дел,

констатировать факты, фиксировать мысли или организовывать свои дела, но явно и для того, чтобы выражать множество своих состояний, эмоций и отношений к окружающему миру.

Такие учёные как Ш. Балли, Р. Якобсон, Л. Шпитцер, К. Бюллер, А. Марти, Ж. Марузо, К. Фосслер, Е. Курилович и др. выделяют, среди множества функций языка, эмотивную функцию, которая служит для передачи всевозможной эмоциональной информации.

Для полного понимания эмоциональной функции языка, необходимо различать понятия «внутренний диалог» и «внешний диалог», т.е. «язык мыслей» и «язык слов». (Последние два понятия взяты у Шаховского). Интересна дифференциация между управлением внутренним диалогом и внешним. Выражая мысли вслух, человек следует определённым правилам их выражения: в большинстве случаев, он знает, какие мысли следует и как выражать в каких ситуациях; какая реакция может последовать на конкретные речевые выражения. В этом случае можно говорить о способности «укрощать» язык коммуникантом. Конечно, эта способность ограничена. Определённые речевые ситуации, конкретные эмоциональные состояния ведут к неуправляемости речевых выражений. Ещё менее управляем внутренний диалог, базирующийся на «скрытых» мыслях.

Различия между внутренней и внешней речью основывается на эмоциональном дейксисе говорящего, на его коммуникативной или просто человеческой компетенции правильно оценивать ситуацию и определённо действовать в ней.

Конкретные языковые ситуации вызывают в человеке конкретные эмоции. Например, измена может вызвать разочарование, ведущее за собой гнев; выражение любви – выражение радости. В связи с этим возможна, так называемая, категоризация языковых ситуаций.

Существует немалое количество базовых эмоций, которые легко можно обнаружить в лексике, и, которые эмоциональны уже в словарном состоянии семантики. Такая лексика уже определена в теории как эмотивная. В этом случае разделяют понятия «словарные» эмотивы и «контекстуальные».

Контекстуальное значение слов можно определить как «отсутствующее в их смысловой структуре и приобретаемое в контексте в связи с особыми условиями употребления, имеющее переходящий, непостоянный характер, появляющееся в данный момент и возможное в условиях только данного контекста; представляет собой наиболее неустойчивую, подвижную, колеблющуюся в своём содержании категорию, которая не

реализуется в контексте, а возникает в нём». (4: Толковый переводоведческий словарь, 07.2012).

«Однако окончательный вывод о характере выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации, в связи с чем возможен вывод о дискурсивном характере эмоций и с этой точки зрения – о дискурсивном эмоциональном мышлении». (Шаховский 2008, С. 131).

Вышесказанное означает, что информация, полученная коммуникантом, никогда не адекватна той, которую передают. Она в определённой степени зависит от эмоционального расположения получателя.

Как уже было неоднократно сказано, наиболее выражающими и прагматичными являются отрицательные категориальные эмоциональные ситуации.

Среди существующих классификаций эмоций, выделяют «коммуникативные» эмоции, т.е. эмоции, «возникающие на основе потребности в специфическом общении как реакция на удовлетворение/неудовлетворение стремления к эмоциональной близости». (Шаховский 2008, С. 136).

Советский психолог Б. И. Додонов, создатель концепции эмоциональной направленности личности, составил список следующих коммуникативных эмоций (Додонов 1975, С. 26): желание общаться, делиться мыслями, переживаниями, найти им отклик; чувство симпатии, расположения; чувство уважения к кому-либо; чувство обожания кого-либо; желание заслужить одобрение от близких и уважаемых людей.

В. И. Шаховский дополняет список ещё типами «неодобрительной» эмоциональной коммуникации (Шаховский 2008, С. 136-137): желание оскорбить, обидеть, презреть, унижить.

2.3.1. Экспрессивность речи

С. Эрвин-Трир среди устных коммуникаций выделяет так называемый «экспрессивный монолог» (цит.по [Розен 1984]), как выражение досады, недовольства, радости и желания вызвать в адресате определённые реакции.

Из этого можно сделать вывод, что экспрессивность выполняет коммуникативную функцию, т.е. имеет «сообщительную значимость». (Шаховский 1982).

Анализ показывает, что экспрессивная речь отображает в первую очередь эмоциональное состояние коммуникантов, от которого зависит выбор эмотивной лексики и эмотивного синтаксиса говорящего.

Не подлежит сомнению, что в результате общения у говорящих меняется уровень знаний, их эмоциональное состояние, установки; общение вызывает конкретные действия и поступки. Экспрессивная речь может вызвать у адресата интенсивные эмоции, более сильные, чем какие-либо логические выводы и аргументы.

Чтобы убедить человека, необходимо активировать «заражающий» компонент передаваемой информации, а для этого речевой акт должен быть вербально экспрессивно окрашен. Это ещё раз подтверждает взаимодействие экспрессии с эмоциональностью. Так, экспрессия – это «реакция языка на эмоции». (Шаховский 2008, С. 139).

В. И. Шаховский отмечает, что экспрессивность достигается также и нейтральной лексикой. Тогда нейтральность высказывания расходится с его экспрессивно-эмоциональным содержанием.

Делая вывод, экспрессивность в коммуникативном акте можно описать как функцию манипуляции языком конкретного индивида. Таким образом, экспрессивность предстаёт перед нами как «совокупность средств и способов, приёмов создания прагматического эффекта высказывания, обязывающая получателя интерпретировать это высказывание в соответствии с замыслом говорящего». (Шаховский 2008, С. 142).

Одним из компонентов экспрессивности можно выделить «эмоционально-оценочную образность», которая увеличивает действующую силу слова. Это такая лексика, которая не столько называет денотат, сколько характеризует его. В то же время, она сообщает об эмоциональном состоянии коммуниканта, его отношении к объекту речи и ситуации, в которой возможно употребление конкретного образного слова. Эмоционально-оценочная образность всегда мотивирована и усиленно информативна.

2.3.2. Нормы реализации эмотивов в речи

Язык изменяется во времени: изменяются его форма и функции. В особо социально оживлённые периоды такие изменения могут ускоряться.

Существуют определённые нормы употребления всех единиц языка, в том числе и эмотивов. И, как и сам язык, нормы употребления изменчивы, переходящи, т.е. их нормы эксплуатации зависят от времени.

На данный момент, например, наблюдается тенденция снижения уровня языковых норм у оценочных слов в российских СМИ, а также и в художественной литературе. Употребление сниженной, вульгарной лексики во многом говорит о «высоком эмоциональном настрое» авторов речи и об их «прагматических намерениях

относительно соответствующего эмоционального воздействия на читателей». (Шаховский 2008, С. 149).

Нужно отметить, что «ненорма» употребления определённых языковых единиц постепенно может превратиться в дополнительную норму или даже единственную. И, опять же, такое развитие языка нужно отнести прежде всего к эмоционально-оценочной лексике, которая в смысле своих норм более неустойчива.

«Эмотивы, как и другие средства языка, имеют определённые нормы реализации. Поскольку язык – феномен, постоянно и бесконечно развивающийся, то у него нет раз и навсегда застывших норм реализации. Норма является преходящей, условной, прикрепленной к определённому периоду времени, и наиболее подвижна она как раз в эмотивной сфере языка. Доказательством тому являются так называемые модные слова и модные словоупотребления, которые в абсолютном большинстве являются эмотивами». (Шаховский 2008, С. 150).

Так как не существует «навсегда застывших норм реализации» (там же), то следует говорить о различных по длине периодах действия этих норм. Каждая норма является переходной ступенью между двумя состояниями функционирующего языка – предыдущим и последующим.

Изменения норм реализации необходимо рассматривать с точки зрения синхронии и диахронии. Вполне нейтральная лексика, употреблённая автором прошлого, может вызвать в современном человеке незапланированные этим автором эмоции. Или наоборот, когда эмотив может остаться нереализованным в своей функции.

Такие случаи можно назвать неактивированной авторской интенцией, которая ведёт к «нарушению динамической эквивалентности замысла и его декодирования». (Шаховский 2008, С. 151).

Изменение норм реализации может привести к тому, что эмотив со временем полностью потеряет свой эмотивный признак и станет нейтральным словом.

Как пример синхронии можно привести период наложения или влияния нескольких норм реализации единиц языка. Конечно, такое наложение часто приводит к помехам в общении говорящих из-за неправильного восприятия получателем передаваемой информации.

Как мы видим, проблема норм реализации эмотивных признаков является проблемой функциональной стороны языка, а значит, и проблемой культуры общения. (Скребнев 1976, С. 19). И, как уточняет Шаховский, это тот уровень общения, когда «требуется не

только понимание эмотивного аспекта высказывания, но и способность к порождению эмотивных смыслов высказывания». (Шаховский 2008, С. 157).

2.3.3. Эмотивная коммуникация

Эмоции имеют направленный характер, так как адресованы конкретному объекту. Вербальное выражение эмоций имеет коммуникативную целенаправленность даже тогда, когда получателем является сам говорящий.

Выражая эмоционально оценку окружающему миру, говорящий поддерживает реализацию эмоциональной ситуации общения. Благодаря такому эмоциональному типу речевых актов, можно говорить об особом типе коммуникации – эмоциональном. При этом коммуникантом отражаются не объективные качества окружающих объектов мира, а их значение для автора речи в данный момент.

Исходя из вышесказанного, следует выделить эмотивную функцию языка, которая осуществляет эмоциональную коммуникацию людей. В процессе общения эмотивная функция представлена двумя сторонами: потенциальной и результативной. С одной стороны, это реализуемый процесс, с другой, - результат реализуемого процесса.

Учёные отмечают существующую потребность человека в эмоциональном общении, объясняя её наличием эмотивных средств на всех уровнях языка, выделенных специальной эмотивной семантикой. Н. Д. Арутюнова выделяет ещё и такие причины потребности в эмоциональной коммуникации, как лицо-виновника и событие-причину. (Арутюнова 1976).

«В случае эмоциональной коммуникации эмоциональными являются и стимулы, и интенции, и ситуации, и, как правило, реакции.[...] Функциональным превалированием в данных случаях является процесс выражения, в отличие от неэмоционального типа коммуникации, где превалирует процесс номинации». (Шаховский 2008, С. 162).

Каждый коммуникативный акт индивидуален, как и количество эмотивных смыслов не возможно пересчитать из-за бесконечного числа смысловых валентностей. Одно и то же эмотивно окрашенное значение в одной и той же коммуникативной ситуации может быть по разному воспринято или интерпретировано отправителем и получателем.

2.3.3.1. Ложь как эмоциональная манипуляция

Ложь, несомненно, связана с эмоциональной стороной языка, а точнее с коммуникативной стороной эмоциональности.

В словаре мы находим следующее определение лжи: «Ложь – утверждение, заведомо не соответствующее истине и высказанное в таком виде сознательно. В повседневной жизни ложью называют умышленную передачу фактической и эмоциональной информации (вербально или невербально) с целью создания или удержания в другом человеке убеждения, которое сам передающий считает противным истине». (5: Википедия, 07.2012).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что лгущий коммуникант знает точно, что в данный момент лжёт. Цель же любой коммуникации состоит в том, чтобы «некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т.е. вызвать определённую вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную реакцию». (Красных 2003, С. 122).

Поэтому ложь не редко встречается в таких речевых ситуациях, которые были спровоцированы адресатом речи при необходимости обязательно получить определённую ответную реакцию или в мерах самозащиты в безысходной (по мнению, говорящего) ситуации. Именно по причинам, указанным выше, ложь как средство манипуляции можно встретить чаще всего в политических дискурсах, в СМИ, где роль, именно эмоциональной, манипуляции играет важную роль.

«Живыми высказываниями людей руководят биологические, социальные, религиозные, психологические, политические, финансовые (экономические) и многие другие факторы. Большое место среди них занимает эмоциональный фактор.» (Шаховский 2008, С. 173).

Одной из задач современной лингвистики, по словам В. И. Шаховского, является обнаружение в словах «масок лжи», а также маркирование и предупреждение их в соответствующих дискурсах. (Шаховский 2008).

2.4. Текстолингвистика эмоций

2.4.1. Эмотивный текст и текстовые эмотивные элементы

Человек говорит не словами, а предложениями и текстами. Текст уже давно является объектом лингвистики. К числу прочих исследований текста относят исследования эмотивных текстов, а также эмотивных знаков текста и эмотивных ситуаций.

Среди разных типов текстов выделяют такие, которые не обязательно можно назвать самостоятельными, но которые формально, содержательно и функционально отличаются от всех остальных тем, что содержат эмоции.

В любом тексте, как и в слове, можно определить план содержания и план выражения. Эмоции можно обнаружить в обоих или только в одном из вышеуказанных планов.

Для правильного понимания понятия «эмотивный текст» важно отграничивать его от «эмоциогенного текста», которым может быть любой текст, также и эмотивный.

Эмоциогенный текст направлен на влияние своей информацией на реципиента, он изменяет его чувства и отношения. Таким типом текста может быть функционально-стилистически нейтральный текст, как например, текст неожиданной телеграммы.

Эмотивный же текст является репрезентантом эмоциональных состояний коммуникантов и их взаимоотношений с помощью слов, не зависимо от того, ставит ли он своей целью изменить чувства и отношения адресата или просто является выражением или разрядкой каких-либо чувств и эмоций отправителя.

В связи с разными возможностями выражения эмоций в тексте, можно также выделить эксплицитный и имплицитный эмотивный текст, когда первый может, благодаря эмотивным знакам языка, внешне выражать глубинные эмоции автора, а второй – нет.

«Для определения лингвистического статуса текстовой эмотивности представляется важным разграничение эмоциональности (как качества языковой личности автора текста) и эмотивности текста (как его имманентной характеристики), понятий эмотивности текста и эмотивного текста, имеющих количественные и качественные различия». (Шаховский 2008, С. 182-183).

В разных текстах определённого дискурса для восприятия их как эмотивных необходимо разное количество эмотивных элементов. К компонентам эмотивного текста относят следующие: языковые – эмотивная лексика и фразеология (аффективы и коннотативы), набор эмотивных конструкций, лексически выраженные эмоциональные «кинемы», «фоноцемы» и «просодемы», разнообразные эмотивные стилемы (напр., метафора, гипербола, эпитеты, оксюморон, ирония и др.); неязыковые – эмоциональная ситуация, которая включает эмоциональную пресуппозицию; эмоциональные намерения, эмоциональные позиции говорящих в момент общения, графическое оформление эмотивного текста. Все эти компоненты позволяют отличить эмотивный текст от неэмотивного.

Однако, не стоит думать, что в каждом эмотивном тексте число таких компонентов одинаковое! Например, для текстов научного и профессионального дискурсов таких элементов нужно меньше, чем для текстов СМИ и художественных текстов, где эмотивные элементы должны присутствовать на всех уровнях. Недостаточное количество эмотивных элементов в конкретном тексте даёт возможность появлению

таких понятий, как «определённая степень эмотивности текста» (Ионова 1998), «эмотивные вкрапления» (Широва 2003) и «эмотивные включения» (Филимонова 2001).

Для эмотивного текста характерны все функции обычного текста, как например, актуализирующая, конкретизирующая, преобразующая и др., а также другие, присущие только ему. К последним можно отнести такие, как редуцирование логико-предметного значения слова или свойство «наводить» (Шаховский 2008) эмотивность на содержание нейтрального слова.

«Таким образом, эмотивный текст является своеобразным 'зданием', в котором представлены все 'этажи' эмотивности языка и все каналы (особенно, если он является звуковым) её языкового выражения». (Шаховский 2008, С. 187-188).

К этому необходимо добавить, что каждый текст опирается на все предыдущие, конкретизирующие смысл актуального.

2.4.2. Текстобразующий потенциал эмоций

Не подлежит дискуссии, что текст является коммуникативной единицей. Люди общаются при помощи текстов, которые, описывая определённые ситуации, являются «частичками» отражения действительности. Самым коротким текстом можно считать высказывание, состоящее даже из однословного аффектива. Примером тому может служить словарный запас Элочки Людоедки из «Двенадцати стульев» (1928) Ильи Ильфа и Евгения Петрова, который не превышал 30 слов – таких, как *Ого!*, *Хо-хо!*, *мрак*, *жут* и др.

Как считает большинство учёных, именно эмоции являются главным «пусковым механизмом» речи. И, исходя из этого, не подлежит сомнению то, что любой текст может быть эмоциональным по принципу эмоциональной коммуникации. Суть последней заключается в том, что эмоции говорящий испытывает лично, а их внешнее выражение является социальным компонентом.

Как уже было сказано выше, реализуется такой принцип эмоций в специальном семантическом типе текстов – эмотивном. Необходимо заметить, что слово в таком типе текстов воссоздают не только объективную картину/действительность, но и передают особые смыслы. Именно эмотивная сторона семантики слова представляет собой самую гибкую, подвижную лексическую часть, которая открывает неведомые, безграничные горизонты для выражения эмотивных смыслов.

Описывая структуру эмотивных текстов, В. И. Шаховский выявляет следующие их компоненты:

1. языковые (эмотивная лексика и фразеология, набор эмотивных конструкций)
2. параязыковые (эмоциональная кинесика и фонация в лексическом представлении и др.)
3. неязыковые (эмоциональная ситуация; эмоциональная пресуппозиция, т.е. всё то, что воспринимается как «истинное»; эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов в момент общения и их общий эмоциональный настрой).

«Всё это находит формальное выражение в специальных средствах: лексике и синтаксисе, структуре и стилистике, просодии, фонации и кинесике, которые выступают в функции сигналов об эмоциональности данного текста. В терминах психолингвистики все они являются семантическими раздражителями (стимулами), вызывающими определённые ответные эмоциональные реакции». (Шаховский 2008, С. 192).

Далее Шаховский разрабатывает формулу, по которой действуют эмотивы, разделённые на две группы – эмотивы-стимулы и эмотивы-реакции.

Являясь текстообразующими компонентами эмотивного текста, эмоции в виде эмотивов определяют систему их регулярных взаимоотношений.

Интересен факт, что, «если в эмотивном высказывании-стимуле имеется хоть один эмотив с оценочным знаком минус, то в высказывании-реакции с большей долей предсказуемости также встретится как минимум один эмотив со знаком минус». (Шаховский 2008, С. 193). То же самое правило накладывается и на эмотивы со положительным оценочным знаком.

Это ещё раз доказывает системность в выражении и в восприятии эмотивных компонентов человеческого общения, которые явно социологизированы и заложены в общем человеческом опыте. Но, несмотря на то, что в продуцировании текстов лежит система, коммуниканты имеют неограниченный выбор в выражении своих эмоций, в описании действительности (их действительности в каждой отдельной ситуации), в проявлении ответной реакции на стимулы. С каждой языковой ситуацией меняется опыт реципиента, а значит, в какой-то степени, и отношение к ней.

Также закономерным в употреблении эмотивов является то, что они не встречаются в нейтральных текстах, когда намерения коммуникантов нейтральны, а коммуникативная ситуация – неэмоциональна.

Системность можно найти и в выражении эмоций определёнными, повторяющимися типами высказывания. «Например, эмоции удивления, возмущения и радости часто выражаются в восклицательных, в вопросительно-восклицательных предложениях, а эмоции грусти и печали – в повествовательных». (Шаховский 2008, С. 195).

Употребляя специальные выражения, модели высказываний и клише, говорящие осознанно информируют адресата о своих эмоциональных состояниях и отношениях. Информация эта может быть ложной, если говорящий с помощью преднамеренной имитации стремится манипулировать сознанием человека.

Эмотивные высказывания не всегда следуют правилам и не редко могут ломать грамматическую структуру фразы и текста, что ведёт к особому типу синтаксиса.

Для выражения отдельной, часто сиюминутной эмоции, для интенсификации высказывания, употребляется «дублирование» эмотивов. Этот приём позволяет адекватно передавать эмоциональные состояния/отношения коммуникантов (ср. *Зачем, зачем это было нужно?! или Совсем ты меня не любишь! Совсем!*).

Эмотивы всегда отмечены просодией (увеличением), в связи с эмоциональной ситуацией.

С помощью специальной интонации человек может придать словам-эмотивам противоположный смысл. Как пример здесь можно привести ироническую интонацию (ср. *Да уж, красавец!*, т.е. некрасивый человек или чересчур похваляющийся чем-то).

Произнесение эмотивных словосочетаний отличается замедленным темпом, снижением или повышением голоса, приостановкой перед их произнесением.

Сильные эмоции находят своё выражение в усиленных просодии, кинесике, фонации. Например, гневный человек чаще всего начинает кричать на реципиента, даже произношение неэмотивных слов проходит в повышенных тонах. Такое усиление находит и графическое отражение в текстах (ср. *НЕТ! Нееет!!!*).

Эмотивы с разными оценочными знаками противостоят друг другу в тексте, т.е. «сопротивляются сочетанию друг с другом». (Шаховский 2008, С. 199).

Противоречивые понятия (оказиональные), двойственные образы (оксюмороны) являются специальным авторским приёмом, как например, «*пир дремлет*», «*холодная дерзость*», «*младой мудрец*» в произведении А. С. Пушкина «Египетские ночи» (1835).

Исходя из того, что для говорящих абсолютно повторяющихся эмоциональных ситуаций не существует, поэтому «один и тот же эмотив в каждом ином тексте не равен самому себе по эмотивному личностному смыслу». (Шаховский 2008, С. 200). Именно это отличает эмотивную лексику от логико-предметной, когда для правильного

восприятия не нужны пояснения-расшифровки (ср. *Ах, книга – то горькая наша жизнь!* эмот. и *Это книга.* лог.-предм.зн.).

Очень важно понимать, что выражение одних и тех же эмоций у разных коммуникантов, тем более в разных эмотивных ситуациях, не одинаково. Спонтанность, с которой происходит отбор эмотивов, и, конечно, индивидуальные морально-психические особенности говорящих, варьируют степень адекватности соответствующим эмоциям. Очень часто различия в эмоциональных выражениях тех или иных состояний/отношений выступают в ситуации гнева, ярости, когда люди обмениваются «обжигающими» (Шаховский 2008) оскорблениями, «переходя все границы дозволенного» (русское выражение). Однако, такой способ выражения эмоций служит и для случаев с «положительными» эмоциями.

Наблюдаются и другие нередкие случаи эмоционального общения, когда коммуниканту «не хватает слов» для выражения сильной эмоции. К. А. Долинин называет подобные случаи «принципом воронки». (6: Повтор и его функции в тексте, 07. 2007). Графически подобные случаи представлены многоточием: *Да ты...! Да как ты можешь...!...* Эллиптические предложения служат главным источником «принципа воронки».

В свою очередь, способность говорящего выражаться адекватно своим эмоциям, а также правильно передавать и принимать эмотивную информацию, называют «эвристикой» речевой деятельности. (Брудный 1972). Для достижения поставленной цели, т.е. для правильного выбора необходимых слов и выражений – эмотивов, необходим, так называемый, «эвристический поиск» необходимого. (там же).

К. Изард в своём труде «Эмоции человека» пишет о закономерностях в выражении эмоций. (Изард 1980). Так одна эмоция никогда не выступает как изолированная, а обязательно в одном «пучке» с другими (Телия 1986). Одна эмоция вызывает другую. Такую закономерность можно назвать «эмоциями в континууме». (Изард 1980). Именно благодаря ей увеличивается плотность эмотивного текста, а значит увеличивается его прагматика.

2.4.3. Функции эмотивного текста

В. И. Шаховский в своей книге «Лингвистическая эмоций» рассматривает некоторые из функций эмотивного текста. Он выделяет следующие из них:

1. Эмотивная и экспрессивная
2. Эксплицирующая и наводящая

3. Прагматическая

4. Эмпатическая

Эмотивная функция может выполнять языковую или речевую роль, так как слова в своей семантике могут и не иметь эмотивного компонента, но в специальных контекстах выполнять эмотивную функцию.

Различие между эмотивной функцией и экспрессивной функцией состоит в прагматике. Прагматическая функция является, в первую очередь, составляющей категории экспрессивности. Хотя нужно добавить, что любая семантика может быть прагматической, хотя эмотивная функция и не равна по своей сути прагматической.

Примерами выражений с эмотивной функцией могут служить восклицания, никому не адресованные: *чёрт побери!*, *вот зараза!* и др. Слова и выражения, адресованные нечеловеку однозначно не являются прагматическими.

Различия между эмотивной и экспрессивной функциями позволяют различать в лексиконе языка эмотивы и экспрессивы.

Максимально экспрессивными, а значит и прагматичными, являются междометия, инвективы, проклятия, брань и другие «сильные» слова/выражения, как например, *тварюжник*, *хреновица* и др.

«[...]экспрессивная функция слова может привести к развитию у слова эмотивного значения или коннотации, а эмотивная функция — экспрессивного значения». (Шаховский 2008, С. 207).

Объясняя эксплицирующую и наводящую функции, Шаховский пишет: «Эмотивность либо актуализируется, если она является языковым значением или коннотацией, либо эксплицируется, если она является ингерентным потенциалом, либо «наводится» на слово-неэмотив извне (из текста/высказывания) в виде адгерентного эмотивного потенциала». (Шаховский 2008, С. 213).

Для полного понимания наводящей функции обратимся к способам «наведения» эмотивных сем, выделенных Шаховским (Шаховский 2008):

1. конвергенция эмотивов и иррадиирование их эмотивности на нейтральную семантику лексических единиц текста (*освещаю лучами, сияю*)
2. повторы нейтральных лексем с эмоциональной интонацией (*Интересно-интересно!; Да. Так. Деньги-деньги!*)
3. произнесение отдельного нейтрального слова с эмоциональной интонацией, что в письменном тексте графически фиксируется восклицательным знаком (*Вот идея!*)

4. «игра» с денотатами (замена одного денотата лексемы или словосочетания другим), например, *Маргарет Тэтчер* = «Железная леди»
5. лексическое описание эмоциональных жестов фонации и просодии
6. эмоциональная рамка высказывания
7. текстовые аранжировки и другие способы.

Далее, что касается прагматической функции, то она не одинакова в разных стилях языка.

Что касается эмпатической функции, то она даёт способность ощущать чужие чувства. Это особенный дар, но с ним не каждый может справиться. А Шаховский говорит следующее: «Эмпатическая функция языка призвана возвышать человека, совершенствовать его, развивать в нём лучшие черты характера, относящиеся к общечеловеческим ценностям: совесть, добролюбие, дружелюбие, любовь к ближнему, эмпатию и др. Её правильное использование может помочь в решении социально-политических проблем». (Шаховский 2008, С. 225).

Кроме описанных функций у эмотивного текста есть и другие, как например, диагностирующая, интерпретирующая и др. Большинство функций выступают в сочетании друг с другом, но главной функцией можно назвать функцию актуализации словарной эмотивной семантики аффективов и коннотативов.

2.4.4. Эмотивный личностный смысл и эмоционально-смысловая доминанта

Очень многие люди, которые в совершенстве владеют языком, как например, учёные, писатели и поэты, артисты, преподаватели литературы и родного языка, имеют в своём лексиконе придуманные ими самими слова. Эта особенность очень интенсивно развита у русскоговорящих, так как русский язык имеет очень большой словообразовательный потенциал, в сравнении, например, с германскими языками, структура которых имеет более чёткие границы.

Выдуманные слова служат для более чёткого выражения личностных отношений к тем или иным объектам действительности, ситуациям. Они отражают именно эмоциональное отношение индивида, его творческую личность.

Этот факт ещё раз доказывает неразрывную связь между эмоциональными и когнитивными процессами. Образовательный процесс, интеллектуальное развитие субъекта не может проходить без его эмоционального развития, без правильного освоения эмоциональной выраженности окружающего мира.

Можно сделать следующий вывод: «[...]чем выше уровень освоенности мира субъектом (и, соответственно, уровень языковой компетенции), тем выше степень эмоциональной окрашенности слов в языковом сознании субъекта». (Шаховский 2008, С. 227).

Субъективное отношение личности к явлениям объективной действительности можно назвать «личностным смыслом» (психологический термин), который является одной из составляющих сознания человека.

Личностный смысл требует знания всех системных значений слова (денотативного, коннотативного, эмпирического, селективного, функционально-стилистического) и индивидуального смыслового расширения, с помощью личностных сем.

Исходя из вышесказанного, можно предложить разграничение между эмотивностью слова и его эмоциональной нагрузкой в языковом сознании индивида. Первую можно назвать «эмотивным значением», а вторую – «эмотивным личностным смыслом» или «эмотивным актуальным смыслом». (Шаховский 2008).

В отличие от личностного смысла, эмотивный смысл выражается через эмотивные семы, состоящие из семантического знака «эмоция» плюс семный конкретизатор «любовь», «ненависть», «радость» и др.

Эмотивный личностный смысл находится в постоянном движении, - он меняется по интенсивности и по качеству вместе с изменениями опыта индивида. Как отмечает А. А. Потебня, мысль живёт дольше чувства, т.е. человек снова и снова может возвращаться к одной и той же мысли, но его эмоциональное отношение к предмету мышления не может оставаться одним и тем же. (Потебня 1989, С. 90).

Со временем эмотивный личностный смысл может меняться на противоположный. Однако, анализ показывает, что слова, характеризующийся стабильными эмоциональными ассоциациями, отличаются относительно постоянной эмоциональной нагрузкой. Это значит, что эмотивы для разных носителей языка отличаются более интенсивными и устойчивыми эмотивными личностными смыслами, тогда как нейтральная лексика сильно варьируется в этом отношении.

В словарных эмотивах эмоциональная нагрузка предстаёт как семное ядро словесного знака, а слова с нейтральным словарным значением получают эмоциональную нагрузку в виде индивидуального компонента личностного смысла.

Эмоциональная нагрузка как личный опыт – это ещё не все компоненты личностного смысла. В этот же состав входит и эмоциональная окраска сказанного, как результат

впечатления, связанный со звуковой оболочкой слова. Особенно ярко выражен последний в начальной стадии овладения языком реципиента.

Эмотивные смыслы делятся на классы и типы. Шаховский выделил четыре уровня эмоционального смыслового пространства, где каждый нижестоящий уровень содержит эмотивные смыслы вышестоящих.

Самый верхний этаж занимают интернациональные эмотивные смыслы, понятные и воспринимаемые всеми субъектами одинаково. Второй и третий уровни представляют национальные и групповые эмотивные смыслы. Последний уровень состоит из четырёх групп или типов, как детские, личностные, семейные и профессиональные эмотивные смыслы. Как мы видим, правильное восприятие и декодирование эмотивных смыслов зависит от сложного процесса развития индивида, от готовности менять свои установки, от чуткого эмоционального настроя. И именно личностные эмотивные смыслы могут стать препятствием в правильном понимании анализируемого в научных целях лингвистами материала.

Для полного понимания значения эмотивных смыслов, важно ввести понятие «эмоциональная доминанта».

В словаре мы находим его следующее определение: «Эмоционально-смысловая доминанта текста - комплекс когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определённого типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в том или ином художественном тексте (литературном произведении)». (7: Wikia/Наука, 07.2012).

С. В. Каликанов представляет доминанту в виде пульсирующей точки, в виде определённого сигнала или какой-то идеи, которые активируют центр возбуждённости человеческого сознания. Именно доминанте удаётся сконцентрировать внимание человека на важном, на том, что обеспечивает условия его успеха. А. А. Ухтомский, на чьи рассуждения ссылается Каликанов, рассуждает о том, что сама жизнь человека является доминантой.

Доминанту можно сравнить с человеческим эмоциональным дейксисом, который проявляется как установка или центр интереса субъекта, который направляет человеческие избирательность и концентрацию. Однако дейксис – это только компонент доминанты, которая намного содержательнее дейксиса.

Среди разнообразных (постоянные, временные) доминант можно выделить групповые, социальные и личностные.

Личностным доминантам В. И. Шаховский даёт следующую оценку: «Личностные доминанты поведения человека (в том числе и речевого) легко просматриваются его окружением (доминанты лживости, нечестности, недобросовестности, приспособленчества, корыстолюбия и т.п., с одной стороны, и доминанты добролюбия, правдолюбия, искренности, трудолюбия и т.п., с другой). И как бы человек ни прятал свои личностные доминанты, его язык всё равно выдаёт их через специфический для каждой доминанты ментальный стиль, через лексические, синтаксические, стилистические и просодические речевые решения». (Шаховский 2008, С. 239-240).

Личностные доминанты не постоянны. Они варьируются под влиянием бытовых и служебных причин.

Прослеживается интересный пункт в развитии, влиянии личностных доминант. Доминантные эмоции со временем активируют в человеческих межличностных отношениях так называемые механизмы эмотивного радикализма. Человек забывает все правила, принципы и постулаты социального общения. Человек «идёт по трупам», направляемый эгоистичным зовом внутреннего эмоционального голоса. Такое несовпадение личностных доминант с социальными сверхдоминантами связано с тем, по мнению Шаховского, что «их базовые личностные ценности почти никогда не совпадают с нормативными». (Шаховский 2008, С. 240).

«Этикетные установки отбрасываются физиологией человека. Вот почему мы ещё раз утверждаем: 'Вначале была эмоция ...' (там же).

С. Н. Лазарев подтверждает эти слова: «На самом деле мы думаем чувствами, а не мыслями. Мысли только помогают передать информацию». (Лазарев 2001, С. 168).

2.5. Выводы по Главе 2

В данной главе был проведён анализ теоретической литературы по эмотиологии, ведущими работами которой являются по сегодняшний день работы В. И. Шаховского, который первым смог провести разграничения между понятиями «эмоция» и «эмотив», «эмотивность» и «экспрессивность» и др. Именно Шаховский первым смог категоризировать и систематизировать огромный запас лингвистической и психологической информации, связанной с эмотиологическими размышлениями и анализом.

Наиболее важными достижениями автора являются следующие:

1. Представлена теоретическая модель лексической семантики слова, рассматривающая эмотивный компонент значения; проведено разграничение между эмотивностью и экспрессивностью, между эмотивной денотативностью и коннотативностью; проанализирована и описана структура коннотативного значения; проведено разграничение между обозначением, проявлением и описанием эмоций.
2. Разработаны принципы категоризации и классификации эмотивной лексики.
3. Представлена полная характеристика эмотивного текста.

Благодаря проделанной работе Шаховского, можно сделать следующие выводы, являющиеся одновременно выводами по нашей главе «Лингвистическая теория эмоций»:

- Эмотивность - одна из главных составляющих языка, под которой понимается трансформирование на языковом уровне эмоций. Любому когнитивному процессу предшествуют эмоции. Антропоцентрический подход в лингвистике показал, что эмоции выступают не только объектом отражения в языке, но и средством отражения самих себя и других объектов действительности, являясь неотделимым от отражающего субъекта. (Шаховский 1987, С. 7-8).
- «Категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстаёт в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах». (См. Шаховский 2008, С.28).
- Эмотивное значение слова не является отражением эмоций только данного говорящего, а предстаёт как типизированное отражение «социальной эмоции». Эмоциональный мир каждой языковой личности соотносится с её национально-культурной спецификой.
- Эмоциональное состояние, выраженное на языковом уровне, является осмысленным, т.е. поднятым до понятийного уровня сознания. В основе эмотивной семантики слова лежат индуктивно-прагматические понятийные признаки.
- Семантическими микрокомпонентами эмотивности слова являются эмотивные семы, или эмосемы, которые передают субъективную эмоциональную действительность, являющуюся для слова объективной. Кроме этого, существует огромное количество разных видов эмосем, которые в свою очередь расширяют возможности эмотивной валентности слов.
- Не считая эмотивы-денотаты, эмотивная номинация представляет собой коннотативную форму номинации, которая предстаёт в виде экспрессивно-

эмоционально-оценочной, которая гарантирует лексическую и семантическую динамику языка и сопровождается такими процессами, как словообразование и словопреобразование.

- Обращаясь к реализации эмоций в речи, можно с уверенностью сказать, что информация, полученная коммуникантом, никогда не адекватна той, которую передают. Она в определённой степени зависит от эмоционального расположения получателя.
- Эмотивный текст, как связанная единица эмотивной речи, является репрезентантом эмоциональных состояний коммуникантов и их взаимоотношений с помощью слов, не зависимо от того, ставит ли он своей целью изменить чувства и отношения адресата или просто является выражением или разрядкой каких-либо чувств и эмоций отправителя. Эмотивный текст можно представить как коммуникативную единицу, состоящую из эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций. Взаимоотношения между последними предстают как система вербального эмоционального поведения.
- Существуют нормы реализации эмотивов в речи, которые в своей сути подвижны и изменчивы и в разное время, а также в разных коммуникативных ситуациях неодинаковы. Знание и незнание, соблюдение и несоблюдение этих норм тесно связаны с развитием языка и с проблемами функциональной стороны языка, а значит, и проблемой культуры общения. (Скребнев 1976, С. 19).
- Существует разграничение между эмотивностью слова и его эмотивным личностным смыслом. Правильное восприятие и декодирование эмотивных смыслов зависит от сложного процесса развития индивида, от готовности менять свои установки, от чуткого эмоционального настроения.

В последующих главах нашей работы мы представим другие аспекты лингвистической теории эмоций, предложенной В. И. Шаховским. Опираясь на работы автора по лингвокультурологии, лингвоэкологии (термин Шаховского) и коммуникативной эмотиологии, мы рассмотрим гендерную проблематику в русском языке.

Глава 3. Теория гендерной лингвистики.

Особым научным направлением гендерные исследования стали в результате интенсивного развития феминистских практик. Толчком послужило Новое женское движение, возникшее в 70-е годы в США. В ФРГ в 1978 году это направление начинают обозначать новым термином – «феминистская лингвистика» (*feministische Sprachwissenschaft*), которое предложила Луизе Пуш.

Понятие «гендер» (*gender*) в науке начали использовать с 60-х гг. XX века. «В научное описание понятие гендер введено для того, чтобы провести границу между понятием биологический пол (*sexus*) и социальными и культурными импликациями, вкладываемыми в концепты мужское – женское: разделение ролей, культурные традиции, отношения власти в связи с полом людей». (Кирилина 1999а, С. 180).

Мы находим следующее определение понятия «гендер» в словаре: «Гендер (английское *gender*, от лат. *gens* – род) – социальный пол, социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества». (8: Энциклопедия Кругосвет, 07.2012).

Необходимо заметить, что в настоящее время в лингвистике отсутствует последовательное употребление термина «гендер». Не смотря на то, что этот термин признан на сегодняшний день большинством исследователей, существует не мало трудностей в понимании гендера и употреблении этого понятия в специальной литературе. Например, в русском языке в специальной литературе чаще всего применяется не сам термин «гендер», а его дериваты. Чаще всего встречаются следующие производные: *гендерные исследования, гендерные отношения, гендерные аспекты, гендерология, гендеристы*.

Рассматривая главные методологические подходы гендерных исследований, можно выделить, по И. А. Жеребкиной, следующие: метод «социалистического феминизма» и метод «теории различия». (Жеребкина 1996).

Социалистический феминизм делает ударение на субъективной идентичности, и, в частности, не признаёт присутствия различий между женским и мужским типами субъективности. Внимание такого типа феминизма сосредоточено на широких изменениях общества в целом. Этот тип методологии соответствует больше американской феминистской традиции.

Второй тип – метод «теории различия» отталкивается именно от существующих различий как в структуре субъективности, так и в структуре мужской и женской идентичности. Этот метод более соответствует европейской феминистской традиции.

Каждый тип методологии, указанный выше, может представить свой определённый метаязык описания. Социалистический феминизм, например, использует понятия, описывающие макропроцессы, т.е. традиционные понятия как «субъект», «сознание» и др. Другой тип языка описывает микропроцессы реальности, т.е. процессы на уровне микрореальности, когда любая система перестаёт существовать как самозамкнутая система (напр. «мужская» или «женская»).

Отталкиваясь от того, что гендер является «культурно обусловленным мыслительным конструктом» (Кирилина 1999а), так гендерная самоидентификация неоспоримо относится к когнитивным возможностям отдельной личности, а также общества. Именно поэтому гендер можно отнести к междисциплинарной категории, рассматривающейся в таком широком кругу научных дисциплин, как: философия, социология, экономика, история, антропология, политология, этнография, психология, культурология и др.

Вошедшая в 80-е гг. в языкознание категория «гендер», исследовалась множеством лингвистов. К числу советских и российских учёных, интенсивно изучающих этот феномен, можно отнести таких, как А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, Е. С. Гриценко, Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. . Н Розанова, О. Л. Каменская, А. А. Романов, В. В. Потапов и др.

Лингвистические описания гендера целенаправленно подчёркивают социальные аспекты пола, а также связанные с ним культурные традиции и стереотипы, манифестирующиеся в языке, откладывающиеся в поведении индивида и отражающиеся на его самоидентификации. И, хотя гендер нельзя назвать лингвистической категорией, содержание его может быть раскрыто именно путём анализа языка в таких дисциплинах, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, *эмотиология*, социолингвистика, коммуникативная лингвистика и др.

3.1. Гендерные исследования в зарубежной лингвистике

В настоящее время можно выделить несколько подходов в лингвистическом изучении гендера. А. В. Кирилина выделяет шесть, «различающихся по концептуальным

установкам, методом исследования и характеру изучаемого материала» (Кирилина 1999а, С. 26):

- социолингвистические гендерные исследования
- феминистская лингвистика
- гендерные исследования, изучающие языковое поведение мужчин и женщин
- исследования маскулинности
- психолингвистические исследования
- кросскультурные, лингвокультурологические исследования

Однако Кирилина подчёркивает, что данная классификация весьма условна, так как все направления имеют много общего.

Квантитативная лингвистика дала толчок к исследованиям в области гендерологии. Именно она предоставила большое количество статистических данных о функционировании языка в отдельных социальных группах.

Ещё одним стимулом в гендерных исследованиях послужило Новое женское движение в США и Германии в конце 60-х – начале 70-х гг., в результате которого возникла вышеупомянутая «феминистская лингвистика», главной целью которой является разоблачение патриархата.

Определяющей в области теоретической лингвистики стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff 1973). В ней автор рассматривает общие вопросы проявления социального статуса женщины в языке. Были сделаны выводы о негативном отражении женщин в европейских языках.

Феминистская лингвистика отличается своей полемичностью, освоением собственных методологий, использование в лингвистических описаниях исследований разных научных направлений (социологии, психологии, истории и др.) и удачными попытками повлиять на языковую политику.

Наибольшее распространение феминистская лингвистика получила в Германии, представив работы Трёмель-Плётц (Tröml-Plötz 1978). Автор создала «теорию дефицитности», в которой женской речи приписывалась нехватка доминантности, уверенности и агрессивности. Эта теория была опровергнута в 90-е гг. Ю. Самель и Б. Барон (I. Samel 1995; B. Baron 1996), сделавших вывод из своих исследований о том, что в вербальном поведении женщин нет никакой дефицитности, но только дифференциальность, требующая различения женской и мужской речевых практик.

Феминистские теоретики отталкиваются от того, что для правильного психологического, социального и биологического развития женщин в обществе

необходимо правильное отображение последних в языке, употребляющемся в данном коллективе.

Андроцентричность в отображении картины мира, передаваемая через язык, заставляет всех окружающих рассматривать всё «женское» как «вторичное», «другое», «чужое» или даже «ненормальное».

Примерами андропоцентризма могут служить такие, как, например, отождествление понятий «человек» и «мужчина»; разные оценки в применении номинаций к противоположному полу (ср. «баба» по отношению к мужчине – негативно, «свой парень» по отношению к женщине – положительно); существительные мужского рода часто могут употребляться для номинации лиц любого пола (ср. «Уважаемые преподаватели!» и «Уважаемые преподавательницы!»); имена существительные часто являются производными от мужских, а не наоборот (профессии в русском языке). Употребление мужских номинаций в описании женщины обычно повышает её статус и социальное положение, и, наоборот, применение женского обозначения к мужчине всегда связано с отрицательными коннотациями.

Феминистские гендерные исследования дали импульс к появлению интереса к проблемам маскулинности, который с конца 80-х годов существенно возрос. В связи с исследованиями в этой области были выделены разные типы мужественности. Б. Коннел (B. Connel), введший понятие «культурная репрезентация» подчёркивает динамичность и многослойность, как мужественности, так и женственности, репрезентативных в разных культурах по-своему. Он считает, что выявление и описание культурной специфики «доминантной маскулинности» или «доминантной женственности» на основании данных конкретного языка, необходимо для полной реконструкции гендерного феномена. Исследования такого характера относятся к типу кросскультурных и лингвокультурологических. Этот метод исследования можно считать пока менее разработанным, так как представленные данные в этой области опираются на очень ограниченный ряд языков – ряд европейских, на американский вариант английского, а также на русский. Главным выводом в данном концепте пока может служить лишь вывод о том, что языковое поведение представителей разных полов различается в зависимости от норм конкретной культуры.

Важным для нашей работы подходом в гендерных исследованиях является когнитивный подход некоторых лингвистов. Сфера сознания языковой личности представляет собой сложный, меняющийся и преобразующийся комплекс речевых построений и когнитивных, эмоциональных и языковых процессов. Когнитивный

подход в исследованиях возник с представлениями о существовании когнитивных категорий гендера, т.е. гендерных стереотипов в виде «гендерных схем». (Теория гендерной схемы S. Bem, 1981). Именно гендерные схемы управляют поступающей к нам информацией так, что наше восприятие, запоминание и интерпретация всегда отталкивается от наших представлений о гендере.

Многочисленные исследования указывают на то, что гендер является когнитивной категорией, влияющий на наше восприятие мира.

Говоря об обширном количественном и статистическом материале на тему гендерных исследований в лингвистике, нельзя не упомянуть о том, что большая его составляющая относится к европейским языкам, что, конечно же, не способствует полному пониманию важных гендерных аспектов в языках благодаря возможностям межкультурного языкового сравнения.

3.2. Гендерные исследования в отечественном языкознании

Лингвистические направления гендерных исследований, которые мы рассмотрели выше, можно применить и для классификации трудов советских и российских лингвистов. Однако подход к изучению корреляции язык-пол в России может представить свои особенные стороны.

Гендерные исследования в России появились в конце восьмидесятых годов прошлого века. Именно в это время начинают возникать независимые женские организации, феминистские группы, а в журналах появляются первые публикации и переводы статей по гендерной проблематике.

Такое долгое невнимание к гендерной проблематике возможно связано с тем, что в советский период отсутствовало главное звено всех гендерных исследований — феминистская лингвистика. Следует заметить, что до сих пор это направление представлено не слишком большим количеством трудов зарубежных русистов и отечественных лингвистов-феминистов.

Назвать случайностью такое «спокойное» отношение отечественных учёных к феминистской идеологии нельзя. Не даром, «в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции». (Серио 1993, С. 8).

Уже в XVIII веке в России появляются первые женские автобиографические творения. В послепетровскую эпоху публикуются написанные женщинами произведения, на, так называемые, «женские темы», представившие мир женских чувств и эмоций (см. Н. Долгорукова «Своеручные записки», мемуары В. Головиной и др.).

Активное участие женского движения в канун революции 1917 года привело к тому, что женщины в России получают равные с мужчинами гражданские права, а также возможность получить университетское образование. Советский период интенсивно связан с привлечением женщин к освоению мужских профессий. Для сравнения, в Швейцарии избирательное право женщины получили только в 1971 году, а директивы ЕС о равноправии женщин в профессиональной жизни были приняты в 1976 году.

Нельзя, конечно, сказать, что с этого момента все проблемы женщин были решены. Однако, советская политика больше способствовала восприятию женщин как тружениц, работающих на коллектив и рожающих будущих тружеников, а не восприятию их лишь с точки зрения их репродуктивной функции или сексуальной привлекательности. Эротизированная реклама отсутствовала. Вместо этого появились женсоветы, которые должны были помогать женщинам на их пути к преодолению преград в профессии, решать бытовые проблемы. Наблюдался достаточно большой процент женщин-депутатов в Верховных Советах.

Идеологизация советского общества сыграла большую роль в том, что феминизм в России не получил такого размаха, как на Западе.

А. В. Кирилина указывает на ещё одну причину отсутствия в отечественной лингвистике сильно выявленного феминизма. Проблема пола в России никогда не имела такой значимости, как на Западе. Ещё нужно отметить, что категории рода (лингвистическая) и пола (экстралингвистическая) анализировались российскими лингвистами в рамках множества дисциплин, как например, морфологии, грамматики и др. Это происходило до того, как была создана феминистская концепция языка. Многие, за что боролись феминисты, скрыто существовало в русском языке (ср. «тетрадь учени... (ка/цы); родил... (ся/ась). Именно поэтому, считает Кирилина, нельзя говорить об «отсутствии внимания к феноменам языка, непосредственно или опосредованно связанным с полом. Именно поэтому корректнее было бы говорить не об отсутствии к проблематике, а об отсутствии соответствующей дискурсивной практики». (Кирилина 1999а, С. 40).

Интересны также размышления Д. О. Добровольского, который указывает на не совсем верную картину понимания значения пола в коммуникации. Установка, когда пол

представляется главным фактором успешной коммуникации (напр. Lakoff; Trömel-Plötz), не учитывает то, что «язык отражает значимые для данной культуры параметры. Следовательно, нечёткое разграничение по полу, большая вариативность способов выражения (или невыражения) пола могут означать его нерелевантность во многих коммуникативных ситуациях. Возможно, в коллективном сознании представителей разных культур пол человека значим в разной степени». (Добровольский 1997, С. 37).

На протяжении долгого времени описание категорий пола в России происходило наряду с описаниями других категорий. К таким исследованиям относятся психолингвистические и социолингвистические исследования в гендерной лингвистике. Такие российские и украинские учёные, как Е. И. Горошко, Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова, А. М. Холод и др., представили множество трудов, связанных с гендерологией, отталкиваясь в них от ассиметричности мозговых полушарий у разных полов и связанных с ней различий в речемыслительной деятельности.

Так как целью нашей работы является выявление различий между женской и мужской эмоциональными личностями, то мы считаем необходимым коротко представить некоторые из известных психолингвистических и социолингвистических исследований отечественных учёных, которые одновременно помогут представить связь эмотиологии с вышеупомянутыми дисциплинами, а также, одновременно, поднять её статус самостоятельности как дисциплины.

Среди изучений письменных текстов можно выделить труды Т. Б. Крючковой, которая обнаружила, что употребление частиц и местоимений в женских текстах выше, чем в мужских. Мужчины же предпочитают существительные. (Крючкова 1975, С. 186-200).

В исследованиях устных речевых актов А. А. Вейлерт замечает частое употребление женщинами глаголов и союзов тогда, как у мужчин часто встречаются прилагательные и наречия, а также абстрактные существительные. Ещё одной особенностью женской речи, в сравнении с мужской, можно назвать более развитый лексикон. (Вейлерт 1976, в: Кирилина 1999а, С. 41).

Обращаясь к сложности восприятия эмотивных смыслов коммуникантами, необходимо упомянуть исследования О. А. Рыжкиной и Л. Р. Реснянской, которые выяснили, что одни и те же лексемы мужчинами и женщинами воспринимаются неодинаково положительно или отрицательно, т.е. имеют разные оценочные степенные статусы. (Рыжкина, Реснянская 1988, в: Кирилина 1999а, С. 41).

Немалую работу проделала в этой области Е. И. Горошко. В своей работе «Особенности мужского и женского речевого поведения» она заявляет о том, что «в образе современной женщины для мужчин основным оказываются черты, так или иначе связанные с её отношением к мужчинам, для женщин же наиболее актуальными являются её деловые качества. Различия касаются также эмоционально-оценочной стороны: мужчины относятся к современным женщинам сверхкритично, наделяя их в основном негативными характеристиками, женщины, напротив, чаще указывают слова, выражающие положительную эмоциональную оценку». (Горошко 1996, С. 25).

Однако, в работах А. В. Кирилиной наблюдается противоположная тенденция к оценке: женщины положительно оцениваются мужчинами, а менее высокая оценка даётся женщинами мужчинам. (Кирилина 1999б, С. 46-53).

В нашей работе мы также поставили целью рассмотрение эмоционально-оценочной стороны высказывания мужчинами и женщинами в адрес противоположного пола.

В трудах Е. И. Горошко было также отмечено: женские тексты и предложения обычно длиннее мужских, с меньшим количеством ошибок, однако мужская речь представлена более связной; мужчины предпочитают существительные и прилагательные, а из синтаксических типов связи они больше употребляли подчинительную, чем сочинительную; в женской речи преобладают эмоциональные оценки, воспользованы восклицательные и вопросительные предложения, а также пассивные конструкции. (Горошко 1996).

Нельзя не согласиться с А. В. Кирилиной о существовании определённых факторов, влияющих на языковую личность (ЯЛ), из которых самыми важными являются (Кирилина 1999а):

1. Гендерная принадлежность коммуникантов. В связи с этим необходимо учитывать особенности «доминирующей мужественности» и «доминирующей женственности» отдельной культуры, стереотипно представленных в языке.
2. Характерологические особенности языка коммуникации ЯЛ. Языковые средства в целом, а также языковые средства, определяющие концептное поле пола, и их семантические особенности.

К вышеприведённым факторам мы хотели бы добавить ещё один, интенсивно связанный с ними:

- эмоциональная/эмотивная компетенция участников процесса общения. (Шаховский 2008).

Этому фактору мы посвятили отдельный подпункт в этой главе.

Внимательный анализ трудов отечественных и зарубежных гендерологов подталкивает ещё к одному немаловажному выводу. Например, Е. А. Земская, Н. Н. Розанова и М. М. Китайгородская указывают на невозможность проведения конкретных границ между мужской и женской речью в русском языке. (Земская 1993). Выявленные гендерные особенности в речи, по их мнению, скорее связаны с направленностью в применении. «Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин или женщин, связаны с особенностями их психического характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу». (Земская 1993, С. 132).

С мнением Земской, Розановой и Китайгородской соглашаются многие зарубежные учёные. Проведённые исследования по различным языкам представляют собой множество противоречивых данных, не носящих конкретного характера и указывающих больше на множественность пола.

Однако, А. В. Кирилина, выделившая два уровня проявления мужских и женских коммуникативных особенностей, указывает на необходимость определённых методологических подходов в гендерных исследованиях. Совершенствование исследовательских методик даёт возможность правильного упорядочения полученных данных в гендерологии. (Кирилина 1999б).

Автор выделяет следующие уровни проявления особенностей речевого стиля женщин и мужчин:

1. Симптомы первого порядка, т.е. более чётко выраженные признаки, как, например, длительность речевого периода, перебивание, категоричность высказывания и др.
2. Симптомы второго порядка, т.е. требующие специальный статистический анализ, как, например, частотность употребления определённых частей речи или синтаксических конструкций и т.д.

Среди отечественных учёных, занимающихся совершенствованием методологии в гендерных исследованиях, следует назвать Е. И. Горошко, которая результатом своей работы представила структуру составления ассоциативного словаря, математический образец свободного ассоциативного эксперимента, примеры количественных методов анализа ассоциативных данных, теоретические и прикладные модели ассоциативной парадигмы языкового сознания. Горошко удалось в рамках ассоциативного метода ввести различающие параметры всевозможных социальных факторов (напр., пол, возраст, образование и др.), при этом гендерный фактор оказался в определённых случаях определяющим. (Горошко 2001).

Опираясь на вышеуказанные исследования, можно сделать вывод о существовании различных ассоциативных картинах мира мужчин и женщин, что указывает на когнитивный аспект различий в языковом поведении полов, который рассматривается также в книге В. И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций»: «Называя даже одни и те же объекты единого мира, они выражают разное к нему эмоциональное и рациональное отношение – вплоть до противоположного. Один только этот факт показывает возможность нарушения баланса эмоциональной толерантности в общении людей друг с другом, так как только по этой причине они уже недопонимают друг друга». (Шаховский 2008, С. 287).

Среди множества гендерных исследований важное место занимает анализ номинативной системы языка. Интерес к способам номинации в гендерном аспекте был уже представлен у феминистских лингвистов, которые в своей критике опирались на выраженную языковую андроцентричность.

Среди отечественных авторов, представивших эту проблематику в своих трудах, можно назвать М. В. Китайгородскую (1976), Ю. С. Сорокина (1965), Р. И. Розину (1991), Ф. Б. Альбрехта (2001) и многих других.

Не маловажны работы по историческим аспектам гендерно важных наименований лиц, например, В. В. Демичевой (1996) и О. И. Еременко (1998).

Е. И. Горошко (1997), А. В. Кирилина (1997, 1998) и другие представляют в своих работах зарубежные лингвистические исследования, а И. И. Халеева (1998), И. В. Грошев (1999) и др. рассматривают возможности применения зарубежных методик на материале русского языка.

Интерес к инвективной лексике в гендерном аспекте выражен в трудах А. В. Кирилиной (1998) и Жельвис (1989, 2001).

Существуют работы о проблематике антропоцентризма в семантике номинаций животных в связи с их полом (напр., Ф. Б. Альбрехт 2001).

Особенностями отражения понятий «мужественность» и «женственность» в русском языке занимались учёные А. В. Килина в ряде работ с 1997 по 1999 гг. и В. Н. Телия 1996 г. Русские стереотипы мужественности и женственности представлены в трудах И. И. Халеевой (1999), А. В. Кирилиной (1999) и других.

Нужно заметить, что советские и русские гендерологи исследуют не только материалы русского языка, но и других. Не мало работ посвящено анализу французского (Е. М. Бакушева, 1995), английского (О. Н. Колосова, 1996) и немецкого (С. К. Табурова, 1999) языков.

Одной из самых неразработанных тем является тема гендерной проблематики перевода. Однако и здесь можно назвать имена российских учёных, обратившихся к её исследованию, например, О. А. Бурукина (1998, 2000), Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина (2000).

Гендерная проблематика авторского написания и чтения литературных текстов рассматривалась М. Рюткенен (2000), Т. В. Гречушниковой (2001) и др.

И. В. Грошева (1998, 1999, 2000) и М. В. Томская (2003) изучили роль женщины в рекламном дискурсе.

Фонетическими и фонологическими гендерными различиями занимались Р. К. Потапова (1994, 1997) и В. В. Потапов (2002). Одной из актуальных работ по лексикографии в гендерном аспекте является работа М. С. Колесниковой (2001).

Семейные гендерные коммуникативные особенности представлены в исследованиях И. А. Стернина (1996, 1997, 1999).

Вышеуказанные труды советских и российских учёных-гендерологов позволяют не согласиться с западными лингвистами, критикующими русистов за недостаточное внимание к вопросам гендерологии, а также за патриархальный подход к тематизации этих вопросов.

3.3. Гендерные стереотипы в языке и речи

Стереотипы, как «привычное отношение под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» (БТС 2003) к объектам, задаются и обновляются коммуникативными средствами и средой. Комплексные явления упрощаются, откладываются в памяти в виде конкретных, узнаваемых образцов, которые, в свою очередь, задают программу восприятия и понимания других явлений.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» (КСКТ 1997) стереотип, как форма обработки информации и состояния знаний, обладает разными функциями:

- когнитивная, выраженная в обобщении при упорядочивании информации
- аффективная, выраженная в противопоставлении «Я vs Другой», «Своё vs Чужое» и «Хорошее vs Плохое»
- социальная, выраженная в разграничении «внутригруппового» и «внегруппового», образующая ориентировочные структуры.

Итак, стереотипы, являясь социальным феноменом, неразрывно связаны с коллективными представлениями конкретного лингвокультурного общества.

Социальные расслоения говорят о том, что стереотипы поведения неодинаковы в разных социальных группах. Предшествуя действию, они представляют собой набор шаблонов, из которых должен выбирать каждый отдельный индивид.

Стереотипы не всегда выступают в виде вербализированных феноменов. Они могут быть выражены в жестах, мимике, интонации и т.д.

Гендерные стереотипы в «Словаре гендерных терминов» понимаются как «сформировавшиеся в культуре обобщённые представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины». (9: Словарь гендерных терминов. 07.2012). Составители подчёркивают разницу между гендерными стереотипами и гендерной ролью, которая состоит в том, что последняя означает «набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин». (9: Словарь гендерных терминов. 07.2012).

Гендерные стереотипы неразрывно связаны с культурой, в которой они наблюдаются, и осознаются человеком в связи с его личным опытом. Это формы хранения знаний и оценок индивида, основанные на его личных наблюдениях, интерпретации происходящего вокруг, а также на мыслительной и языковой репрезентации.

Каждый индивид воспринимает окружающий мир в соответствии со своими ожиданиями, представлениями о гендере. Такая «обработка» поступающей информации связана с, так называемыми, гендерными схемами, представляющими собой когнитивные категории гендера. Необходимо заметить, что «гендерные стереотипы управляют обработкой поступающей к нам информации, вследствие этого мы склонны запоминать только ту информацию, которая служит подтверждением данных стереотипов». (Берн 2001, С. 216). Интересно и то, что схемы остаются резистентны даже при столкновении с доводами, указывающими на их неправильность, нелогичность.

Эффект устойчивости стереотипа интенсивно зависит от конкретных носителей тех или иных гендерных схем. Обладая сложной системой построения целостной картины мира, индивид (сознательно или бессознательно, рационально или иррационально) управляет составляющими этой системы так, что при несогласовании конкретного стереотипа с воспринимаемой ситуацией возникают новые подвиды, подгруппы схем, которые дают возможность «оправдать» существующий стереотип, ссылаясь на то, что он просто не подходит для всех компонентов имеющейся категории.

В процессе социализации личности происходит нацеленное усвоение стереотипов, репрезентированных в сферах религии, языка, воспитания, образования, искусства,

массмедиа, моды и т.д. Обладание, в свою очередь, определённым гендерным статусом ведёт к тому, что индивид устанавливает множество гендерных различий. Последние интенсивно влияют на распределение власти между представителями разных полов. «Выделение гендерного аспекта властных отношений обусловлено объективной неоднородностью мужчин и женщин в социуме, различиями их ролевых функций». (Грошев 2000, С. 33). Необходимо добавить к этому, что в этом распределении власти, чаще всего, не учитывается мнение и опыт женщины, отдавая предпочтение мужскому полу.

Гендерные роли, выступая в виде ожидаемых социумом образцов поведения мужчин и женщин, подавляют или поддерживают определённые варианты поведения. В связи с этим, манифестируется разное у мужчин и женщин восприятие окружающего мира, которое, опять же, увеличивает стереотипную резистенцию по отношению к возможным несогласованиям.

Регламентированность социальных/гендерных ролей действует по образцу правильное/неправильное, как и эмоциональное восприятие ситуации по схеме хорошее/плохое. Из этого можно сделать вывод, что гендер и эмоции взаимно обусловленные категории. Эмоциональное общение между мужчинами и женщинами зависит от гендерного фактора, который может стать препятствием однозначному взаимопониманию коммуникативных партнёров. (Шаховский 2008). И, в то же время, на манифестацию гендерных стереотипов однозначно влияют факторы эмоционального восприятия и переработки информации.

Обращая внимание на многоуровневость понятия «социальная роль», выявленная в таких элементах, как ролевые партнёры, ролевые ожидания, ролевые правила и контроль, нужно обратить внимание на двойственный характер самого стереотипа, на который указывает А. В. Кирилина.

Можно выделить два типа стереотипного поведения, когда первый тип представлен в виде набора действий, которым в разных культурах, в зависимости от пола, приписывается неодинаковое содержание. Второй же тип выражается в неодинаковых поступках с одним и тем же содержанием. (Кирилина 1998а).

Как уже было сказано выше, гендерные стереотипные признаки проявляются в своём множественном разнообразии, как в вербальном, так и в невербальном. «Так, особая гендерная кодовость проявляется в проксемике (личное пространство, расположение в пространстве), в кинесике (участие глаз, выражение лица, положение тела, жесты), способность к осязанию, паралингвистические способности (высота, тембр голоса),

умение управлять коммуникацией (умение держаться темы разговора, выдерживать симметрию времени говорения, способность к интерпретации речевого и др. поведения партнёра) и т.д.» (Шаховский 2008, С. 284-285). И все вышеуказанные признаки складываются на основе жизненного опыта коммуникантов, из частоты их повторяемости, зависящих от культуры, в которой они находят своё проявление. Именно множественность такого количества гендерных кодов усложняет однозначное интерпретирование учёными анализируемой информации.

Языковые гендерные стереотипные признаки манифестируются во множестве речевых оборотов, таких, как *«кричит, как базарная баба»*, *«ворчит, как старый дед»* и др., специальных лексемах, как *«мадам»*, *«господин»*, и усиливают тем самым стереотипный взгляд на предубеждения о женщинах или мужчинах.

Н. Н. Трошина выделяет ещё один аспект категоризации стереотипов. Она обращает внимание на неодинаковое отражение связей явлений в стереотипах, которые, в свою очередь, разделяются на «истинные» или «ложные», в зависимости от того, насколько глубоко или поверхностно это отражение. Как пример, можно привести общепринятое мнение о женской «болтливости» или о «пустомельстве». Дело же в том, что предвзятое отношение мужчин к «женским» темам разговора как к несущественным, не только смешивают качественные и количественные характеристики разговора («болтливость», «пустомельство»), но предопределяют любой женский разговор, как интенсивно отличающийся от мужского, при этом с отрицательной оценкой.

Важно отметить, что какие-либо существующие проявления речи, несправедливо и неправильно рассматривать как абсолютные мужские или женские особенности. Чаще всего различия касаются только частотности употребления тех или иных языковых форм представителями разных полов. Например, для женщин характерна более корректная языковая форма, для мужчин – менее строгое соблюдение речевых форм. Однако, даже вывод о количественном соотношении должен всегда учитывать множественное число факторов, влияющих на языковую репрезентативность каждой ЯЛ. Такими факторами могут быть: возраст, социальная принадлежность, выраженные черты характера и даже сиюминутное состояние. Отталкиваясь от такого взгляда на обработку анализируемых данных о гендере, не возможно обойти стороной эмоциональные проявления ЯЛ, которые представляют целостный репертуар стереотипной переработки информации, т.е. основанный, с одной стороны на коллективном общественном сознании, с другой – на индивидуальном опыте.

Гендерные стереотипы представляют собой похожие двухполюсные позиции в коммуникативной системе человека. С одной стороны гендерные стереотипы должно рассматривать с позиций мужского и женского самосознания, с другой – коллективного общественного сознания и индивидуального.

С помощью гендерных стереотипов обновляется индивидуальный опыт ЯЛ, который, в свою очередь, отталкивается от коллективного данной лингвокультуры.

Как и эмоциональная, гендерная стереотипизация представлена на всех языковых уровнях и интенсивно связана с оценочной формой выражения.

Языковая репрезентация гендерных стереотипов, как было сказано выше, в речи неодинакова. Определение с помощью анализа более часто употребляемых из них, помогает сделать вывод о нацеленной манипуляции ими. На сегодняшний день нельзя отрицать, что манипуляция гендерными стереотипами стала главной задачей массмедиа, в поле зрения которых находится широкое поле коллективного адресата. Именно представители СМИ воспитывают в коммуникативной личности стереотипное восприятие и порождают крепкие модели поведения.

Можно ли такое влияние назвать положительным, - по этому поводу есть разносторонние мнения, однако, нельзя не согласиться с мнением о том, что оно помогает ускорить гендерный адаптационный процесс коммуникантов, не только по отношению к себе, но и, в некотором смысле, друг к другу.

3.4. Выводы по Главе 3

В данной главе на основе теоретического материала была рассмотрена и проанализирована категория «гендер», выявлены особенности её влияния на речевую деятельность субъекта, а также реализации в конкретной лингвокультурной среде.

Итак, проделанная нами работа позволила сделать нижеуказанные выводы:

- Гендер не является биологической категорией, а представляет собой социальный пол человека, неразрывно связанный с социальной организованностью общества данного индивида.
- Гендерная идентификация основана на сложном взаимодействии ряда факторов: социальных, культурных, психологических, биологических и самосознания индивидом своей гендерной принадлежности.
- Гендерные стереотипы задаются и обновляются коммуникативными средствами и средой, отражая комплекс биологических признаков социальных ролей и характерных

черт психики и поведения репрезентантов указанного пола данной лингвокультуры. Формирование гендерных стереотипов происходит, с одной стороны, за счёт различного опыта и поведения мужчин и женщин, с другой стороны, как закреплённый в обществе коллективный опыт, от которого отталкивается личный.

- Гендерные языковые признаки определяют поведение коммуникативной личности согласно с правилами и оценками данной языковой культуры.
- Проведённый анализ не позволяет сделать вывод о русском языке как гендерлекте, однако гендерная асимметрия, выраженная в качественном и количественном отношении данного языка, позволяет говорить о существующих в нём языковых особенностях женской и мужской речи.

В следующей главе мы поставили целью рассмотрение эмотивного коммуникативного поведения представителей женского и мужского полов. Для достижения поставленной цели нами будут

- рассмотрены эмоциональная сфера и эмотивное поведение ЯЛ, а также представленные в них гендерные различия;
- определены основные для нашего исследования эмоции;
- рассмотрены гендерные различия в невербальном поведении коммуникативной личности.

Глава 4. Основные особенности эмоционального коммуникативного поведения мужчин и женщин.

4.1. Эмоциональный аспект коммуникативной личности

В своей книге «Лингвистическая теория эмоций» (2008) В. И. Шаховский пишет: «Эмоции относятся к числу таких феноменов, которые проявляются в любом общении. Проблемы языковой эмотивности получают всё большую коммуникативную реализацию, и сегодня никто уже не оспаривает тот факт, что любое проявление языковой личности в коммуникации сопровождается проявлением эмоций». (Шаховский 2008, С. 282).

Такого же мнения придерживается большинство современных психолингвистов антропологического направления, такие, как В. Н. Телия, Н. А. Лукьянова, В. И. Болотов, Е. Ю. Мягкова и другие. Языковая система не может быть представлена верно, если при её описании не учитывать эмоциональный аспект.

Человек, отражая окружающий мир в языке, не может не отразить в нём своё к нему эмоциональное отношение. Коммуникативная функция языка не может быть только средством отражения мыслей индивида, но и его чувств. Как напоминает К. Изард: «В человеке всё движимо эмоциями, которые составляют мотивационную основу его деятельности». (Изард 1980, С. 208).

В. И. Шаховский и К. Изард определяют эмоции как особый процесс осознания, тесно связанный со всеми ступенями когнитивного процесса человека. (Шаховский 2008, Изард 1980). «Учитывая социальность эмоций, их тесную связь с процессами мышления и сознания, можно говорить о том, что все вербализуемые человеком эмоции являются осознанными, а значит, интеллектуальными». (Шаховский 2003, С.4).

Разум и эмоции человека находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Комплексность этого процесса состоит в том, что путь мысли индивида зависит от его эмоциональной развитости в то время, как изменения в эмоциональной сфере происходят с изменениями знаний, т.е. мыслей ЯЛ. Характер и сила эмоционального коммуникативного поведения ЯЛ зависит от ряда психологических и социокультурных факторов, к которым можно отнести и гендерные. (Шаховский 2008).

В. И. Шаховский, в связи с этим, даёт новое понятие межкультурной коммуникации, не ограничивая его «общением людей из разных стран или на разных языках».

(Шаховский 2008, С. 283). «Фактически же межкультурное общение – это общение людей на одном и том же языке внутри одной и той же страны, общение людей, отличающихся по возрасту, месту жительства, *полу* (выделение наше), профессии, культурному уровню, то есть по языковому паспорту и по тому, что теперь называется культурной компетентностью говорящего». (Шаховский 2008, С. 283).

Исходя из вышесказанного, любая ЯЛ может представлять собой межкультурного коммуниканта, предопределённого рядом факторов, влияющих на когнитивную функцию языкового общения субъекта. Эмоции, являясь одним из компонентов когнитивного процесса, могут облегчать или затруднять понимание между коммуникантами как представителями определённой социокультуры.

Учёные выделяют огромное количество эмоций человека, как, например, радость, страх, гнев, удивление, стыд, отвращение, вина (Изард 1980). До сих пор остаётся не решённым вопрос о классификации эмоций. Некоторые учёные придерживаются мнения, что следует признать существование, так называемых, «базовых эмоций», которые служат отталкивающим пунктом в определении всех других – «второстепенных». Однако, другие учёные не допускают существования «неосновных» эмоций.

Для нашей работы мы выделили пять эмоций, которые чаще всего встречались при анализе нами языковых данных во время написания этой работы.

Одной из главных является эмоция **Радости**, которая «определяется как активная положительная эмоция, выражающаяся в хорошем настроении и ощущении удовольствия». (10: Радость как эмоция). Необходимо отметить, что эмоция радости выражает множественное количество степеней этого эмоционального состояния, как, например, восторга, веселья, наслаждения и т.д.

Эмоция **Грусти** является отрицательно окрашенной эмоцией. Понятие грусти обычно описывается, как противовес эмоции радости. Однако, на наш взгляд, выражение грусти не может равномерно и однозначно противопоставляться радости, так как имеет множество оттенков и мотивационных причин (как пример, можно взять тоску, которая может быть желаемой и не связанной с конкретным неудовольствием эмоция). К различным степеням эмоционального состояния грусти можно отнести печаль, горе, сожаление и др.

Эмоция **Гнева** обычно вызывается чувством физической и психологической несвободы. Гнев можно назвать активной отрицательной эмоцией, часто бессознательно или сознательно вызывающей желание «выплеснуть» в какой-либо

отрицательной форме свои чувства на объект, на который он направлен. Среди эмоций гнева можно выделить такие его формы, как злость, ярость, негодование, раздражение. Эмоция **Страх** возникает обычно в критических для объекта ситуациях, «когда риск повреждения жизненно важных функций или снижения социального статуса запускает развитие» (11: Ю. В. Щербатых 2010) этого чувства. К эмоции страха можно отнести боязнь, кошмар, ужас, волнение и др.

Эмоция **Удивления** – самая короткая эмоция, не имеющая себе противоположной. Интересно, что мнение учёных о положительности/отрицательности этой эмоции как чувства разделяются. Есть мнение, что удивление вообще не эмоция, так как не является ни приятным, ни неприятным, однако, согласиться с такими выводами пока нельзя за недостатком нужных доказательств. Эмоция удивления может быть представлена чувством изумления, поражения, ошеломления и др.

Языковая личность, интерпретируя окружающие её объекты, ситуации, обязательно соотносит их со своими непосредственными переживаниями (гнева, радости, страха и т.д.). Внутренние переживания, т.е. эмоциональные состояния человека, могут быть, при этом, разной продолжительности и интенсивности. Кроме упомянутых характеристик эмоций, можно отметить ещё их «групповой» характер (Шаховский 2008). Как уже было сказано во второй главе, эмоции выступают в виде цепочки, которая строится из взаимодействия одной эмоции с другой, т.е., когда они «постепенно переливаются одна в другую». (Жельвис 1990, С. 54).

Главная эмоция, отмеченная в тексте, выступает для объекта речи как эмоциональная доминанта текста. Если же ведущую эмоцию сложно определить, то за отталкивающий пункт можно взять групповую модальность, которая состоит из нескольких эмоций, объединённых в узел. К. Изард даёт следующий пример такого «узла»: эмоции гнева, отвращения, презрения преобразуются в «триаду» враждебности, которая может содержать дополнительные эмоциональные элементы, как, например, страха или страдания. (Изард 1980, С. 290).

Какой кошмар! Неужели он мог так поступить с родными! Как он посмел! (удивление + ужас + гнев)

Как приятно! Неужели это всё для меня?! Прекрасно! (радость + удивление)

Языковые коммуникативные личности всегда пристрастны. Именно через эмоции, вербализованные в языке, человек способен выразить свою пристрастность. А, так как коммуникация являет собой деятельность направленную на достижение целей участниками общения, то она не может быть достигнута без эмоций. Взаимопонимание субъекта и объекта в речевом акте осуществляется не только через передачу и правильное понимание фактической информации, но и через их эмоциональное состояние.

Трансформация эмоций на языковом уровне может происходить только при условии, если в языковой системе имеются необходимые для этого средства выражения, которые превращают эмоцию на указанном уровне в эмотивность.

Эмоциональные характеристики, т.е. многочисленные окрашивания слов впечатлениями, переживаниями, отношениями, видоизменяются/моделируются на протяжении всей жизни индивида. Для того, чтобы коммуникативный акт стал успешным, необходимо правильное, т.е. адекватное понимание той эмоциональной нагрузки, которую накладывает собеседник на выраженную им информацию. Лакунарность является одним из важных аспектов общения, который никогда полностью не преодолим в межкультурном общении. Одним из главных факторов такой «дыры в понимании» является гендерный фактор, так как он, по мнению В. И. Шаховского, «всегда препятствует однозначному взаимопониманию вообще, а при эмоциональном общении мужчин и женщин может стать причиной коммуникативной неудачи». (Шаховский 2008, С. 284). Как пример можно привести разные возможные интерпретации мужской и женской улыбки. Известно, что в России и во Франции улыбка мужчины чаще всего выражает эмоцию радости, а вот женская улыбка может стать сигналом таких эмоций, как гнев, грусть и удивление.

Такие примеры ещё раз доказывают, что, хотя «базовые эмоции универсальны для всех лингвокультур, но различаются они этнокультурным и гендерным языковым/речевым проявлением». (Шаховский 2008, С. 285).

Любой речевой акт представляет собой ни что иное, как эмоциональную адаптацию коммуникантов друг к другу. Такая адаптация не всегда успешна, поэтому среди самых известных коммуникативных неудач можно выделить «вербальную дуэль», которая состоит в том, чтобы нанести собеседнику, как можно больше, эмоциональных «ударов». Необходимо подчеркнуть, что гендерная коммуникация, как показано экспериментально, требует более высокой эмоциональной толерантности от одного или от обоих коммуникантов. Е. Ю. Гетте утверждает, что гендерные различия на всех

этапах общения поднимают эмоциональный фактор, и, тем самым, ведут к коммуникативной нетолерантности. (Гетте 2002).

Цель нашей работы выяснить, в чём заключаются гендерные языковые различия, которые ведут к увеличению лакунарности коммуникативного общения. Но для начала, в кратком порядке представим чаще всего встречаемые языковые средства, употребляемые коммуникантами в эмоциональном контексте.

Эмотивность представлена на всех языковых уровнях. Возможность варьирования и импровизации языковыми единицами и их личностными смыслами, расширяет границы языковой системы общения.

На фонетическом уровне эмоциональность может быть выражена с помощью специальной интонации, ударения, темпа речи, различных видов паузы, высотой тона и другими просодическими единицами.

Эмотивные слова отмечают лексическую ступень эмоциональной нагрузки. Эмотивная семантика может быть представлена, как в денотативном макрокомпоненте, так и иметь коннотативную структуру. (Шаховский 2008). В итоге, любое слово может приобрести ту или иную степень эмотивности.

Необходимо отдельно выделить слова, выражающие высшую степень эмоциональности коммуниканта. Логический компонент значения такого слова полностью вытеснен, так как употребление такой лексики происходит в аффекте. К аффективам относят междометия, разные виды инвективной лексики, восклицания, эпитеты и др.: ***Ах! К чёрту эти размышленья!*** (раздражение + гнев)

Нужно заметить, что эмотивное значение очень часто построено на синтаксических средствах языка, что обращает внимание на эмотивность предложения и текста. Ш. Балли относит синтаксические средства выражения эмотивности к косвенным, в отличие от лексических – прямых. Но также как лексические, они способны придавать высказыванию аффективность.

Предложение, как минимальная единица текста, является основной языковой единицей, способной передавать полную эмоциональную информацию. Особенную категорию представляют восклицательные предложения, которые способны при помощи специальных языковых средств передавать любую эмоциональную сторону высказывания:

- *Оставь! Надоело!* (раздражение)

- *Какой ужас!* (ужас)

- *Как мило! Превосходно!* (восхищение + удовольствие) и т.д.

Заметим, что все типы предложений, используемые в коммуникативном акте, как вопрос, повествование, побуждение, могут стать восклицательными, получив необходимую долю эмоций. Таким образом, различают следующие типы форм выражения в языке, имплицитующих эмоции:

- имплицитивная повествовательная: *Это наши девочки приехали!* (радость + нетерпение);
- имплицитивная вопросительная: *Какой он юрист?!* (возмущение + раздражение)
- имплицитивная побудительная: *Оставьте эту книгу здесь, на столе, прошу вас!* (нетерпение + раздражение).

Эмоциональное состояние человека может быть спонтанным и произвольным, а может иметь характер осмысленного отношения к объекту. Первый вид основан на инстинктивной реакции субъекта в ситуациях, чаще всего, внезапных, неожиданных. Другой представляет собой оценочный мыслительный процесс. Различия видов выражаются в неодинаковой языковой репрезентативности, в различном употреблении языковых средств.

Эмоции могут достигать такого уровня в сознании человека, когда происходит полное разрушение грамматической оформленности мысли. Чаще всего, высказывания под влиянием сильных эмоций становятся короткими, отрывистыми, заметно частое употребление эллипсиса:

- *Куда?! Ты что! Не видишь, что ли?*

Связь между фразами теряет своё логико-семантическое отношение, что ведёт к подразумевающему характеру высказывания:

- *Не теряйся!* ----- в сравнении с: - *Не бойся их и отвечай на вопросы прямо и откровенно.*

Также следует обратить внимание на то, что, каким бы коротким не было высказывание, оформление его всегда отличается спонтанным характером, который проявляется в разрыве привычных синтагматических отношений. Разрыв связан со скоростью и интенсивностью действия эмоций на говорящего:

- *Ты, как тебе не стыдно! Как посмел, ты, это?!*

В высказываниях может быть представлен эмоционально-оценочный элемент, позиционированный, как в начале информационного блока, так и в конце:

(1) – Я восхищён Вами! И как у Вас хватило на это мужества?

(2) – Ты не хочешь убрать эту картину? Это такая безвкусица!

Более подробное описание синтаксических и лексических приёмов эмоционального высказывания в речи, будет представлено нами в следующей главе.

Итак, неоспорим тот факт, что эмоции являются составной частью модели порождения речи, а точнее его побуждающей составной. Эмоции представляют собой некий внешний микрораздражитель или мотив, имеющий направленное воздействие на коммуниканта. Совокупность побуждения, в которую входит эмоциональный компонент, представлена конкретными социальными характеристиками коммуникативных партнёров, их социальными позициями, определённым опытом, который, в свою очередь, несёт за собой определённые знания и возможность правильного восприятия и понимания коммуникативной ситуации. Все указанные составляющие открывают перед нами ассиметричный характер коммуникативной модели, который проявляется в противопоставлении двух позиций – «главный, ведущий» и «зависимый, подчинённый». О. В. Добрунова выделяет следующие параметры вышеуказанной оппозиции (Добрунова 1990):

- социальный (руководитель/подчинённый)
- интеллектуальный (более образованный/менее образованный)
- эмоционально-психический (сила воли/слабохарактерность)
- физиологический (сильный/слабый, старший/младший).

К этому можно добавить гендерный фактор, выраженный в эмотивном аспекте речевого репродуцирования, проявляющийся в коммуникативной ситуации как дуэлятивный параметр – «мужское/женское».

4.2. Гендерные различия в вербальном выражении эмоций

Любой человек, отражая действительность объективного мира, ориентируется на субъективное его понимание, заложенное, как в личном, так и в групповом опыте коммуникантов, и проявляющееся через его эмоциональную сторону. Субъективное

отношение выражается в оценочной реакции индивида, представленной в виде конкретных эмоций, таких, как гнев, радость, удивление и т.д. И одним из главных факторов разнообразия человеческого эмоционального восприятия окружающего мира является его гендерная принадлежность, т.е. его осмысленное отнесение самого себя к женскому или мужскому, как социально проявляющемуся типу.

«Как установлено гендерной лингвистикой, процесс коммуникации у женщин, в отличие от мужчин, всегда является выражением их чувств, поэтому у них очень высокий уровень вербализации эмоций при более низком (в сравнении с мужчинами) уровне эмоционального самоконтроля. Отсюда зачастую такое бурное эмоциональное реагирование на ситуации: злость, ненависть, ярость, мстительность. Такая яркая гендерная идентификация эмоциональной вербалики женщин позволяет говорить об их эмоциональном гендерлекте, отличном от эмоционального гендерлекта мужчин, более толерантного в целом, но варьирующегося от одной коммуникативной эмоциональной ситуации к другой». (Шаховский 2008, С. 286).

Мужчины, чаще всего, представляют себя частью объективного мира, в котором действуют механизмы реальных ситуаций и логических решений, а не что-то «метафизическое». Они стараются рассмотреть закономерность этого объективного мира, найти те правила и законы, которые помогли бы изменить окружающую реальность в том направлении, которое им необходимо. Аналитический подход к ситуации, абстрактное суждение об окружающем, мешают мужчине признать первичность эмоциональных переживаний существующего мира.

Эмоциональные восприятия мужчины, по мнению Ш. Берна, направлены больше на окрашивание его жизненно-необходимых потребностей тогда, как более глубокие эмоциональные переживания, называемые часто «тонким чутьём», остаются невостребованными и закрытыми мужскому сознанию. (Берн 2001).

Потребность в действии, активности по отношению к окружающему миру, ведёт к особому эмоциональному реагированию мужчин на существование важного для него объекта. Для мужчин не характерно углубляться своим эмоциональным переживаниям наедине с этими объектами, ими руководит желание действовать, достигать, покорять.

Именно поэтому наблюдается отличное от женского отношение мужчины к конфликтам. Поверхностное восприятие конфликтной психологии, а также мотивация скорее погасить этот конфликт действиями, ведёт к авторитарному, агрессивному самовыражению мужчины по отношению к оппоненту. Целью становится, не

стремление поменять субъективное отношение оппонента к ситуации, а желание заставить его признать свою объективную несостоятельность.

Отношение женщины к объективному миру всегда сопряжено с её субъективными переживаниями. Она не столько осознаёт саму суть происходящего, сколько чувствует её, интуитивно определяя дисгармонию между объектами. Поэтому женщина воспринимает действительность как чувственно-познавательный процесс, когда интеллект и эмоциональность действуют как одно целое.

Исходя из этого, в коммуникативном общении женщина предпочитает определённую недосказанность, которая позволяет сохранять место той реальности, которая тесно сопряжена с субъективными переживаниями.

Так, например, женская «многозначность» может быть объяснена недоверием к формальному слову. Здесь присутствует всегда желание найти «более подходящие» слова.

Итак, гендерные различия влияют на языковое проявление эмоциональной стороны субъекта. Однако, современная наука до сих пор не может дать точного ответа на вопрос, состоит ли эта дифференциальность только в способах выражения эмоций коммуникантов, или отличия существуют уже на уровне самих эмоциональных состояний.

На данный момент преобладает мнение о культурной детерминированности эмоциональных проявлений. Разные культуры представлены различными правилами выражения тех или иных эмоций. Нарушение некоторых из них может привести к ярко выраженным негативным последствиям для индивида. В определённых коммуникативных ситуациях от человека ожидают подавления одних и проявления других эмоций, причём правила поведения также поддаются изменениям в процессе развития конкретного социума. То, что считалось недопустимым вчера, может быть спокойно воспринятым сегодня (напр., употребление инвективной лексики женщинами), некоторые проявления эмоций могут сегодня испугать или, наоборот, вызвать удивление и насмешку, а раньше они считались доказательством хорошего тона (ср., падать в обморок в 17-18 вв.).

Современные западная и российская культуры вырабатывают в обществе определённые стереотипы поведения. В связи с существующими стереотипами, женщина обычно выступает в роли менее сдержанной, более сентиментальной языковой личности, с чем связана толерантность общества к их несдержанности, проявлению страха и слабости.

Выражения типа: «Мне некуда деваться» или «Я вся трясусь от переживаний», - можно намного чаще услышать в женской речи.

От мужчин требуется более сдержанное проявление эмоций. Страх и слабость должны скрываться за речами уверенности в достижении цели, в спокойном, с долей иронии, отношении к происходящему: «Тебе было страшно? – Да так, немного коленки подогнулись».

Слишком эмоциональные восклицания, как «Обалденное блюдо!» или «С ума сойти!», мужчины стараются избегать, особенно, если речь идёт о каком-нибудь «пустяке».

Половая социализация личности происходит на протяжении всей жизни человека. При этом важно не забывать и о других факторах, влияющих на эмоциональное самовыражение ЯЛ, как например, образование, возраст, статус и др. И, опять же, каждый из этих факторов тесно связан с конкретной культурой, в которой представлен по-своему.

Но эмоциональная реакция субъекта в коммуникативном акте представлена не только на вербальном уровне. Существует ещё невербальный вид коммуникации, который иногда более информативен и правдив в отношении эмоционального состояния коммуниканта. Так же, как и вербальный способ выражения, невербальный имеет свою гендерную специфику.

4.3. Гендерные различия в невербальном способе выражения эмоций

Для полного всестороннего подхода к изучению языкового воплощения эмоций в речи необходим глубокий анализ невербальных проявлений коммуникативного поведения индивидов.

Говорящий субъект передаёт не только смысловую информацию сказанного, но и своё отношение к предмету разговора, а также отношение к собеседнику. Для правильного понимания реализованной мысли, а также заложенных в ней интенций и оценок, важно правильное восприятие не только смысловой, т.е. словесной информации, но и экстралингвистической, т.е. невербально выраженной. Для коммуникантов имеют значение: интонация говорящего, его жесты и мимика, тембр голоса и многие другие «невербальные сигналы».

К невербальным сигналам относят «материальные, чувственно воспринимаемые действия общающихся, включая действия с предметами, несущие для собеседников и

окружающих определённый, закреплённый данной культурой смысл». (Прохоров, Стернин 2007, С. 129).

Среди невербальных сигналов различают «симптомы», «символы» и «знаки». (там же). Симптомами называют неосознанные проявления психического или физического состояния коммуниканта. «Симптомы культурно обусловлены, преимущественно представляют собой мимические движения и их сочетания (симптом страха, радости, удовольствия, задумчивости и т.д.)». (Прохоров, Стернин 2007, С. 129-130).

Символами называют проявление социального символизма, т.е. «символического значения, приписываемого социумом определённым предметам и действиям». (Прохоров, Стернин 2007, С. 130). Социальные символы прямо не участвуют в коммуникации, но в них заложена важная для коммуникантов информация, влияющая на восприятие передаваемой информации отправителем. Примерами таких символов могут служить, например, иномарка, меховая шуба, артистическая профессия собеседника, маленький рост и мн.др. Необходимо добавить, что «социальные невербальные символы имеют ярко выраженную национальную специфику». (Прохоров, Стернин 2007, С. 130). Особое внимание заслуживают невербальные символы, выражающие гендерную принадлежность коммуниканта, как например, «незамужняя женщина» и «незамужний мужчина», «разведённая женщина» и «разведённый мужчина», «замужняя женщина» и «женатый мужчина», «мужское поведение, настоящий мужчина» и «женственность» и др.

К знакам относятся невербальные действия, т.е. собственно сигналы, в конкретной лингвокультуре имеющие определённый знаковый смысл или стереотипное значение.

Среди знаков можно выделить:

- язык телодвижений (мимика, осанка, взгляд, походка и др.);
- организация пространства и проксемические знаки (прикосновение, дистанция и др.);
- знаки молчания.

Невербальные явления (сигналы) могут иметь разные функции, что усложняет процесс их отнесения к какой-то одной группе (знаки, символы, симптомы). Однако, обычно невербальный сигнал имеет одну доминирующую функцию, по которой возможна его классификация. «Если невербальный сигнал чаще продуцируется сознательно, он относится к знакам (собственно сигналам), если чаще бессознательно – к симптомам». (Прохоров, Стернин 2007, С. 130).

Жесты представляют собой самую большую группу среди невербальных сигналов. Жесты можно разделить на номинативные (дублирующие), эмоционально-оценочные, указательные (выделяющие предмет), риторические (усилительные), игровые (шуточные), вспомогательные (физическая помощь), магические (суеверные).

Немаловажную роль в описании невербальных сигналов играет определение уважения и неуважения, как явлений этой категории.

Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин предлагают хорошо представленную модель анализа невербального коммуникативного поведения. В нашей работе мы будем опираться на уже выявленные этими учёными признаки русского невербального поведения, обращая главное внимание на их гендерный характер.

Невербальные сигналы имеют большое психологическое значение. Как подчёркивает В. И. Шаховский, словами человек может замаскироваться, т.е. они могут быть неискренними, а выраженные (часто подсознательно) невербальные речевые поведения, помогают в быстрой дешифровке передаваемой информации. (Шаховский 2008).

Эмоциональная информация, передаваемая невербальными средствами, представляет собой дополнительный обязательный элемент каждого коммуникативного акта, которой сопровождает, так называемую, «интеллектуальную» информацию. (Шаховский 2008).

Как уже было упомянуто выше, невербальные сигналы могут иметь усиливающий характер. Они не противоречат вербальной части речевого акта, но наоборот подчёркивают его значимость.

Однако, исследования доказывают, что логический контекст сказанного не зависит от эмоционального, а значит может ему в некоторых случаях противоречить. В этом случае словесная информация чаще всего идёт нога в ногу с осознанными преднамеренными целями говорящего.

Среди указанных паралингвистических средств, сопровождающих всякую языковую деятельность, можно выделить ещё графические элементы, как почерк, дополнения к буквам и т.д., которые немаловажны для правильной дешифровки письменных текстов, а также представляют собой интересный момент в выявлении гендерных различий этого аспекта речи.

Паралингвистическое невербальное поведение мужчин и женщин неодинаково. Анализируя невербальные поведенческие различия разных народов, учёные

неоднократно сталкивались с вынужденным разграничением именно этих аспектов коммуникации.

Интересно, что одни и те же невербальные сигналы в одной и той же лингвокультуре могут выражать разные смыслы (1), в зависимости от того, кто их сигнализирующий – мужчина или женщина. Так же, как и один и тот же смысл может иметь разные проявления (2). Например, прикладывание указательного пальца к кончику носа, чаще всего выражает мужскую задумчивость в ситуации, неуверенность в правильной оценке положения, а также желание отдалиться от происходящего, чтобы иметь время на размышления. Женщина, кладя палец на нос, больше выражает удивление, а также заинтересованность предметом, ведущее больше к активному вмешательству в ситуацию (1).

Говоря неправду, мужчина обычно при вербальном общении потирает глаза или отводит их в сторону, опустив в пол. Женщина, говорящая неправду, чаще только слегка прикасается к глазам или потирает область под глазом. (2).

Такие различия в поведении привели к появлению гендерных стереотипов, связанных с невербальным поведением мужчин и женщин. Норма женского или мужского может нарушаться целенаправленно (см. феминистки), как и бессознательное следование ей.

Среди множества гендерных особенностей в неязыковом коммуникативном проявлении, можно выделить различия в пантомимике.

Женщина принимает фронтальную позу по отношению к собеседнику, который ей интересен или просто приятен. Боковая ориентация выражает неприязнь к человеку, нежелание общения. У мужчин, выражающих несимпатию к человеку, часто наблюдается наклон тела в сторону тогда, как, если собеседник им нравится, наклон туловища и, особенно головы, устремляется к объекту.

Среди русских «мужских» поз можно выделить такие, как:

- сидеть, развалившись в кресле
- стоять, широко расставив ноги
- мужские рукопожатия и поцелуи в щёку
- положением тела показывать проявление особенного внимания уважения к незнакомым женщинам
- достаточно близкое расположение к собеседнику

Женское русское кинетическое поведение выражено в таких позах, как:

- сидеть, сомкнув колени
- сидеть, облокотясь на ручку кресла с одной стороны
- держать бокал, отставив мизинец в сторону
- для привлечения к разговору брать женщину под руку
- фиксировать свой взгляд на лице собеседника

Список на этом не заканчивается, что говорит об имеющихся невербальных коммуникативных различиях представителей женского и мужского пола.

Отмечено, что визуальный контакт играет для мужчин большую роль в момент, когда они говорят сами, тогда, как женщина прибегает к нему в моменты, когда слушает собеседника.

Многие учёные пришли к выводу, что женщины более успешно и быстро декодируют невербальные сигналы. Однозначное объяснение этому феномену пока не найдено. Например, В. П. Шейнов определяет эту особенность, как врождённое женское умение. (12: Шейнов В. П., 09. 2012).

Есть гипотезы о чувствительности женского организма из-за более высокого психического давления, в котором они, по мнению некоторых американских учёных, находятся.

В. И. Шаховский тоже обращает внимание на различия в «эмоциональном гендерлекте» мужчин и женщин. По мнению учёного «процесс коммуникации у женщин, в отличие от мужчин, всегда является выражением их чувств» (Шаховский 2008, С. 286), а значит ведёт к более широкому эмпирическому опыту женщины, распространяющемся не только на формирование запаса эмоциональных переживаний и ощущений, но и на построение адекватной системы эмоционального восприятия собеседника. Именно здесь помогают приведённые выше особенности женского кинетического поведения, как фиксация взгляда на собеседнике и визуальный контакт во время речи партнёра. Подобные аспекты коммуникативного поведения женщины наводят на мысль о концентрации внимания во время поступления информации от собеседника, а не во время её передачи ему, а значит на более точном фиксировании необходимых для декодирования сигналов моментах.

К особой категории феномена коммуникации относятся вербально выраженные этические оценки невербального поведения, расположенные между полюсами «прилично» - «неприлично» или «культурно» - «некультурно». Главным образом

вышеуказанные аспекты поведения связаны с проявлением гендерных различий и сексуальной сферой индивида, составляя основу нормативного гендерного этикетного поведения.

Примером может служить русская чувствительность к позам – «провокациям сексуального характера». (Прохоров, Стернин 2007, С. 155). Например, женщины стараются не класть ногу на ногу, интерпретирующееся в русском обществе как открытая демонстрация сексуальности. Примером мужского «некорректного» поведения является, к примеру, сидение широко расставив ноги и «развалившись» в кресле или, поза «нога четвёркой».

Интересные наблюдения были проведены в области физического контакта в ходе общения мужчин и женщин. В русском общении можно деликатно прикасаться к лицам противоположного пола. Вынужденное прикосновение корпусом мужчины к женщине также не оценивается как приставание к ней. Русский человек может брать за руку лиц своего пола. Русские женщины не любят, когда их трогают незнакомые, особенно за плечо. Среди русских мужчин известен поцелуй-приветствие, прощание или поздравление, который менее распространён среди женщин, особенно не являющихся близкими подругами.

Различия невербального поведения лиц противоположного пола неоспоримо связано с различиями в их социальном статусе. Так некоторые прикосновения к женщине во время коммуникативного акта указывают на границы их в обществе. Однако, необходимо подчеркнуть, что одни и те же невербальные сигналы могут выражать разные намерения коммуниканта, а значит не могут служить однозначным доказательством определения вышеупомянутых границ.

4.4. Выводы по Главе 4

В данной главе был проведён анализ теоретической литературы по гендерным различиям в вербальном и невербальном коммуникативном поведении, а также определены базовые для нашего исследования эмоции. В связи с проделанной работой нами были сделаны следующие выводы:

1. Эмоции имеют мотивационную основу деятельности человека и затрагивают все аспекты его когнитивных процессов, выражаясь в его речи и в невербальном поведении.

2. Эмоциональное поле индивида и способы его выражения предопределяются гендерными особенностями коммуникантов. Эмоциональные переживания, ощущения и представления основываются не только на психофизиологических механизмах, но связаны с рядом межкультурных факторов, называемых «культурой компетентности говорящего». (Шаховский 2008, С. 283).

3. С помощью гипотетико-дедуктивного метода и метода частотного анализа встречаемости эмоций в разговорной и письменной речи, нами были выделены пять «базовых» эмоций: радости, грусти, гнева, страха и удивления.

4. На языковом уровне происходит трансформация эмоций в эмотивность. Эмотивность представлена на всех языковых уровнях.

5. Наряду с вербально выраженной информацией эмоционального общения можно выделить информацию, выраженную невербальными средствами коммуникации. Как и языковые средства, они обладают рядом специфических культурных особенностей.

6. Невербальное поведение представителей разных полов указывает на свой дифференциальный характер, выраженный через различное проявление невербальных сигналов в женской и мужской речи. Среди невербальных сигналов различают симптомы, символы и знаки, которые могут быть по-разному обусловлены, т.е. не только биологически, но и социально, в зависимости от сигнала.

В связи с перечисленными выводами можно определить главный тезис нашей работы, заключающийся в различном эмоциональном поведении представителей разных полов в рамках одной лингвокультуры. Отталкиваясь от тезиса, представляем следующие задачи практической части нашей работы, представленной в главе 5:

- определить главную эмоцию эмотивного поведения русских мужчин и женщин
- установить главные гендерные различия в выборе вербальных и невербальных средств в выражении выделенных базовых эмоций русскими коммуникантами
- рассмотреть динамику эмотивного поведения русской мужской и женской ЯЛ в отдельных коммуникативных ситуациях.

Глава 5. Отражение гендерных особенностей русской эмоциональной коммуникативной личности.

Одним из главных «рабочих терминов» нашего исследования является понятие «гендерной коммуникативной личности» (ГКЛ). Под этим термином мы представляем коммуникативную личность, действующую в связи с поло-ролевыми установками, базирующимися на нормах и стереотипах поведения данной лингвокультуры и выраженными в вербальных и невербальных актах коммуникации.

Среди экстралингвистических факторов, влияющих на языковую репрезентацию гендерной коммуникативной личности, можно выделить такие, как возраст, социальный статус, образование, профессию и множество других, однако мы не можем охватить все компоненты-характеристики и поэтому выбрали только одну из них – пол. Перед тем как перейти к описанию влияния этой реалии на языковую, коммуникативную и эмотивную компетенции индивида, считаем необходимым напомнить о том, что результаты анализа, полученные нами, не закрепляют за собой статус неопровержимости и точности выводов. Причинами этого являются:

1. Субъективная, эмоционально поддержанная, интерпретация материалов авторами, которая ведёт за собой выделение только той информации, которая кажется более релевантной для конкретного субъекта.
2. Упрощённый, а значит односторонний подход к рассмотрению языковой коммуникативной репрезентативности гендерной личности, которая оставляет в стороне тот факт, что одна характеристика никогда не выступает отдельно, а является лишь ведущей по отношению к самой себе.

В связи с вышеуказанными причинами нами не будут учтены, например, такие немаловажные моменты, как возраст, профессия и социальный статус гендерных коммуникативных личностей, которые могли бы расширить базисный интерпретационный конструкт. Однако это не значит, что проведённая нами работа не релевантна с точки зрения гендерной лингвистики. Она представляет собой первый этап абстрагирования гендерно-выраженных эмотивных лексических единиц и синтаксических конструкций, составляющих систему коммуникативного акта.

5.1. Лексический уровень эмоциональной речи мужчин и женщин

5.1.1. Оценочные предпочтения в речи мужчин и женщин

В. И. Шаховский в своих работах формулирует эмоции как оценочное отношение субъекта к миру, выраженное в форме непосредственного переживания. Эмоции представляют собой сплочение эмоционального и интеллектуального оценочного суждения о явлении и предмете. (Шаховский 1987, 1988, 2007).

Оценочная функция непосредственно связана с эмоциональной сферой индивида, так как всегда касается его интересов, потребностей и установок. Как пишет Шаховский: «Эмоциональность высказывания всегда связана с реализацией оценки... Оценка – это мнение субъекта о ценности объекта для него, а эмоция – это переживание субъектом данного мнения». (Шаховский 1988, С.14.).

Положительная оценка возможна тогда, когда потребности и установки личности находят своё удовлетворение в переживаемом, когда формируется равновесие между субъективным и объективным, а объект или явление оценивается как положительное. Отрицательная эмоция возникает вследствие ощущения дисгармонии субъектом, когда окружающий его мир, явление, объект становятся в противовес к его ожиданиям, установкам и потребностям, когда переживание действительности получает негативную оценку.

Эмоциональное состояние субъекта фиксируется в своеобразных изменениях его поведения, которые могут быть представлены как в физиологических, так и в сдвигах речевой репрезентативности коммуниканта.

Итак, характерной чертой оценки является аспект взаимодействия в ней субъективного и объективного компонентов. Субъективный и объективный компоненты находятся в комплексном взаимодействии друг с другом, на основе которого можно выделить несколько типов оценки (Ретунская 1996, С. 9):

- рациональная (интеллектуально-логическая)
- эмоциональная (эмотивная)
- эмотивно-интеллектуальная

Рациональный тип оценки выражен в беспристрастном, т.е. без выражения эмоционального, отношении субъекта к объекту, определяя ценностный аспект последнего, рассматриваемый в границах «ценность – неценность». Однако на практике доказано, что любая оценка, вынесенная индивидом, не может совсем не затрагивать его чувств, значит оставлять его эмоционально равнодушным.

Второй тип оценки, называемый эмоциональным, представлен в единстве мыслей и чувств, когда субъект и понимает значение данной реалии, и проявляет свою эмоциональную реакцию на неё.

Эмоциональная оценка имеет своей целью изменить эмоциональный модус собеседника и вызвать определённую ответную реакцию, рациональная же оценка направлена на подтверждение или отрицание согласия с высказанным мнением.

Усиление указанных оценок происходит с помощью разных компонентов. Рациональность увеличивается с помощью предиката мнения, а эмоциональная оценка получает усиление благодаря экспрессивности и аффективной лексики.

Эмотивно-интеллектуальная оценка проявляется, по мнению Т. И. Вендиной, в исходном положении отношений субъекта к оцениваемому явлению или предмету, выраженное в оценке «значимо» и «важно». (Вендина 1997, С. 41 - 42).

Оценочную роль может брать на себя большинство частей речи русского языка (напр., *нахал, нахальство – сущ.; приятный – прил.; тоскливо – нареч.; благоухающий – прич.; скакать – гл.* и др.). Хотя в европейских языках главной оценочной единицей речи выступает прилагательное, выполняющее атрибутивную функцию, в русском языке достаточно часто употребляется для оценки мужчин и женщин существительное (из 1414 слов 547 существительных). Поэтому мы считаем необходимым наравне с прилагательным продемонстрировать также примеры употребления этой части речи и сравнить функции обоих.

Так же нами было установлено, что одни и те же лексические единицы могут быть использованы для выражения противоположных оценок (положительно – отрицательно), в зависимости от контекста, в котором они были употреблены. Таким образом, мы можем подтвердить тезис В. И. Шаховского о том, что эмотивы представляют собой двойственность семантических единиц языка. (Шаховский 1987, 2008). Примерами существительных, употреблённых в разных смыслах, могут служить такие, как:

- Вот это **красавец**! Нечего сказать. (разочарование, досада, гнев)

- Какая **сука** ловкая! Бери пример! (восхищение)

- Иди отсюда, **рыцарь**! (разочарование, гнев)

- Ах, ты моя **поганка**! **Горгона** любимая! (умиление, нежность, любовь)

Среди множества собранных нами примеров (отдельно для существительных и прилагательных) большую часть занимают выражения из разряда положительных, приобретающих отрицательную оценку (из 74 существительных – 58; из 83 прилагательных - 71). Что же касается перехода отрицательных в положительные, то нами была выявлена тенденция употребления таких слов в конкретной ситуации, когда мужчины или женщины восхищались выгодными женскими «достоинствами», чаще всего связанными с личной выгодой последних в межполовых отношениях:

- *А всё-таки, хороша зараза! Закрутила мозги и была такова. Молодец!*

Напрашивается вывод о том, что расчётливость и бесцеремонное следование к цели – эти характеристики относят всё-таки чаще к мужскому типу действий, так как женщина считается более эмоциональной и менее последовательной, т.е. от неё редко ожидают плановых решений и безповоротного следования им.

Вторая особенность перехода отрицательных лексем в положительные состоит в выражении в них одной базовой эмоции – удивления, которая затрудняет отнесение слова к конкретному полюсу «только положительно – только отрицательно». Человек положительно удивлён действием, однако одновременно разочарован и, может, даже очень отрицательно относится к результату содеянного:

- *Ну, сука, выиграла!* (восхищение)

Итак, следуя в связи с целью предпринятого нами анализа, проследим последовательность употребления гендерно-маркированной лексики. Мы выбрали два критерия, по которым проводили описание. Во-первых, мы брали за пример только те существительные (таблица № 1) и прилагательные (таблица № 2), которые содержали в себе положительную или отрицательную оценку, направленную на адресата-мужчину или адресата-женщину. Во-вторых, подбор материала, использованного в исследованиях был взят из ситуаций, охватывающих разнообразные коммуникативные ситуации: ссора, встреча, комплимент, разговор между супругами, разговор между друзьями, разговор между соседями, разговор между незнакомыми, в праздничной обстановке и в быту, между разновозрастными группами, представителями разных социальных групп и разных административных единиц.

Таким образом, оценки мужчин или оценки женщин были сгруппированы в четыре группы:

- положительная оценка мужчины/женщины со стороны мужчины
- положительная оценка мужчины/женщины со стороны женщины
- отрицательная оценка мужчины/женщины со стороны мужчины
- отрицательная оценка мужчины/женщины со стороны женщины

В разных лингвокультурах отношение к женщине или мужчине обычно выражается разными словами, особенно, если речь идёт об оценочной или изобразительной лексике, представленной прилагательными. Так женщину в России описывают *милой, кокетливой, болтливой, красивой, наглой* и др. О мужчине мы слышим: *джентльмен, мацо, сексуальный, нахальный, подлый, подхалим, грубиян* и т.д. Конечно, это не значит, что эти оценки могут быть употреблены только к одной из гендерных групп. Они также встречаются и при описании противоположного пола, однако мужские эпитеты, приписываемые женщине, или наоборот, женские – мужчине, встречаются не часто и играют роль приписания мужчине – женских черт, а женщине – мужских. Так «милашка» по отношению к мужчине может означать «красивый, как женщина» или «нежный, чувствительный»; а существительное «пошлячка» указывает на непристущую женскому поведению черту, которая у мужчины может получить положительный оттенок во время заигрывания или флирта, но у женщины обязательно оценивается как недопустимая отрицательная характеристика.

Хотим обратить внимание на одно выражение, встретившееся при описании, как мужчин, так и женщин. Слово «игнорант» / «игнорантка» почти в одинаковом количестве представлено среди оценок противоположных полов. Это понятие заменило часто употребляемое «невежа», однако применение его распространено исключительно в особо интеллектуальных кругах.

Различия в неодинаковом описании женских и мужских характеристик состоит в видимом расхождении анатомического строения и во внешности женщин и мужчин, а также в их неодинаковом социальном положении в обществе и следовании разным типам поведения и мышления.

Итак, среди самых показательных оценочных эпитетов мы выбрали, представленные ниже в таблицах 1 и 2, по указанным нами выше параметрам.

Таблица № 1.

Актуализация эмоционально-оценочного показателя ГКЛ (существительные)

Мужские оценки (233)

мужчина (99)

«+» (27)   «-» (72)

 ловкач   идиот
(8)   (13)

 молод-   сукин сын
чина (7)   (12)

 кузнец   козёл
(4)   (9)

 мужик   сука
(4)   (9)

 свояк   подонок
(1)   (8)

 лев   ссыкун
(1)   (6)

 парниша   интел-
(1)   лигент
                 чёртов
                 (4)

 рубаха-   сопляк
парень   (4)
(1)

 клоун
(2)

хрен

Женские оценки (314)

мужчина (164)

«+» (48)   «-» (116)

 красавчик   идиот
(17)   (27)

 интел-   дурак
лектуал   (23)
(10)

 джентльмен   кобель
(9)   (13)
ка   (11)

 идеал   подонок
(5)   (11)

 лапочка   подлец
(5)   (9)

 сексопил   жмот
(2)   (9)

 прости-   козёл
тутка   (8)

(6)

 тёлка   дерьмо
(6)   (7)

 артистка   игнорант
(4)   (4)

интел-   пьяница

женщина (150)

«+» (68)   «-» (82)

 красавица   дура
(21)   (23)

 умница   шлюха
(18)   (14)

 модель   самка
(13)   (10)

 актриса   корова
(6)   (10)

 молод-   гадюка
чина   (9)
(6)

 цветок   авантю-
(4)   ристка
(6)

 идиотка
(5)

 актриса
(5)

 страхолю-
дина
(3)

неженка

(2)	легентка	(2)	(3)
	(2)		
трус (2)	гадина	пошляк	кобыла
	(1)	(2)	(2)
игнорант		плебей	игнорант-
(1)		(1)	ка (2)

Таблица № 2.

Актуализация эмоционально-оценочного показателя ГКЛ (прилагательные)

Мужские оценки (279)

Женские оценки (588)

мужчина (160)		женщина (119)		мужчина (342)		женщина (246)	
«+» (88)	«-» (72)	«+» (54)	«-» (65)	«+» (158)	«-» (184)	«+» (130)	«-» (116)
умный	подлый	красивая	страшная	красивый	инфан- тильный	видная	наглая
(21)	(14)	(21)	(15)	(25)	(30)	(23)	(19)
прямой	хилый	умная	глупая	умный	эгоистич- ный	яркая	странная
(15)	(11)	(11)	(14)	(24)	(23)	(20)	(18)
хваткий	дурной	видная	ненор- мальная	классный	жадный	стильная	неинтерес- ная
(11)	(10)	(7)	(12)	(20)	(22)	(20)	(16)
ловкий	эгоистич- ный	работающая	шибану- тая	уверенный	неинте- ресный	самоуве- ренная	страшная
(11)	(10)	(6)	(9)	(19)	(18)	(14)	(14)
смелый	глупый	хваткая	цепкая	приятный	занудли- вый	приятная	пришиб- ленная
(9)	(9)	(4)	(6)	(19)	(16)	(13)	(10)
крутой	слащавый	длинно- ногая	злая	галантный	странный	умная	бабистая
(7)	(6)		(6)	(17)	(16)	(13)	(10)

		(2)					
верный	больной	сексуаль-	странная	спокойный	неуверен-	цепкая	глупая
(6)	(6)	ная	(2)	(12)	ный	(9)	(9)
		(2)			(16)		
умелый	недоде-	сильная	жадная	весёлый	тихий	образован-	расчётли-
(6)	ланный	(1)	(1)	(11)	(11)	ная	вая
	(2)					(9)	(7)
вежли-	мелкий			разговор-	против-	строгая	мужикова-
вый (2)	(2)			чивый	ный	(6)	тая
				(6)	(11)		(5)
	извилис-			вежливый	скучный	дисципли-	ленивая
	тый (1)			(5)	(9)	рованная	(4)
						(3)	
	лживый				неразви-		сумасшед-
	(1)				тый (6)		шая (4)
					бешенный		тупая
					(4)		(2)
					ненор-		
					мальный		
					(2)		

На основе приведённых таблиц можно сделать следующие выводы:

1. Наше исследование показало, что среди множества оценочных лексем заметно преобладают с отрицательной коннотацией (в сумме отношение 800/610). Это можно объяснить тем, что количество отрицательных эмоций, которые может испытывать человек преобладает над количеством положительных. Кроме того, отрицательные эмоции индивида всегда связаны с более глубокими переживаниями, т.е. по своей интенсивности и качеству также превосходят положительные.
2. При выражении положительной оценки своему полу, женщины предпочитают использовать прилагательные. Число отрицательных и положительных оценок, данных женщинами женщинам совпадает по количеству (198/198), что опровергает

аксиоматичное утверждение о том, что женщины не любят делать комплименты женщинам. Общее число прилагательных намного преобладает в женской речи, что говорит о высокой развёрнутости и описательности женского языка.

3. Мужчины употребляют прилагательные чаще при оценке мужской половины тогда, как существительные служат им для оценки женской. В связи с этим мы не можем подтвердить распространённое клише, что мужчины предпочитают отдавать оценку представителям своего пола и «скупятся» в выражении эмоций противоположному полу.

4. Женщины в своей речи применяют больше оценочных характеристик, чем мужчины (902/512). В связи с этим мы можем подтвердить общепринятый тезис о более высокой эмоциональности русской женщины.

5. Мужчины выделяют положительные мужские качества, связанные с умением и ловкостью, силой и прямоотой, а отрицательные – с безрассудством, слабостью и трусостью, а также лживостью. Положительная оценка женщин мужчинами базируется на внешних характеристиках, сексуальности, но также уме и целеустремлённости. Последние две характеристики вызывают у мужчин восхищение и удивление, что говорит о распространённом мнении, что они нетипичны для представительниц женского пола. Среди отрицательных оценок выделены мужчинами: глупость, неверность и коварство. Во всех случаях важную роль играет внешность женщины.

Интересно, что отрицательные качества получают чаще своё проявление в мужской речи не только в направлении мужского пола, но и женского.

6. Женская речь концентрирует своё внимание на эмоционально-оценочной лексике, адресованной мужчинам (486/396), подчёркивая их негативные качества и манеру поведения и речи. Среди гендернорелевантных качеств они выделяют положительные – интеллект, внешность, уверенность и умение себя вести, отрицательные – инфантильность, эгоизм, подлость, низкий интеллект, неверность и агрессивное поведение. Очень интенсивно критикуется мужская скупость («жмот» 9, «жадный» 22).

7. Гармония между внешностью и интеллектом, как показывают наши исследования, играет важную роль в русском обществе, выдвигая одинаковые требования к представителям обоих полов.

8. Мужские и женские оценки можно разделить на несколько групп:

- внешние качества;
- умственные качества;

- этические качества;
- сила и смелость.

Среди мужских оценок встречаются все четыре группы, женщины ограничиваются тремя первыми группами. Мужчины ценят мужской ум (66 из 115) и женскую внешность (69 из 91), а критикуют недостаток этически релевантных качеств у женщин (84 из 158) и мужчин (70 из 144), а также нехватку физической силы (25) у представителей своего пола и ума (42) у противоположного.

Для женщин мужская сила, как мы видим из таблиц, не играет большой роли, но этические нормы (247 из 506) и ум (155). У представительниц своего пола женщины выделяют, как положительную черту, внешность (101 из 198), тем самым поддерживая женский стереотип, и ум/ловкость (61), но критикуют неискренность, подлость, неумение вести себя и нехватку ума (172 из 198).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что по-настоящему гендернорелевантными можно считать только два признака: внешность как женское качество и силу – как мужское. Важно отметить, что женская внешность играет роль в мужской и женской оценках, а мужская сила – только в мужской. Среди мужских оценок, как положительное женское качество, семь раз была упомянута выносливость, однако, среди женских оценок мы не встретили ни одной, описывающей мужскую силу и смелость, которые для мужчины являются важными характеристиками в лице женщины.

8. Употребление инвективной лексики в мужской и женской оценке почти совпадает (м 23/ж 20). Интересно, что чаще всего представители обоих полов используют инвективную лексику, характеризуя женщин (24/19). Использование такого количества грубых, «неприличных» слов (43 из 91) свидетельствует о сильном переживании субъектом определённой эмоции.

9. Учитывая рассмотренную выше классификацию оценок по М. С. Ретунской (Ретунская 1996), мы пришли к заключению, что женщины и мужчины используют почти одинаково рациональные оценки (18/16 – *кол. понятий*), применяя их чаще в направлении женского пола. Однако, рациональная оценка охватывает лишь малую долю всех используемых понятий (34 из 153), и большая часть приходится на тип «эмоциональная оценка».

5.1.1.1. Вывод

Подробно проанализировав реализацию оценочной лексики как одного из эмотивных средств, используемых гендерной языковой личностью в русскоязычном общении, нами были сделаны следующие выводы:

- Женщины употребляют больше эмотивно-оценочной лексики, чем мужчины, что подтверждает тезис о более высокой эмоциональности русской женщины.
- Грубая, инвективная лексика является в одинаковой степени составной частью, как мужской, так и женской современной речи.
- Среди женских положительных качеств в русском обществе выделяют красоту и ум, среди мужских положительных – интеллект и воспитанность. Критикуют русские в женщинах глупость, неверность, расчётливость и агрессивное поведение по отношению к противоположному полу. К мужским отрицательным качествам относят: непристойное поведение, низкий интеллект, подлость, неверность и скупость. Как мы видим, требования по отношению к мужчинам выражаются чаще в словесной эмоциональной форме, однако, не только представительницами противоположного пола, но и самими мужчинами.

5.1.2. Эмоциональные интенсификаторы в мужской и женской речи

Уже ранее в нашей работе мы упоминали о так называемых интенсемах – составляющих эмотивного обозначения денотата. (Шаховский 2008, С.96). Именно эти интенсемы указывают на количественную и качественную меру эмотивного значения, т.е. она определяет интенсивность данной эмотивности слова.

Итак, исходя из вышесказанного, мы можем определить понятие «эмоциональные интенсификаторы» как сложную подвижную систему речевых выражений, представленной количеством, качеством и мерой эмотивных признаков, отклоняющихся от общепринятого их числа. В связи с понятием, эта категория неразрывно связана с категориями эмоциональности, оценочности и экспрессивности.

Выдающийся советский психолог А. Н. Леонтьев рассматривает интенсивность слова, значения как силу эмоции, заглушающую логический смысл выражения или мысли. (Леонтьев 1984, С. 38).

Количество интенсификаторов, их разнообразие и варьирование в речи индивида указывают на степень его образованности, развитости и осведомлённости, а также на его темперамент и личные жизненные предпочтения, переходящие в степень экспрессивности коммуникативной личности.

Среди известных учёных, обративших внимание на категорию интенсивности, рядом с В. И. Шаховским и Ш. Балли, можно назвать Е. А. Земскую, В. Н. Телию, И. И. Туранского, Е. М. Галкину-Федорук, А. Н. Лука и И. В. Арнольда.

Ш. Балли подчёркивает бросающуюся в глаза разницу в интенсивности слов-синонимов и объясняет это феномен тем, что человеческий ум, сравнивая два предмета, быстрее всего воспринимает его количественные различия, чем специфические отличия. (Балли 1961, С. 394).

Эмоциональные интенсификаторы характерны своей спонтанностью и непринуждённой экспрессивностью, позволяющими выражать самые сложные чувства и эмоции, заполнять паузы и придавать сказанному эмоционально-выраженный характер.

В русском языке интенсификаторами могут быть все части речи:

- наречия (*невероятно, совершенно, ужасно, потрясающе, абсолютно* и др.),
- прилагательные (*потрясающий, обалденный, истинный, невыносимый, удручающий* и др.),
- местоимения (*таков, ничто, всякий, свой* и др.),
- союзы (*хотя, словно, зато* и др.),
- междометия (*боже, чёрт, вишь, во* и др.),
- глаголы (*разгрохотаться, громоздиться, взбелениться* и др.),
- причастия (*обалдевающий, выкобенивающийся, окоченевший* и др.),
- деепричастия (*кривоглазая, выпендриваясь* и др.),
- существительные (*училка, генеральша, любимчик, молодуха* и др.),
- частицы (*отнюдь, вон, разве, -ка* и др.).

Словообразовательную функцию здесь могут иметь приставки (*раз-, пере-, -вз* и др.), суффиксы (*-ви-, -иц-, -еньк-* и др.), неподвижная многокорневая основа:

Взбалмошная она какая-то!

Разгильдяй проклятый!

Бабища ещё та!

Проклятуций день!

В проанализированном нами материале мы нашли 1830 эмоциональных интенсификаторов: в женской речи – 978 и в мужской – 852. В процентуальном соотношении употребление их в женской речи не намного преобладает над употреблением в мужской (53,44% / 46,56%). Необходимо добавить, что тексты и диалоги выбирались нами спонтанно, без каких-либо критериев. Также мы считаем важным упомянуть, что в некоторых текстах интенсификаторы преобладали в мужской речи, а в женской их было сравнительно меньше.

Все обнаруженные нами случаи употребления эмоциональных интенсификаторов мы распределили по группам, обозначенным базисными эмоциями, которые мы выделили в предыдущей главе. Таким образом пред нами предстала следующая картина их употребления в женской и мужской речи:

Таблица № 3.

Актуализация эмоциональных интенсификаторов ГКЛ

	эмоции					всего
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	
женщины	250	235	307	100	86	978
мужчины	269	121	298	63	101	852
всего	519	356	605	163	187	1830

Как мы видим из таблицы чаще всего интенсификаторы употребляются женщинами и мужчинами при выражении эмоции гнева (605), при этом у мужчин эта эмоция ведущая. За эмоцией гнева следует эмоция радости (519), которая в мужской речи занимает наравне с «гневом» ведущее положение (35%). Гендернорелевантной эмоцией можно назвать женскую «грусть», которая почти в два раза чаще находит своё отражение интенсификаторами, чем в мужской речи (24% / 14%). Так же, почти в два раза больше задействованы интенсификаторы в женской речи при выражении страха, что не обязательно означает, что мужчинам мало знакомо это чувство. Скорее всего, это можно объяснить заложенными гендерными стереотипами, когда представителям сильного пола приписывается роль смелых, сдержанных членов общества. Если наши

рассуждения справедливы, то мы можем опровергнуть утверждение о максимальной спонтанности употребления интенсификаторов, заменив его тезисом о существовании нескольких видов порождаемости этой категории слов, зависящей от конкретных факторов коммуникации.

Обращаясь к качественной стороне употребления интенсификаторов нами была замечена тенденция употребления в женской речи интенсифицирующих наречий (*смутно, совершенно, бесконечно, особо, вполне, очевидно* и др.) тогда, как в мужской речи чаще встречаются наравне с наречиями ещё и интенсифицированные существительные и глаголы (*бабища, девушка, козуля, громыхнуть, психануть* и др.).

Испытываемая эмоция коммуникантом предопределяет эмотивное оформление фразы, которое, в свою очередь, указывает на интенсивность переживаемых чувств индивида. Также наличие нескольких интенсификаторов в минимальном эмотивном тексте (фразе, предложении) говорит о сильном эмоциональном переживании личности:

- *Что было дальше, я помню **смутно**, как-будто в голове **какой-то** клубящийся туманище, который меня **зловеще** душит.*

- ***Боже, какой шок! Такая невероятная злость, какая-то очевидная зависть, просто ужас!***

- ***Потрясающая красотища, да просто балдёж!***

Использование определённого типа и количества интенсификаторов в русском языке мужчинами и женщинами зависит от уровня образованности коммуникативной личности. Нами было установлено, что представители менее образованных слоёв намного чаще обращаются к интенсификаторам (1:10), выбирая среди них существительные, частицы, междометия и некоторые из глаголов. Более интеллектуальные мужчины и женщины предпочитают наречия, местоимения и союзы, а также прилагательные, употребляя интенсификаторы в соотношении 1:6. Если учитывать фактор образованности коммуникативной личности, можно также выделить гендернорелевантные признаки использования интенсификаторов для выражения эмоций. Менее образованные мужчины предпочитают существительные, глаголы и междометия, а женщины – междометия, глаголы и частицы. Более образованные мужчины употребляют наречия, местоимения и союзы, а женщины – наречия, прилагательные и местоимения. Причиной в разнице употребления мужчинами и

женщинами разных типов интенсификаторов может служить неодинаковая их выразительность. Например, местоимения, союзы, наречия и частицы в роли интенсификаторов более нейтральны по своему выражению, но не менее эмоциональны, чем междометия, существительные и глаголы, которые очень часто принимают вульгарную, максимально-вызывающую форму. Как мы видим, мужчинам в обществе дозволено вести себя более раскованно и вызывающе, чем женщинам, которым предназначена роль воспитательницы детей и «прекрасной половины» общества. Для подтверждения вышесказанного, можно привести множество примеров, когда мужчины открыто критикуют некоторые «слишком» эмоционально-вызывающие женские высказывания, отличающиеся «неподобающим» лексиконом.

5.1.2.1. Вывод

Опираясь на проделанный нами анализ и на вышеизложенные факты, можно сделать следующие выводы:

1. В русской эмоциональной речи очень развито употребление слов-интенсификаторов, и мужчинами, и женщинами. Преобладание интенсификаторов в женской речи над мужской минимально (53,44% / 46,56%), однако подтверждает тезис о более высокой женской эмоциональности.
2. Самыми показательными категориями эмоциональных ситуаций, в которых представителями обоих полов используются интенсификаторы, являются ситуативные выражения гнева (ж307/м298) и радости (ж250/м269). В женской речи за этими категориями следуют грусть (235) и страх (100), а в мужской - грусть (121) и удивление (101).
3. Гендернорелевантной можно назвать эмоцию грусти, которая почти в два раза чаще встречается в женской вербальной артикуляции (24% / 14%). Меньше всего приходится на женское удивление (86) тогда, как мужчины выражают это чувство достаточно часто (100).
4. Мы можем подтвердить тезис В. И. Шаховского о существовании, так называемого, эмоционального интеллекта, который представляет собой совокупность когнитивной и эмоциональной деятельности индивида. Более частое использование интенсификаторов более образованными слоями общества (10/6) говорит о неоспоримой параллели между эмоциями и познаниями человека.
5. Гендерные различия в выборе разных категорий интенсификаторов выглядят следующим образом: мужчины, наравне с гендерно-нерелевантными наречиями,

глаголами, междометиями и местоимениями, часто используют интенсификаторы, выраженные существительными и союзами, а женщины – прилагательными и частицами. Как мы видим, описательная манера выражения с помощью прилагательных принадлежит женщинам. Мужчины предпочитают более чёткую номинативную (называющую) функцию существительных.

5.1.3. Междометия

Междометия представляют собой один из самых обширных, а также разнородных синтаксических классов, «стоящий вне деления слов по частям речи». (13: Википедия/Междометие). К междометиям относят неизменяемые слова, а также словосочетания, выполняющие разные функции. Одной из них, важной для нашей работы, является функция употребления междометий для непосредственного выражения эмоций. «Междометия тесно связаны со звукоподражанием и выступают как слова-сигналы, используемые для выражения требования, желания, побуждения к действию, а также для быстрого реагирования человека на различные события реальной действительности». (там же).

Выполняя экспрессивную и побудительную функции, междометия выступают как лексические единицы, в которых почти полностью отсутствует логический компонент значения. Особенностью этого класса является их способность заменять не только определённые выражения, но и целые предложения, необходимые для выражения индивидом его отношения к явлениям внешнего мира.

Междометия являются главным представителем аффективов, в которых эмотивное значение основное, обязательное, можно сказать, денотативное. Присутствие эмоциональных междометий в высказывании, делает эмоциональным всё выражение, тем самым одновременно затрудняя его конкретное толкование по причине подвижных границ значений этого класса слов и словосочетаний. Для правильной дешифровки необходимы знание контекста и категориальной ситуации.

Классификация междометий представляет собой сложную, подвижную систему, которая отличается множеством категориальных признаков и генетически связанных групп.

Приведём некоторые примеры выражения базисных эмоций междометиями в русском языке:

- Радость: *слава богу, наконец-то, вот радость-то* и др.
- Гнев: *тьфу, да пошло всё!, вон!* и др.

- Грусть: *да уж, эх, ну да* и др.
- Страх: *о боже!, ой!, батюшки светы!* и др.
- Удивление: *неужели?!, ой, ах, вот это да!* и др.

Среди множества признаков междометий выделяют такой, как *однозначность/многозначность*. Однозначные междометия выражают преимущественно отрицательные эмоции (боль, опасение, возмущение, насмешку, недоверие и др.): *тьфу, вот тебе на, да уж* и др. Многозначные или амбивалентные междометия могут использоваться в разных эмоциональных ситуациях: *ой* (радость, удивление, страх), *ну* (удивление, гнев, радость), *боже!* (радость, удивление, отвращение, страх) и т.д.

Очень часто одно и то же междометие содержит в себе несколько эмоциональных сем, среди которых одна являет собой главную или доминантную. Нами была замечена тенденция употребления многосемных междометий, в которых доминирующей семой выступает эмоция удивления:

Вот как! *А я и не думала, что ты так отблагодаришь меня за мои старания.*
(удивление + гнев)

Вишь *какой прыткий!* (удивление + гнев)

Батюшки светы! *Сколько ты денег на подарок-то угрохала!* (удивление + радость)

В правильном толковании многозначных и многосемных междометий важную роль играет дешифровка невербального коммуникативного поведения субъекта: его интонации, мимики, жестов и т.д. Так как эмоциональные междометия выступают в роли произвольно выраженных сопровождающих, они всегда поддерживаются рядом таких же аффектных невербальных сигналов. Сказанное в радости, или в грусти, или даже в гнев «увы» сопровождается разной интонацией, разными взглядами, разными жестами и т.п.

Эмоциональные междометия могут повышать свою экспрессивную значимость благодаря словообразованию, например, с помощью суффиксов: *такушки, охохонюшки* и т.д. Лексическое усиление, например, благодаря сложению местоимений также увеличивает экспрессивность выражения: *ишь ты, да ты, ох они* и др.

Исходя из того, что женская речь обычно отличается большей эмоциональностью, можно предположить, что женщины чаще мужчин используют междометия в речи. Однако, проведённый нами количественный анализ употребления междометий в

мужской и женской речи не подтвердил данное предположение. В разговорной и в письменной речи мы насчитали почти одинаковое количество единиц этого языкового класса, как в мужской, так и в женской речи (ж517/м495). Таким образом мы можем опровергнуть существующие стереотипы о том, что женское эмоциональное выражение базируется на большей аффективности, чем мужское. Когда речь идёт о неконтролируемых чувствах, - эмоциональность русской женщины и русского мужчины находятся почти на одном количественном уровне (51,1% / 48,9%).

Перейдём к качественным различиям употребления междометий мужчинами и женщинами.

Среди часто используемых мужской половиной мы выделили следующие:

- *Хотя*
- *Впрочем*
- *То ли*
- *Да уж*
- *Да ладно*
- *Ну*
- *Вроде*
- *Оставь!*
- *Хули; нафиг*
- *Да...*

Большинство из них выражают недовольство, удивление или неуверенность в стопроцентности сделанного вывода.

Среди «женских» междометий можно выделить:

- *Видимо*
- *Вдруг*
- *Оказывается*
- *Значит*
- *...же*
- *Ну и что*
- *Просто*
- *Как раз*
- *Всё ясно*
- *Как ни в чём не бывало*

- *Ой!*

Женщины выражают междометиями удивление (неожиданность), разочарование и неудовольствие. С помощью «видимо», «оказывается» и «значит» они проявляют осторожность в суждениях, тактичность по отношению к другому мнению, однако не обязательно свою неуверенность в собственных рассуждениях.

Очень распространённое в русском языке междометие «*Ой!*», относящееся к типу многозначных чаще встречается в женской речи при выражении всех эмоций, определёнными нами как базисные. Однако в мужской речи «ой» встречается реже и, по нашим наблюдениям, только при выражении раздражения:

Ой, да хватит тебе! Надоело!

Ой, как мне это надоело, а!

Нами было также отмечено, что это междометие в мужской речи никогда не выступает одно, но всегда в сочетании с другими междометиями.

Очень много междометий употребляется представителями обоих полов для заполнения пауз (*да, ну, как бы, хм, ага* и др.). Что касается гендерной релевантности, то нами не было установлено никаких признаков повышенного использования их одной из сторон представителей пола. Слова-заполнители встречаются как в женской, так и в мужской речи в одинаковой степени.

Междометия обладают способностью отвлекать от общей информации высказывания, направляя внимание собеседника на эмоции, заложенные в нём (*1):

Чёрт побери, опять пришёл в гости!

Да ладно, мы тоже раньше смотрели телевизор!

Особенностью мужской речи можно назвать более частое употребление междометий-интродукторов, которые обладают способностью «подталкивать» собеседника на более эмоциональное восприятие эмоционально ослабленных высказываний (см.*1).

В русском языке распространено употребление междометий, относящихся к ненормативной лексике (539 из 1012), как мужчинами, так и женщинами (м318/ж221): *чёрт возьми!, блин, пиздуй отсюда!* и др. При этом необходимо иметь в виду, что ненормативы охватывают очень большую группу лексики, в которую входят не только

обценные выражения типа русского мата, но и множество других типов вульгаризма и жаргонизма (ср. *пиздюк* и *безмозглый*).

Чаще всего инвективные междометия в мужской речи употребляются в эмоциональных ситуациях выражения гнева, раздражения (201 из 318) и приятного удивления (95). 19 из них пришлось на эмоцию страха, выраженную одновременно с эмоцией досады: *чёрт побери*(5), *бля*(8), *ёб твою мать*, *совсем пизданулся* и *охренел*(4). И только 3 на эмоцию печали, связанную с разочарованием: *да уж хрен тово, а хрен с ним, заебись*.

В женской речи мы насчитали 221 инвектив-междометие: 199 с эмоцией гнева и раздражения, очень часто сопровождающиеся эмоцией удивления, 18 пришлось на эмоцию страха, 4 – на печаль, но ни одного на выражение радости.

В нижестоящей таблице мы предлагаем частотное употребление междометий русскими мужчинами и женщинами в эмоциональных ситуациях, представленными выбранными нами базисными эмоциями. Обращаем внимание на то, что большинство междометий характерны своей пучковой семной структурой. Распределяя междометия по группам, мы ориентировались на сему-доминанту.

Таблица № 4.

Актуализация эмоциональных междометий ГКЛ

	эмоции					
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	всего
женщины	111	65	218	34	89	517
мужчины	96	17	254	21	107	495
всего	207	82	472	55	196	1012

Как мы видим из таблицы, большинство междометий приходится на ситуации, где доминирует эмоция гнева, раздражения. Что касается остальных показателей, - распределение их между базисными эмоциями и группами «мужчины – женщины» очень неоднородно.

5.1.3.1. Вывод

Итак, мы провели анализ гендерных различий употребления эмоциональных междометий в русской речи и пришли к следующим выводам:

1. В рассмотренных нами качественных различиях использования междометий представителями разных полов было установлено, что мужчины и женщины

пользуются различными словами при выражении одних и тех же эмоций. Кроме всего прочего, одни и те же междометия в речи мужчин и женщин могут получать различные семантические оттенки.

2. Мужчины чаще употребляют междометия «зачина», т.е. междометия-интродукторы, что часто сопровождается эмоциями раздражения и гнева, и указывает на большую мужскую готовность к зачинанию конфликта, а также о меньшей сдержанности в ситуации неудовлетворения.

3. Употребление междометий-инвективов распространено среди коммуникантов обоих полов (м 318/ ж 221), однако в мужской речи, по сравнению с женской, эта группа лексики охватывает большую часть всех используемых междометий (м64% / ж43%). Гендернорелевантными инвективами можно назвать «женские» эмоции гнева (90%) и «мужские» эмоции приятного удивления (30%). Женщины употребляют инвективы, выражая отрицательные эмоции, подчёркивая тем самым своё экспрессивное эмоциональное состояние. Мужчины пользуются бранной лексикой, не зависимо от высоты амплитуды эмоционального состояния, так как инвективная лексика очень часто является показателем раскованного и «зачинного» поведения, типичного для представителей «главенствующего» гендерного класса.

4. Что касается количественного показателя употребления междометий в речи ГКЛ, то мы не можем подтвердить тезис о том, что женская речь отличается большей эмоциональностью от мужской. Эмоциональные междометия, выступающие в роли аффективов, почти одинаково часто встречаются в речи представителей обоих полов (ж51% / м49%).

5. Мужчины более эмоциональны при выражении чувств гнева, раздражения (51,3%), удивления (21,6%) и радости (19,4). Женщины также проявляют экспрессивность при эмоции гнева (42,2%), но почти равномерно распределяют свою эмоциональную выразительность на радость (21,5%), удивление (17,1%) и грусть (12,6). Как мы видим, чувство страха в почти одинаково малой степени выражается мужчинами и женщинами междометиями (ж6,6% / м4,3%), что опять же не подтверждает распространённого мнения о женской пугливости и её экспрессивно-выраженной артикуляции. Гендернорелевантной мы можем назвать эмоцию грусти или печали, которая чаще встречается в женской речи (12,6% / 3,4%), что доказывает тезис о большей склонности женщин к меланхолии.

5.1.4. Ненормативная лексика

Понятие ненормативной лексики в русском языке очень растяжимое. Часто оно употребляется синонимично со словосочетаниями «бранная, разговорная, инвективная, обценная лексика».

Под всеми этими терминами скрывается целый ряд «слов и выражений, употребление которых в речи (устных и печатных текстах) нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии/неприличии». (14: Словарь «НефорМат DedaWolfa»/Ненормативная лексика).

Среди таких слов и выражений множество лексико-фразеологических единиц, относящихся к сфере «внелитературного» русского языка (напр. жаргон, мат, просторечие, территориальные диалекты), но есть также слова и выражения, принадлежащие к категории литературного языка, значит «нормированные», как например, *мартышка, гадюка, сопляк, подлец* и т.п. Именно такая множественность понятий затрудняет чёткое определение границ отнесения конкретных лексических единиц к этому языковому классу, тем самым усложняя дешифровку их использования в речи.

К этому можно добавить факт о том, что в реальной повседневной речевой коммуникации существует «дробная дифференциация социально-культурных групп населения, микрогрупп, разного рода социальных коллективов» (14: Словарь «НефорМат DedaWolfa»/Ненормативная лексика), которая также не позволяет сделать однозначные выводы о разделении лексики на ненормативную и нормативную.

Среди слов и выражений ненормативной лексики, относящейся к группе литературного языка можно выделить следующие разряды (14: Словарь «НефорМат DedaWolfa»/Ненормативная лексика):

1-й разряд – номинации лица, представляющие собой, с точки зрения интересов общества, негативные обозначения (*проститутка, фашист, вор* и т.д.);

2-й разряд – слова и словосочетания, семантическое значение которых направлено на отрицательную оценку деятельности или занятий кого-либо (*русофоб, антисемит* и т.д.);

3-й разряд – нейтральные номинации лица по роду занятий, профессии, деятельности, приобретшие со временем резко негативную оценку (*мясник, палач, бюрократ* и др.);

4-й разряд – зоосемантические метафоры с оценкой неодобрения, призрения и пренебрежения (*сучка, кобыла, быдло* и др.);

5-й разряд – обозначения качества и действия, а также свойства кого или чего-либо (*мучить, прикармливать, враньё* и т.д.);

6-й разряд – слова и словосочетания, в которых заключена бранная оценка кого-либо как личности (*гадина, дурак, идиот* и др.);

7-й разряд – эвфемизмы по отношению к словам-номинациям (*падшее создание, женщина лёгкого поведения* и т.д.);

8-й разряд – окказиональные образования (*коммуняки, нацисты, оппозички* и др.).

К особым подгруппам ненормативных языковых единиц, не относящихся к литературному языку, относятся (14: Словарь «НефорМат DedaWolfa»/Ненормативная лексика):

- **обценная** («запретная») лексика – мат

- **диалектная** лексика (напр., *говнюк, дерьмо, засранец, лахудра, гад ползучий* – сибирские диалекты)

- **просторечия** (напр., *на фиг, фигуй отсюдова, шибзик* и др.)

- **жаргонизмы** (напр., *поссыкун, герла, пуська* и др.)

Как мы видим, ненормативная лексика охватывает огромный запас слов и выражений, употребляемый всеми социальными группами одной лингвокультуры.

Однако, до сегодняшнего времени ненормативная лексика считалась, главным образом, привилегией мужской речи. Это не значит, конечно, что женщинам не дозволяется выражать крайнюю степень негодования, агрессии или, наоборот, восхищения, но преимущественно только «своими», т.е. «женскими» вербальными средствами. В социально закреплённый женский стереотип не вписывалось представление об употреблении женщинами бранной, обценной, «распущенной» лексики, которая, к тому же, своей табуированностью сохраняла за мужской половиной общества доминирующий статус. Насколько это заявление справедливо на сегодняшний день, мы хотим выяснить в нашей работе.

Бранная лексика, в особенности ненормативные инвективы (оскорбительная/клеветная лексика) и обценные слова и словосочетания, позволяют полную эмоциональную раскованность индивида. В определённых ситуациях эмоции часто вызываются все вместе, они одновременно переполняют человека, желая вырваться наружу. В таких ситуациях индивид нуждается в понятиях, выражениях, которые смогли бы описать переживаемые им эмоции, без обозначения каждой из них в отдельности. Известный советский учёный, очень интенсивно занимающийся анализом «нецензурной» лексики, В. И. Жельвис, считает, что «такой спектр субъективно недифференцируемых

эмоциональных нюансов удобно материализовать в виде единого средства, берущего на себя, таким образом, сложную эмоциональную нагрузку. Таким средством и является инвектива». (Жельвис 1991, С. 42). Из этого для нас следует, что инвективы, к числу которых также относятся междометия, являются одним из наилучших средств внешнего проявления эмотемы.

В русском языке, как и в ряде других языков, существует особая лексическая подгруппа, называемая матом, которая относится к разряду обценной лексики. Она занимает особое положение в русской устной речи, а на сегодняшний день и в письменном языке. Обценные слова и выражения, в связи со своей нецензурностью, считаются прерогативой мужской половины коммуникантов. Её интенсивно выраженный категориальный характер позволяет быстрее схватывать оценочный смысл высказывания, а значит и морально заниженные, оскорбительные компоненты слов. С другой стороны, именно мат обладает особенной функцией оптимальной разрядки эмоций говорящего. Он обладает высокой силой эмоционального воздействия на слушателя, так как в его семном составе содержатся оскорбительные компоненты очень личностного, интимного характера. Мы позволяем себе сделать на этом основании вывод, что именно по этой причине, мат до сих пор был задействован в мужской коммуникативной вербалике, а не в женской, подчёркивая, опять же, доминантную роль мужчин в обществе. Употребление обценной лексики женщинами из низших слоёв социума связано, скорее, с общественно закреплёнными представлениями о том, что наименее уважаемые его представители могут позволить себе использование ругательных слов просто потому, что они уже не могут потерять уважение, т.е. им нечего терять. Употребление же обценной лексики образованными женщинами из более высших слоёв может быть связано с категоричным настроем к своему статусу в обществе, как например, у феминисток, когда идёт нацеленное нарушение существующих правил разграничения «только мужское – только женское». Мат встречается не только в разговорной речи, но и в письменной. Например, употребление матных слов в литературных текстах можно отнести уже к специальным литературным приёмам, к которым нередко прибегают современные русские писатели, как например, В. О. Пелевин. Безусловно, за этим кроется желание автора ярче и эффектнее передать эмоции героев или свои собственные, или же придать естественность коммуникативной ситуации, описанной в произведении. Однако, тексты, снабжённые подобной лексикой, не всегда воспринимаются одинаково, а зависимо от того, к какой группе реципиентов относится читатель. Неодинаковое

восприятие может быть также связано с причиной частого использования подобной лексики, что ведёт к притуплению её восприятия читателем/слушателем, не зависимо от принадлежности реципиента к какой-либо группе.

Что касается качественно выбора говорящим ненормативной лексики, то он зависит не только от социального статуса или пола ЯЛ, но и от силы переживаемой ею эмоции. Мы установили, что при слабом раздражении или стрессе, говорящий чаще обращается к инвективам, так называемого «социального типа» - литературные выражения, просторечие, жаргон и т.п. В ситуациях сильного напряжения, переживания этот тип сменяется на «стрессовый» - обценная, нецензурная лексика. Для сравнения два примера, представляющие собой две разные стрессовые ситуации:

Да зачем нужна тебе эта баба!

Да на хер она тебе сдалась эта пизда!

В первом случае мужчина более спокойно относится к переживаниям своего друга/знакомо по поводу размолвки последнего с любимой женщиной. Он убеждён, что всё не так ужасно, что «время лечит любые раны», что всё скоро пройдёт и забудется. В этой ситуации он хочет выразить своё соучастие, одновременно подчёркивая более слабым инвективом «баба», что женщина, вызвавшая такие переживания у собеседника, не стоит большего внимания. Во второй же ситуации говорящий очень раздражён и даже, может быть, взъярён по отношению к персоне, так «несправедливо» поступившей с его другом. Вполне возможно, эмоция тесно связана с конкретными личными переживаниями такого типа. Говорящий полностью отдаётся захлестнувшему его чувству возмущения, презрительного рода отношения к персоне, ставшей причиной этого разговора и переживания.

В ходе анализа устных и письменных текстов мы выделили 1145 случаев использования ненормативной лексики. Из них 694 принадлежат мужчинам, а 451 – женщинам. Из этого можно сделать вывод, что употребление инвективов до сих пор занимает ведущее положение в мужской речи.

Что же касается использования женщинами этого вида лексики, то мы обратили внимание на то, что в их лексиконе присутствуют почти все её категории, начиная с разрядов литературного языка, и заканчивая – обценными словами и выражениями нецензурного типа. Однако, чаще они используют ненормативные лексические единицы литературного языка. Мужская же коммуникативная половина предпочитает

больше обценную лексику, матные выражения, жаргонизмы, диалектизмы и нелитературные просторечия.

Кроме того, инвективная лексика, представленная в мужской речи, охватывает все части речи русского языка примерно в одинаковой мере (сущ. 129, прил. 111, гл. 109), не считая междометий (318) и наречий (27), тогда, как в женской речи, рядом с большим количеством междометий (221) и существительных (93), наблюдается тенденция к употреблению прилагательных-инвективов (94), например, *тупорылый, идиотский, пришибленный, ненормальная* и др. (89). Меньше всего женщины употребляют инвективы-глаголы и инвективы-наречия (гл. 31, н. 12).

Среди прилагательных, выявленных в мужской речи (111), большое количество приходится на обценные выражения, такие, как *трахнутая, ебанутая, хуёвая, пизданутая* (43%). Среди существительных ярко выражен 4-й разряд литературных инвективов, т.е. зоосемантические метафоры, как *мартышка, сука, тёлка, коза* и др. (59 из 129).

Что касается использования ненормативной лексики в различных эмоциональных ситуациях, то она наиболее часто встречается при выражении гнева (раздражения). Инвективные слова и выражения, выражающие крайнюю форму радости или восхищения, как показывает приведённая нами ниже таблица, занимает особое положение в мужской речи, что, однако, не обязательно указывает на слабый контроль вербального выражения возбуждённой коммуникативной личностью, но больше говорит о языковой вседозволенности этой половой группы.

Женщинам же чаще «дозволяется» выражать ненормативными языковыми единицами свой гнев, т.е. «ругаться», но эмоции радости, удовлетворения и восхищения не должны быть представлены грубыми, бранными выражениями.

Таблица № 5.

Актуализация ненормативной лексики ГКЛ

	эмоции					всего
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	
женщины	15	9+4межд.	174+199межд.	2+18межд.	30	451
мужчины	96	47+3межд.	227+201межд.	2+19межд.	4+95межд.	694
всего	111	63	801	41	129	1145

5.1.4.1. Вывод

Результаты исследования, представленные в предыдущем параграфе, позволяют сделать следующие выводы, касающиеся употребления ненормативной лексики представителями разных полов:

1. Мужчины чаще, чем женщины, употребляют obscene лексику, т.е. мат. Употребление мата женщинами признаётся только среди представительниц низших классов, что подтверждает общепринятый стереотип о привилегированности obscene лексики среди представителей сильного пола, которые из-за своей доминантности не нуждаются в подтверждении статуса уважения к себе, как представительницы противоположного пола.
2. Общее употребление инвективов мужским полом превышает их употребление женским полом на 21,2%, что доказывает предпочтение использования грубых речевых форм в речи русских мужчин. Кроме того, среди мужских ненормативных лексических единиц ведущими являются слова и выражения, не относящиеся к литературному языку, тогда, как среди женской ненормативной лексики наблюдается противоположная тенденции, т.е. к инвективам литературного происхождения. В связи с этим мы можем подтвердить сделанный В. И. Жельвисом вывод о том, что «там, где мужчины прибегают к очень резким и вульгарным инвективам, женщины, как правило, предпочитают гораздо более мягкие обороты или внешне очень скромно звучащие междометия». (Жельвис 1991, С. 26).
3. Среди эмотивов из ненормативной лексики, используемых ГКЛ, очень много аффективов, представленных в русской речи междометиями (47%). Однако при выражении эмоции гнева, мужчины употребляют больше эмотивов с коннотативным значением (53%), чем аффективов (47%), в отличие от женщин, которые, переживая отрицательные эмоции, держат свою речь под меньшим контролем (кон. 47% / аф. 53%).
4. Ненормативная лексика употребляется женщинами, главным образом, при испытывании ими отрицательных эмоций, связанных с гневом, раздражением, отвращением (82,7%). Мужчины используют подобные языковые конструкции не только при выражении эмоции гнева (61,7), но также в положительных эмоциональных ситуациях, как радость (13,8%) и приятное удивление (14,3%).
5. В мужской речи при употреблении инвективов-существительных особое положение занимают зоосемантические метафоры, направленные на оценку женского пола (из 59

зооморфов 49). Такая тенденция сравнения/оценки может быть объяснена менее высоким положением женщины в обществе.

5.2. Синтаксический уровень эмоциональной речи мужчин и женщин

Ш. Балли писал о синтаксисе, что он «не может быть отдан в безраздельное владение чистой мысли, как слова не могут быть сведены к чисто логическим определениям». (Балли 1961, С. 299). Хотя синтаксис относится к категории грамматики, а грамматика в представлении многих лингвистов имеет явно выраженный логический характер, мы поддерживаем мнение учёного, что синтаксис, как одна из категорий грамматики, наряду с логическим характером, способен влиять на выражение чувств и эмоций.

Как мы уже говорили в прошлых главах нашей работы, эмоции могут сопровождать все коммуникативные единицы, в том числе и предложения, которые относятся к минимальным текстовым единицам. Эмотивные предложения очень часто отодвигают грамматическую структуру, выдвигая вперёд коммуникативный аспект. В связи с этим, строевые компоненты фразы могут выпадать, менять своё синтаксическое построение, количественно увеличиваться и т.д.

В этом параграфе мы постараемся представить главные из синтаксических особенностей эмотивных предложений в аспекте их употребления разными представителями гендера.

5.2.1. Неполные предложения или эллипсисы

В работе коллеги Т. Каптур мы находим следующее определение неполным предложениям и эллипсисам: «Итак, «Неполное предложение» и «Эллипсис» в русской лингвистике определяется как отсутствие (опущение, недостаток, пропуск) того или иного члена синтаксического построения в речи или тексте. Смысл, передаваемый отсутствующим членом, остаётся». (Каптур 2007, С. 14). Автор также подчёркивает взаимозаменяемость и синонимичность понятий «неполное предложение» и «эллипсис».

Однако, явлением эмоционального синтаксиса эллипсис, по мнению К. А. Долинина, может рассматриваться лишь тогда, когда «не представленный во фразе элемент не содержится в ближайшем контексте, следовательно, не является избыточным». (Долинин 1987, С. 211).

Употребление неполных предложений придаёт речи живой, непринуждённый характер. В таких предложениях нагрузка на сохранившиеся слова повышается, увеличивая именно эмотивную их функцию. Сравните следующие примеры:

Оставь меня в покое!

Оставь!

В первом случае эмотивная нагрузка ложится на все члены предложения, на все её составляющие, тем самым теряя свою высокую экспрессивность, по сравнению со вторым высказыванием, где вся эмоциональность выражена одним словом, повышая тем самым его выразительность. «*Оставь!*» как бы отрубает какие-либо другие возможные интерпретационные моменты. Коротко и ясно оно передаёт категоричность настроя собеседника в данной коммуникативной обстановке.

Неполные предложения эмотивного типа могут быть представленными несколькими психологическими факторами:

- неуверенность или колебания говорящего;
- стремление к наименьшей затрате сил, связанное с эмоциональным перенасыщением;
- сильное эмоциональное возбуждение.

Сильные эмоциональные переживания ведут к тому, что говорящий часто испытывает сложности с вербальной артикуляцией своих чувств. В таких случаях речь приобретает прерывистый характер. Однако, эллипсис не обязательно содержит в себе функцию выражения аффектного состояния, но также хорошо осознанного эмоционального:

А что потом будет? Военный суд, да? И что – каторжные работы? Или... или хуже?
(Акунин, С. 72) (**коннотация**)

Что?! Да вы... Вы... (**аффект**)

Чаще всего эллипсис представлен ремой, которая несёт в себе новую информацию, тема же раскрывается из контекста. Таким образом, неполные предложения должны рассматриваться в связи с контекстом.

Отец!

В данном примере исходной точкой или основой, т.е. темой, является не высказанная информация об услышанных шагах на лестнице (он *идёт*). Данный эллипсис содержит в себе только рему – новую, утверждаемую говорящим составляющую.

Я? Ночью на улице? Немыслимо!

В вышеуказанном примере рема – это эмоция гнева, возмущения, частичного презрения. Она не получила эксплицитного выражения, потому что говорящий не смог дать ей адекватного вербального выражения, подчеркнув тем самым неповторимый, личностный характер переживания. В данных неполных предложениях более или менее внятно сформулирована только тема – изначально известная субъектам общения информация.

Среди эллиптических предложений в русском языке встречается множество разнообразных восклицательных предложений. Особенность таких предложений заключается часто в менее сложном восполнении их «недостающих» структурных элементов.

- Наши! Наши! «Академик Сахаров»! «Ленинград»! (Кунин, С. 175)

Далее мы рассмотрим использование неполных предложений в эмоциональной речи мужчин и женщин.

В проанализированном нами материале было обнаружено 703 неполных предложения. Из них 441 принадлежало мужчинам, а 262 – женщинам. Мы распределили случаи их употребления по группам, представленным базисными эмоциями, упомянутыми нами в прошлых параграфах.

Таблица № 6.

Актуализация неполных предложений в эмоциональных ситуациях ГКЛ

	эмоции					
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	всего
женщины	79	34	101	29	19	262
мужчины	159	31	176	7	68	441
всего	238	65	277	36	87	703

Как мы видим из таблицы, самыми частотными при использовании неполных предложений являются ситуации при выражении гнева и радости. В мужской речи данные эмоции составляют 75,9% всех эллиптических конструкций. В женской речи частотность составляет 68,6%. Высокий показатель в мужской речи принадлежит также эмоции удивления (15,4%). Женщины же предпочитают эллиптические конструкции при выражении эмоции грусти (13%).

К самым распространённым видам неполных предложений в женской и мужской речи относятся *диалогические неполные предложения* (Словарь-справочник лингвистических терминов/Неполное предложение, С. 227-228), к которым относятся предложения-реплики, -вопросы, -ответы, -высказывания. Необходимо отметить, что такой тип неполных предложений всегда сопровождается рядом внеречевых средств, как например, жестами, мимикой и др. Такой вид предложений в мужской речи был выделен нами в 282 (64%) случаях, в женской – в 156 (59,6%).

- Вы очень изменились. – Разве?

- Ну как? – Брррр-р.

На втором месте по частотности употребления стоят *эллиптические конструкции*, в которых отсутствует глагол-сказуемое (м87/ж39). Обычно, в таких предложениях «нет необходимости ни в контексте, ни в ситуации, так как полнота содержания достаточно выражена собственными лексико-грамматическими средствами данного предложения». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Неполное предложение, С. 227).

Очень благоразумно!

Вечно критика!

Ситуативно-неполные предложения в мужской речи встречаются в 13,6% (60) случаев, в женской – в 14% (37).

Я не собираюсь с липецкими разговаривать!

Ты что, правда это синее собираешься?!

Контекстуально-неполное предложение реже всего употребляют мужчины (2,7% -12) в то время, как женщины почти в таком же количестве, как и последние два вида неполных предложений (11,5% - 30).

Я не был там, а он точно!

Эта мартышка всем глаза промозолила, а эта вообще меня бесит!

5.2.1.1. Вывод

По результатам наших исследований в связи с употреблением неполных предложений в эмоциональной речи мужчин и женщин, мы можем сделать следующие выводы:

1. Мужчины чаще женщин употребляют неполные конструкции (м62,7% / ж37,3%), что говорит о сильной эмоциональной возбудимости представителей мужского пола.
2. Самыми частотными эмоциями, в которых мужчины и женщины прибегают к использованию неполных предложений, являются эмоции гнева, раздражения (277) и радости (238). В обоих случаях этим эмоциям принадлежит почти одинаковое количество неполных конструкций, как в мужской речи (р.36,1% и г.39,9%), так и в женской (р.30,2% и г.38,5%).
3. Гендернорелевантными при употреблении неполных предложений можно назвать ситуации грусти и страха в женской речи (гр.13%, стр. 11,1%) и ситуации удивления в мужской (15,4%). Таким образом мы можем подтвердить распространённые стереотипы о высокой женской меланхоличности и об их большей пугливости. Социальная роль мужчины не позволяет выражать им открыто свой страх, т.е. показывать свои слабости.
4. В мужской и женской речи самыми распространёнными являются конструкции диалогических неполных предложений и эллипсиса, которые можно назвать более эмоциональными в своём выражении неполными предложениями. Однако женщины более плавно распределяют употребление всех других конструкций, как ситуативно-неполные (14%) и контекстуально-неполные (11,5%), чем мужчины, которые, например, очень редко пользуются последним их видом (2,7%). Из этого следует, что мужчины чаще используют неполные конструкции, которые сопровождаются более эмоциональными переживаниями, поддерживаемыми невербальными средствами (диалогические), а также конструкции, в которых психологическими аспектами служат

– нетерпение или нерешительность. Женщины употребляют неполные конструкции в стремлении сэкономить силы, затраченные на эмоции. Мужчины меньше контролируют свои эмоциональные всплески.

5.2.2. Экспрессивно окрашенные мужская и женская речи и инверсия

Одной из особенностей эмотивного текста является «не принятый», т.е. *субъективный* порядок слов в предложении, высказывании, противостоящий *объективному* порядку слов, характерному учебной и справочной литературе, научным работам и официальным документам. К синонимичным понятиям субъективной речи относят такое, как «инверсия», которая выступает структурным компонентом «экспрессивно окрашенной речи». (Крылова, Хавронина 1986).

Под экспрессивно окрашенной речью авторы книги «Порядок слов в русском языке» (Крылова, Хавронина 1986) понимают такую, которая «несёт какую-либо эмоционально-стилистическую окраску, т.е. передаёт различные эмоции говорящего (пишущего), например, чувства любования, ласки, грусти, радости, пренебрежения». (там же).

Как мы знаем, выразительность речи (в нашем случае её эмотивность) может усиливаться через самые разные языковые средства, как например, через порядок слов, интонацию.

Инверсия, о которой пойдёт речь в этом параграфе, может возникать в случаях (Крылова, Хавронина 1986, С. 137):

1. изменения объективной последовательности компонентов актуального членения;
2. изменения последовательности неактуализированного словосочетания (нет нарушения последовательности «тема – рема»);
3. изменение порядка членов предложения в нерасчленённых высказываниях с нулевой темой.

Возможна комбинация некоторых из трёх случаев.

Инверсия обладает множеством синтаксических функций, среди которых не последнее место занимает «эмоциональная» (В. Г. Адмони) или «эмфатическая» (В. Г. Гак). Эмоциональная или эмфатическая функция заключается в выявлении синтаксическими средствами, в нашем случае порядком слов, эмоционального содержания высказывания, коммуникации.

«Инверсия связана не только с изменением положения соотносительных членов предложения между ними, но и с местом слова в предложении. В наиболее

выигрышном положении оказывается тот член предложения, который выносится в его начало (если только это место не является для него обычным) или, наоборот, отодвигается в конец предложения, особенно если в абсолютном конце предложения сообщается нечто новое». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Неполное предложение, С. 145).

В русском языке центральными составляющими предложения или высказывания являются тема и рема, которые передаются специальными языковыми формами в соответствии с языковыми правилами. Классическим членением предложения на тему и рему считается, так называемое, коммуникативное или актуальное членение, которое В. Матезиус определяет как движение мысли «от известного, знакомого к неизвестному, новому», т.е. от темы к реме. (Словарь-справочник лингвистических терминов/Неполное предложение, С. 18).

Исходя из вышеуказанного определения, мы можем сделать вывод, что обратный ход мыслей от ремы к теме связан с более эмоциональным состоянием говорящего, так как новая и важная информация, представленная ремой, раскрывается в эмотивном высказывании как более прагматичная для субъекта.

Проведённый нами анализ материалов показал, что русские женщины употребляют субъективный порядок слов в высказываниях чаще, чем русские мужчины (58,4%/41,6%). Таким образом, мы не смогли подтвердить гипотезу о том, что женщины сильнее соблюдают нормы языка, чем мужчины.

Нужно отметить, что инверсированный порядок предложения в русском языке очень распространённое явление, что говорит о высокой эмоциональности русского человека, не зависимо от принадлежности к женскому или мужскому полу. Из 809 выбранных спонтанно предложений мы определили 437 как инверсированные (54%).

Мы распределили предложения с субъективным порядком слов по группам, обозначенным базисными эмоциями, и представили в нижестоящей таблице.

Таблица № 7.

Актуализация инверсированных предложений в эмоциональных ситуациях ГКЛ

	эмоции					
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	всего
женщины	51	51	97	20	36	255
мужчины	73	14	68	7	20	182
всего	124	65	165	27	56	437

5.2.2.1. Вывод

Проведённый нами анализ по частотности употребления предложений с субъективным порядком слов в речи русских мужчин и женщин, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Инверсия, как один из видов синтаксической связи, распространена в русской коммуникативной речи (54%). Однако, чаще она встречается в женской речи (58,4%), чем в мужской (41,6%), что опровергает распространённое мнение о склонности женщин к поддержанию языковых норм коммуникации.
2. Самыми распространёнными в женской речи можно назвать ситуации, в которых выражена эмоция гнева, раздражения и возмущения (38%). В мужской речи мы выделили две базисные эмоции, при выражении которых используется большое количество предложений с инверсированным порядком слов, - эмоция радости (40%) и эмоция гнева (37,4%).
3. Меньше всего инверсия используется при выражении эмоций страха (3,9%) и грусти (7,7%) в мужской речи, что снова подтверждает распространённое мнение о большей женской пугливости (7,8%) и склонности к меланхолии (20%).

5.2.3. Сегментированные конструкции эмотивной речи

В эмоционально речи нередко происходит членение речевого потока на отрезки или элементы, участвующие в дешифровке коммуникативного высказывания. Такие элементы называют сегментами эмоционального высказывания. «Сегмент может образовывать самостоятельную фразу, может входить в состав последующего предложения, но и в этом случае высказывание членится на две части, которые разделяются паузой, причём первая часть произносится с повышением тона, вторая начинается с понижения тона». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Сегмент, С. 429-430).

Появление расшифровывающих сегментов связано с увеличением эмоционально доминирующих смысловых сем высказывания, которые «разбавляют» его предметно-логическое содержание:

Корова! Где ты видишь здесь такую?

Да уж куда ему, этому моральному подонку!

В вышеприведённых примерах представлены два вида классического типа сегментированных конструкций.

Первый представляет собой репризу, т.е. конструкцию, в которой уже в начале высказывания называются «лицо или предмет, которые в последующей части предложения получают второе обозначение в форме местоимения», и раскрывают своё содержание. (Словарь-справочник лингвистических терминов/Сегмент, С. 429).

Во втором случае, имеет место антиципация, которая в предложении занимает противоположное репризе место. Антиципация является предвосхищением содержания антиципируемого объекта, который переносится, в связи с этим, в конец фразы.

Последний тип сегментированных конструкций чаще всего встречается в аффективной речи, когда эмоциональной доминантой высказывания является не лицо или предмет, а его соотношение с действительностью. Обозначенное в самом общем виде явление получает свою конкретизацию и своё объяснение в последующем уточнении.

Антиципация и реприза передают неодинаковые процессы протекания эмоциональных состояний. В репризе представлено рема-тематическое расчленение высказывания, протекающее по схеме – вспышка/спад. В антиципации наблюдается тематическое членение по схеме увеличения объёма содержания эмотивного признака.

В таблице мы представили частотное употребление сегментированных конструкций женщинами и мужчинами, распределив их количество по базисным эмоциям.

Таблица № 8.

Актуализация сегментированных конструкций предложения в эмоциональных ситуациях ГКЛ

	эмоции					
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	всего
	реп./ант.	реп./ант.	реп./ант.	реп./ант.	реп./ант.	реп./ант.
женщины	23/27	41/58	47/59	9/13	18/10	138/167
мужчины	43/30	26/28	64/65	1/6	8/19	142/148
всего	66/57	67/86	111/124	10/19	26/29	280/315

5.2.3.1. Вывод

Из приведённых параграфом выше данных, мы можем сделать следующие выводы об употреблении женщинами и мужчинами сегментированных конструкций в эмоциональной речи:

1. Женщины чаще, чем мужчины, прибегают к расшифровывающим конструкциям в своей речи (305/290), что подтверждает их высокую эмоциональную репрезентацию.
2. Женщины употребляют в большом количестве первый тип сегментированных конструкций – репризу (54,8%). В мужской речи оба типа распределены равномерно (49%/51%). В связи с этим, не подтверждается мнение о большей аффективности женской речи.
3. Для актуализации обоих типов конструкций самыми распространёнными являются эмоции гнева (64/65) и радости (43/30) для мужской половины и эмоции гнева (47/59) и грусти (41/58) – для женской. Данные показатели ещё раз подтверждают тезис о тенденции женского пола к меланхолии (см. предыдущие параграфы).
4. Интересные наблюдения были сделаны нами в связи с эмоцией удивления. В ситуации удивления, женщины предпочитают «неаффективную» репризу антиципации (64%), мужчины же пользуются больше конструкцией антиципации (70%). Таким образом, можно говорить о различном протекании этого эмоционального состояния у представителей разного пола.
5. Эмоция страха в женской и мужской речи занимает самое маленькое процентуальное число конструкций, однако почти на 5% чаще встречается в речи женщин, что опять же поддерживает выводы наших предыдущих анализов, в которых данная эмоция является отличительной чертой представительниц «слабого пола».

5.2.4. Разрыв потенциального синтаксического целого

В своей книге «Парадигма эмоционального синтаксиса» Т. Н. Синеокова обращает внимание на одно из последствий переживания эмоций коммуникантами – на выпадение строевых элементов фразы. (Синеокова 2003, С. 244).

Сильные эмоции часто предшествуют аффекту, который не редко представлен разрывом синтаксического целого, названного Ш. Балли дислокацией. (Балли 1961).

Учёный описывает такое нарушение грамматической структуры следующим образом: «В результате этого процесса (обособления элементов высказывания) синтаксическая структура фразы преобразуется до неузнаваемости: дислокация приводит к тому, что границы между фразами практически исчезают. Каждый из этих обособленных элементов высказывания несёт своё экспрессивное ударение и отделяется от соседнего короткой паузой; каждый стремится стать самостоятельным предложением, и каждое из них как будто ничем не связано с другим...». (Балли 1961, С. 356).

Дислокация – это неготовые, недостроенные фразы, разорванные предложения, прерывистый поток речи, не нашедшая вербального воплощения мысль:

Я так долго ждала ... как... как ты мог... зачем я мечтала... ты...

Иди! ... здорово... а я думала... какой уж там...

«Недостроенность» является отличительной чертой рематической части высказывания, так как именно рема представляет собой центр коммуникации. Новая информация, которую несёт в себе эта часть фразы, под напором интенсивной эмоции не может получить стройной формулировки. Эмоции переполняют говорящего, мешают сконцентрировать своё внимание на грамматической постановке предложения.

К числу «разрыхляющих» элементов высказывания относят вводные конструкции, слова или даже целые предложения, которые являются признаком сильного эмоционального состояния индивида:

Оставь!.. так... как ты... кто сможет так поступить... нет...

Дислокация высказывания возникает в связи с разделением этого высказывания на отдельные порции. Такое разделение очень часто вызывает необходимость в уточнении коммуникантом сказанного, которое нередко выступает в конце фразы в виде добавления. (Земская 1993, С. 123).

Если между основной частью предложения и его уточнением в виде отдельного предложения сохраняются те же интенционно-смысловые отношения, что и между отдельными синтаксическими частями самого предложения, то такое явление получает определение «парцелляции». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Парцелляция, С. 310).

Синтаксически самостоятельные фразовые отрезки высказывания, в виде дополнений или вводных конструкций, внутри предложения называют «обособлением». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Обособление, С. 243).

Парцеллят отличается от обособления своим местом расположения, а также своей графической репрезентацией. Он отделяется от основного предложения точкой, а обособление – запятыми внутри фразы.

Таких идиотов я не терплю. И вот почему.

Меня, мужа своей жены, втоптал в грязь какой-то неотёсанный бедняга-холостяк.

И парцелляция, и обособление выступают как способы эмотивного синтаксиса, которые вносят в предложение экспрессивную окраску.

Парцелляция представляет собой рему высказывания, и именно поэтому часто выступает в виде определения, именной части сказуемого, сравнения, приложения и т.д. Обособление характеризуется своим дополнительно-предикативным характером и характером дополнительного сообщения.

Рассмотрим ниже актуализацию парцелляции и обособления в эмотивной речи на гендерном уровне.

Таблица № 9.

Актуализация парцеллятивных и обособленных конструкций в эмотивной речи ГКЛ

	эмоции					
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	всего
	пар./обос.	пар./обос.	пар./обос.	пар./обос.	пар./обос.	пар./обос.
женщины	15/11	9/34	27/49	3/2	9/5	63/101
мужчины	31/16	17/14	43/31	3/0	19/6	113/67
всего	46/27	26/48	70/80	6/2	28/11	176/168

5.2.4.1. Вывод

Основываясь на результатах таблицы, мы сделали следующие выводы в отношении употребления парцеллятивных и обособленных конструкций в мужской и женской речи:

1. Конструкции, способствующие разрыву синтаксического целого употребляются мужчинами и женщинами чаще в ситуациях, связанных с эмоцией гнева и раздражения (ж46,3% / 41%). При этом женщины чаще прибегают к конструкции обособления (30%), а мужчины – к конструкции парцелляции (24%). Из этого следует, что мужчины, переживая эмоцию гнева, стараются с помощью парцеллята больше усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений, при этом уже оформив свою мысль в

первом предложении до конца. Таким образом, парцеллят является продолжением уже высказанной эмотивной мысли. А женщины ощущают необходимость детализировать ещё не оформленную до конца фразу - уточнять, конкретизировать её.

2. В женской речи не менее часто встречается употребление приёмов обособления в ситуации грусти (20,7%). В мужской речи преобладает парцеллят радости (17,2%). Как доказывают эти данные, можно подтвердить распространённый стереотип о выраженной вербальной актуализации женской меланхолии. Однако, опровергнуть мнение о большей мужской сдержанности в ситуации радости.

3. Эмоция удивления нашла большее своё выражение в мужской речи в виде парцеллятивных предложений (10,6% из 13,9%). В женской речи эта эмоция была представлена лишь в 8,5% всех разорванных конструкций.

4. Меньше всего раздробленные конструкции встретились при выражении эмоции страха, как в мужской речи (1,7%), так и в женской (3,1%).

5.2.5. Стилистический повтор и синонимические накопления

В словаре лингвистических терминов мы находим следующее определение стилистического повтора: «Повторение одних и тех же слов как особый стилистический приём, например для подчёркивания каких-либо деталей в описании, создания экспрессивной окраски... Сюда же относится приём накопления синонимов (языковых или контекстуальных)». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Повтор, С. 328-329).

Ш. Балли указывает на связь стилистического повтора с эмоциональными импульсами, которые «проявляются в том, что мысль повторяется соответствующее число раз: сколько импульсов, столько и повторений». (Балли 1961, С. 124). Таким образом, желание, как можно точнее, выразить переживаемые эмоции, чувства, ведёт к восполнению качества количеством или к перебиранию синонимичных номинаций.

Да, конечно, зачем тебе стараться понять(1) меня, стараться понять(1) мои мысли(2), думы(2), раздумья(2)!

Как мы видим из примера выше, повтор и синонимичное накопление могут выступать одновременно, тем самым увеличивая свои главные функции усиления экспрессивности высказывания и функцию уточнения.

Можно выделить следующие причины порождения стилистического повтора и синонимичного накопления:

- желание найти более подходящее определение (уточнение);
- обдумывание мысли, которая ещё не получила языкового оформления, «на ходу»;
- усиление какой-либо важной части высказывания;
- неспособность точно и ясно оформить свою речь, по причине переживания слишком сильных эмоций говорящим;
- желание выиграть время для обдумывания мысли.

Вышеуказанные причины можно разделить на преднамеренные и непреднамеренные повторы. Непреднамеренные повторы связаны с аффектностью выражения, однако и преднамеренные повторы могут быть определены как эмотивные:

Оставь! Оставь меня, ради Бога! (непреднамеренный повтор в ситуации гнева, отчаянья)

Ты посмотри, какой прекрасный, замечательный человек! (преднамеренный повтор с функцией усиления оценочного элемента высказывания)

Очень часто повторы служат способом выражения целого пучка эмоций:

Детка, а где эта детка гуляла всю ночь?! (гнев, досада, разочарование, интерес, раздражение и даже толика страха)

Вот это меня впечатлило, заинтриговало, разбудило интерес! (радость, удивление, интерес)

Как показал наш анализ повторных номинаций в гендерном аспекте, чаще всего этот приём используется в женской речи (59%). В таблице мы представили частотное употребление повтора в речи представителей мужского и женского пола.

Таблица № 10.

Актуализация синтаксического повтора и синонимичного накопления в эмотивной речи ГКЛ

эмоции

радость

грусть

гнев

страх

удивление

всего

	пов./нак.	пов./нак.	пов./нак.	пов./нак.	пов./нак.	пов./нак.
женщины	18/29	13/24	31/27	6/1	8/4	76/85
мужчины	13/4	6/17	38/24	2/1	6/2	65/48
всего	31/33	19/41	69/51	8/2	14/6	141/133

5.2.5.1. Вывод

Опираясь на указанные в таблице данные, сделаем следующие выводы:

1. Женщины чаще мужчин прибегают к повторным номинация (59%). Среди причин, вызвавших повторные номинации, мы выделили две главные: причина уточнения (29%) и причина усиления (43%). В мужской речи выступает причина неоформленной мысли (45%) и причина усиления (42%). В этом случае, мы можем говорить о повышенной женской способности владения языком в ситуации сильного эмоционального переживания, в сравнении с мужской.
2. Гендернорелевантной эмоцией является эмоция гнева в мужской речи (55%). В женской речи к эмоции гнева (36%), можно добавить ситуации радости (29%) и грусти (23%), которые чаще всего выражаются номинациями синонимичного накопления.
3. Эмоции страха и удивления, выраженные приёмом повтора, встречаются очень редко, как в мужской речи (7%), так и в женской (7,5%).

5.2.6. Восклицательные предложения

Восклицательное предложение – это «предложение, в котором выражение содержания мысли сопровождается выражением чувства говорящего. Конструктивными элементами восклицательных предложений являются междометия, эмоциональные частицы, восклицательная интонация. Восклицательным может стать любое из предложений по цели высказывания (повествовательное, побудительное, вопросительное)». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Восклицательное предложение, С. 69).

К вышестоящему определению необходимо добавить, что упомянутое «выражение содержания» сопровождается особенным «выражением чувства говорящего». Эмоции могут сопровождать любой вид предложения, не делая его восклицательным, и восклицательный вариант высказывания отличается от других более экспрессивным зарядом эмоциональности, выражая при этом более широкий диапазон эмоций. Под более экспрессивным зарядом эмоциональности мы понимаем не обязательно интенсивность выраженной эмоции, а интенсивность внешнего оформления фразы.

Так, сильная эмоция ненависти может быть выражена не только восклицанием, но и повествованием, сопровождаемым особым видом, например, невербальных сигналов.

Я ненавижу тебя, ненавижу! (ненависть, выраженная повышением тона)

Один твой вид вызывает во мне жгучее чувство ненависти... (ненависть, выраженная конкретным выбором лексики и сопровождающееся специальной интонацией и фонетическими маркерами, как например, шипением при произнесении слов)

В нашей работе мы отталкивались от предположения, что восклицательные предложения чаще используются в женской речи, однако, как показал анализ, употребление восклицаний женщинами и мужчинами почти совпадает по своей частотности (ж222/м216).

Что касается распределения восклицательных предложений по конкретным эмоциональным ситуациям, нами была получена следующая картина:

Таблица № 11.

Актуализация восклицательных предложений в речи ГКЛ

	эмоции					всего
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	
женщины	65	6	128	12	11	222
мужчины	57	3	136	9	11	216
всего	122	9	264	21	22	438

5.2.6.1. Вывод

Анализ употребления восклицательных предложений мужской и женской половинами, помог нам прийти к нижевыделенным выводам:

1. Мужчины и женщины почти в одинаковой мере используют восклицательные предложения в речи (ж222/м216).
2. Чаще всего восклицания употребляются в женской и мужской речи в ситуациях гнева (264) и радости (122). Число восклицательных предложений в мужской речи превышает количество в женской на пять процентов (136/128). Обратная ситуация наблюдается при выражении эмоции радости, где женские восклицания преобладают почти на три процента (65/57). Из этого следует, что женщины предпочитают повышать

тон при выражении позитивной эмоции, а мужчины тендируют к агрессивности в выражении отрицательной.

3. Отрицательная эмоция гнева часто находит своё воплощение в крике, сопровождаемом интенсивными невербальными сигналами, как например, маханием руками, частым морганием и др.

4. Количественные различия на гендерном уровне, в употреблении восклицаний, наблюдаются в ситуациях страха и грусти. Нами была засвидетельствована разница в два с половиной процента в женскую пользу (ж8% / м5,6%). Таким образом, мы, в очередной раз, подтверждаем более высокую вербальную репрезентацию женской половины в эмоциональных ситуациях указанных выше.

5.3. Невербальные средства выражения эмоций ГКЛ

Как мы уже говорили в параграфе 4.3. правильная дешифровка невербальных коммуникативных сигналов является важной составляющей любого общения. В невербальных компонентах так же, как и в вербальных, заложена эмотивная информация коммуникации. В нашей работе мы постарались выделить различия в мужском и женском невербальном поведении. Для анализа мы взяли 42 устных диалога, в которых участвовали, как женщины, так и мужчины, а также 4 монолога (2 мужских и 2 женских). При наблюдении за невербальным поведением коммуникантов мы опирались, в первую очередь, на уже выделенные учёными Ю. Е. Прохоровым и И. А. Стерниным в книге «Русские. Коммуникативное поведение» (2007) составляющие невербального коммуникативного поведения, которые, по мнению авторов, являются главными в русском общении.

Как утверждают Прохоров и Стернин, «в русском общении функции взгляда разнообразней, чем в Европе, он несёт большую коммуникативную нагрузку». (Прохоров, Стернин 2007, С. 143).

Нужно заметить, что взгляд, после которого можно вступить в разговор, обычно длится не долго, всего несколько секунд. Когда русские беседуют, разговаривают, они часто находятся лицом к лицу к собеседнику (31 из 42 диалогов).

Мы обратили внимание на следующие особенности женского и мужского взглядов в общении:

- мужчины и женщины, при употреблении обсценной лексики, отводили взгляд в сторону или смотрели на собеседника рассеяно; при этом женщины быстрее, чем мужчины;
- женщины больше блуждали взглядом по лицу, по рукам собеседника тогда, как мужчины более пристально смотрели в лицо, в глаза и только изредка отвлекались на другие части тела, когда собеседник делал какие-то явные движения;
- женщины особенно интенсивно рассматривали вещи собеседников (сумки, книги и др.);
- при выражении эмоции гнева, раздражения, а также при несогласии с собеседником, женщины щурили глаза, при этом вытягивали сжатые губы немного вперёд;
- сильно возмущаясь, и мужчины, и женщины широко раскрывали глаза, поднимая брови вверх;
- не веря собеседнику, женщины часто сжимали губы, поворачивали голову в бок и исподлобья бросали взгляды на лицо собеседника; мужчины в этой ситуации смотрели пристально прямо в лицо говорящего, часто переводя взгляд с глаз на губы, при этом слегка прищуривали глаза;
- в радостной ситуации представители обоих полов открыто смотрели в лицо собеседника, именно в глаза, искали контакта с взглядом собеседника;
- больше всего коммуниканты отводили взгляд в ситуации грусти, только изредка коротко, но со значением вглядываясь в лицо собеседника; очень часто переводя взгляд на руки;
- женщины сильнее, чем мужчины, выражали взглядом удивление, широко раскрывая глаза и поднимая брови вверх; мужчины при этом смотрели более рассеянно, сопровождая свой взгляд лёгкой улыбкой;
- эмоция страха у женщин, опять же, сопровождалась более интенсивным вопросительным взглядом в направлении собеседника; мужчина в этой же ситуации резко отводил взгляд в сторону.

Переходя к следующему виду кинем – мимике, авторы книги «Русские. Коммуникативное поведение» (Прохоров, Стернин 2007) подчёркивают открытость русского человека, мимика которого отражает «актуальное настроение». (Прохоров, Стернин 2007, С. 144).

Особую роль, очень часто противоположную чем на Западе, играет русская улыбка. Одной из национально-специфических черт русского человека является его «бытовая неулыбчивость». (там же, С. 145). Для правильного понимания этой черты русского человека, необходимо ознакомиться со специфическими национальными особенностями русской улыбки (Прохоров, Стернин 2007, С. 145-151):

1. Русская улыбка обычно выполняется только губами, в ином случае она часто называется «оскалом» или «лошадиной» улыбкой и считается неприятной и вульгарной;
2. Улыбка для русского человека не является сигналом вежливости;
3. У русских не принято улыбаться незнакомым людям;
4. У русских не принято отвечать автоматически на улыбку улыбкой;
5. При случайном взгляде не принято улыбаться;
6. Улыбка – это сигнал личного расположения к кому-либо;
7. У русских не принято улыбаться при исполнении служебных обязанностей;
8. Главной чертой русской улыбки является её функция искренности;
9. Улыбка должна иметь вескую причину, известную окружающим;
10. Улыбка должна быть понятной окружающим;
11. У русских не принято улыбаться для поддержания кого-либо, для поднятия настроения;
12. Улыбка часто рассматривается как «самостоятельный коммуникативный акт», который требует определённого времени для реализации;
13. Улыбка должна соответствовать ситуации, т.е. быть уместной;
14. В компании и в официальной обстановке улыбка выражает хорошее настроение и дружелюбие людей;
15. У русских наблюдается нечёткое различие между смехом и улыбкой, очень часто отождествляемые друг с другом.

Из вышеприведённого можно сделать вывод об обязательной функции русской улыбки – о её искренности. «Для русской коммуникативной культуры характерна искренность и открытость, соборность, коллективность бытия русского человека предполагает, что все должны всё друг о друге знать, не должно быть особых секретов от окружающих. Отсюда – стремление и привычка не скрывать своих чувств, своего настроения». (Прохоров, Стернин 2007, С. 154).

Наши наблюдения выделили следующие различия в использовании улыбки мужчинами и женщинами в разных эмоциональных ситуациях:

- женщины чаще, чем мужчины пользовались улыбкой; самая частая эмоция, в которой задействован этот мимический компонент – эмоция радости (7 из 11);
- мужская улыбка более открытая, широкая, а женская более стеснительная;
- в двух случаях улыбка присутствовала при реализации эмоции грусти женщинами, похожая своим проявлением на извинение по отношению к собеседнику по поводу своих жалоб;
- два раза мы наблюдали улыбку в ситуации гнева; в обоих случаях она принадлежала женщине (нужно отметить, что в этой ситуации улыбка больше была похожа на смех);
- из семи улыбок в ситуации радости четыре принадлежали женщинам, три – мужчинам.

К самым ярким мимическим компонентам русского общения, кроме улыбки, мы можем отнести следующие:

1. бледнеть или краснеть;
2. морщить лоб;
3. сжимать губы;
4. раскрывать широко или прищуривать глаза;
5. двигать носом;
6. вытягивать губы вперёд;
7. поднимать брови вверх.

Мы разделили все случаи мимической репрезентативности (включая улыбку) по базисным эмоциональным ситуациям и получили такую картину:

Таблица № 12.

Реализация мимических компонентов в речи русской ГЖЛ

	эмоции					всего
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	
женщины	29	11	31	7	16	94
мужчины	18	7	36	4	16	81
всего	47	18	67	11	32	175

Как мы видим из таблицы, мимикой в общении чаще пользуются женщины. Больше всего мимических компонентов задействовано в ситуациях гнева и радости. Однако мужчины мимикой чаще выражают отрицательные эмоции (ж33% / м44,4%), а

женщины положительные (ж31% / м22%). Различные выражения на лице сопровождают женские ситуации грусти (11,7%) и удивления (17%). Мужская половина использует мимические способы выражения в ситуации грусти всего в 8,6%, однако в ситуации удивления они занимают почти 20%.

Ниже мы рассмотрим жестовые компоненты коммуникации. Жесты могут выполнять разные функции, в зависимости от которых происходит их классификация на группы. Предметом нашего исследования послужили эмоциональные, эмотивные и экспрессивные жесты, которые свидетельствуют об эмоциональном состоянии коммуникантов.

Как замечают Прохоров и Стернин, «в целом русские жесты имеют несколько большую амплитуду, чем западноевропейские», а также «занимают в пространстве больше места». (Прохоров, Стернин 2007, С. 161). Мы можем подтвердить этот факт нашими наблюдениями.

А. А. Акишина отмечает малое количество синхронных жестов двумя руками. (Акишина 199, С. 143). Русские часто жестикулируют одной рукой или вторая рука жестикулирует меньше. Замечена тенденция асимметричной жестикуляции.

Мы можем подтвердить следующие наблюдения: «Для русской коммуникативной культуры характерно обилие эмоциональных жестов. Особенно много невербальных средств обозначают ласку, доброжелательность; приветствие; отказ, несогласие; недовольство, настороженность, гнев. В русском общении используется всего пять невербальных сигналов недружелюбия и более 20 невербальных сигналов дружелюбия». (Прохоров, Стернин 2007, С. 161-162).

Русские жесты шире по размаху и эмоциональней, чем западные. Как замечает Е. А. Петрова, они часто опережают слова. (Петрова 1998, С. 42).

Русский человек часто не сдерживает свои эмоции в процессе коммуникации, что свидетельствует о высокой «невербальной искренности» русского человека. (Прохоров, Стернин 2007, С. 163). Положительные и отрицательные невербальные сигналы в равной мере встречаются в русском коммуникативном общении. Существует множество чисто русских невербальных сигналов, как например, изображение щепоткой *чуть-чуть*, почёсывание уха рукой – *сложная проблема* и др. Однако, в русской невербальной коммуникации, в последнее время, появилось много заимствованных жестов, как знак V – *победа* или бить ладонью о ладонь визави – *мы молодцы, мы победили* и т.д.

Петрова приводит множество статистических данных об употреблении жестов в русском коммуникативном общении. Интересен факт о частом употреблении русскими иронических жестов, т.е. опровергающих то, что говорится словами (6-8%). (Петрова 1998, С. 45).

Мы распределили нами отмеченные жесты по конкретным эмоциям, которые представили в таблице ниже.

Таблица № 13.

Реализация жестовых компонентов в речи русской ГКЛ

	эмоции					всего
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	
женщины	26	18	39	11	22	116
мужчины	21	20	43	6	24	114
всего	47	38	82	17	46	230

Анализ употребления жестов в русском коммуникативном общении составляет почти одинаковое количество и у женщин, и у мужчин (116/114). Чаще всего жесты используются в ситуациях гнева, при этом количество их превышает в мужской речи (38%/35%). Для женского общения, в котором участвует жестика, характерны также ситуации радости (22,4%) и удивления (19%), а для мужского – удивления (21%), радости (18,4%) и грусти (17,5%).

Среди гендернореlevantных жестов можно назвать:

- мужское хватание одной или двумя руками за голову или лоб в разных эмоциональных ситуациях, например, отчаянья, грусти, удивления и др.;
- женская особенность – брать левой рукой правую за пальцы в разных эмоциональных ситуациях;
- мужское выражение рукой «да, ладно», когда собеседник делает что-то наподобие «кивка» кистью руки в сторону от себя (отмахивается);
- мужское почёсывание затылка в ситуации неясности;
- женское дотрагивание до губ, носа и подбородка пальцами в ситуации раздумья;
- женское раскрытие ладоней в сторону собеседника в ситуациях отчаяния, ожидания, а также гнева;
- жест мольбы (складывание рук ладонями вместе) в женской ситуации страха или удивления, а также в ситуации ожидания; нужно заметить, что женщины очень часто сопровождают свою речь в разных ситуациях невербальными выражениями,

которые мы символично называли «*проявлениями Мадонны*» (закатывание глаз вверх, опускание глаз вниз, наклон головы вбок и вверх и др.);

- мужское похлопывание по своему или чужому колену в разных эмоциональных ситуациях.

Список, приведённый выше, можно продолжить. Нами было отмечено, что в русском невербальном общении многие жесты воспринимаются собеседниками именно как женские и мужские. Доказательством служат примеры из юмористических передач, где сатирики специально используют конкретные жесты для передачи эмоций представителей женского или мужского пола.

Особое положение в русском невербальном поведении занимает манипуляция с предметами. Во всех случаях общения она воспринималась как признак незаинтересованности или даже неуважения к собеседнику. Очень часто вербально или невербально (взглядом) выражалось недовольство по поводу такой отвлечённости во время беседы.

Выражение сильной эмоции всегда сопровождалось какими-либо движениями во время общения, как например, ходьбой из угла в угол, резким вставанием, переваливанием одной ноги на другую и обратно, движением корпуса тела то взад, то вперёд, хватание разных предметов без какой-либо цели. Чаще всего такие реакции наблюдались в мужском невербальном поведении.

Последний компонент русского невербального общения, который мы хотим представить – просодика или «ритмико-интонационные стороны речи». (Словарь-справочник лингвистических терминов/Просодия, С. 393).

Среди функций просодических компонентов выделяют такую, как эмотивная, являющаяся главной составляющей для нашей работы.

Среди известных просодических компонентов мы можем выделить следующие, разделённые на женские и мужские:

Таблица № 14.

Распространённые просодические компоненты в речи русской ГКЛ

женские	мужские
вздохи и выдохи	вздохи и выдохи
плач/ рыдания/ вопли	сопение
крик/ ор	рычание

смех/ хохот	крик/ ор
визг	смех/ хохот/ гоготание
шёпот	шёпот
сюсюканье	мычание
откашливание	кряхтение
	отхаркивание/ откашливание
понижение/ повышение голоса	понижение/ повышение голоса

Как мы видим из вышестоящих примеров, некоторые компоненты отличаются своей принадлежностью к группам «женские – мужские». Среди женских мы наблюдаем распространение таких компонентов, которые указывают на слабость и отчасти наивность персоны (рыдания, визг, сюсюканье). В мужском общении преобладают компоненты, сравниваемые с животными звуками, которые принадлежат льву или быку (рычание, сопение, мычание). Очень громкий, экспрессивно выраженный смех относится к группе мужских признаков (гоготание). От женщин ожидают более «воспитанное» поведение, которое отличается большей сдержанностью или менее громким проявлением эмоций.

К элементам просодической организации относится также коммуникативно значимое молчание или просто пауза. К такому виду молчания можно отнести, например, *неловкое молчание*, т.е. молчание возникшее при затрагивании говорящими какой-то неприятной или этически неприемлемой темы.

Как указывают Прохоров и Стернин (2007), «в современной русской коммуникативной практике молчание полифункционально», и, что «молчание говорящего и слушающего выполняет разные функции». (Прохоров, Стернин 2007, С. 167).

Среди функций молчания говорящего авторы выделяют следующие функции (там же):

1. Медитативная, для того, чтобы собраться с мыслями, найти необходимые аргументы;
2. Риторическая, для того, чтобы придать вес своим словам;
3. Терминационная, как сигнал завершения темы;
4. Выжидательная, как ожидание реакции собеседника;
5. Эмотивная, как выражение интенсивным эмоций;
6. Аттрактивная для привлечения внимания;
7. Эмоциональной замены вербального общения, как маркер близости людей, когда слова оказываются лишними.

Для нашего исследования релевантными являются эмотивная функция и функция эмоциональной замены, хотя нельзя отрицать, что в любой из вышеперечисленных функций эмоции могут играть ту или иную роль, тем самым вкладывая в молчание эмотивный смысл.

Молчание адресата может выполнять функции:

1. Дисконтактную, как попытка уклонения от разговора;
2. Эмотивно-оценочная, как негативная оценка к сказанному;
3. Медитативная;
4. Терминационная;
5. Выражения недоверия, сопровождаемая негативными эмоциями.

Из функций молчания адресата мы можем выделить тоже две для нас релевантные – эмотивно-оценочную и выражения недоверия.

Молчание или паузы, как показал наш анализ, чаще всего указывают на разногласие между собеседниками. В диалогах, взятых нами как анализируемый материал мы не смогли найти ни одного примера, где молчание выражало бы согласие с говорящим.

Все просодические компоненты коммуникации были разделены нами по релевантным для нашего исследования эмоциям в таблице № 14.

К анализируемым просодическим компонентам, не указанным в таблице № 14, мы относим также выраженную длительность тона, интонационные перепады, «непринятые» ударения, подчёркнутое выделение отдельных звуков.

Таблица № 15.

Реализация просодических компонентов в речи русской ГЖЛ

	эмоции					всего
	радость	грусть	гнев	страх	удивление	
женщины	14	23	31	16	12	96
мужчины	21	14	36	9	10	90
всего	35	37	67	25	22	186

Анализ просодических элементов показал, что их употребление не на много чаще встречается в женской речи (96/90), однако, не считая эмоции гнева (ж32,3% / м40%), иначе разделяется между отдельными группами эмоций. Если в мужской речи просодические компоненты чаще встречаются при выражении чувства радости (23,3%),

т.е. при выражении положительной эмоции, то в женской речи мы видим тенденцию к отрицательным эмоциям, как грусть (24%) и страх (16,7%).

Мы собрали все невербальные компоненты мужской и женской речи в одну таблицу и получили такую картину:

Таблица № 16.

Реализация невербальных компонентов в эмоциональной речи русской ГКЛ

эмоции	жесты		мимика		просодика		всего	
	женск.	муж.	женск.	муж.	женск.	муж.	женск.	муж.
радость	26	21	29	18	14	21	69	60
грусть	18	20	11	7	23	14	52	41
гнев	39	43	31	36	31	36	101	115
страх	11	6	7	4	16	9	34	19
удивление	22	24	16	16	12	10	50	50
всего	116	114	94	81	96	90	306	285

Русские женщины не на много чаще сопровождают свою речь невербальными компонентами коммуникации, чем мужчины (52%/48%). Гендернорелевантными можно назвать эмоцию страха и эмоцию грусти, большее выражение которые нашли в женской речи (гр.56% / стр.64%). Только при выражении эмоции грусти жестами мужчины почти на три процента использовали их чаще, чем женщины (ж18/м20).

5.3.1. Вывод

На основе анализа невербального поведения мужчин и женщин в эмоциональной речи, мы можем сделать следующие выводы:

1. Мужчины и женщины сопровождают свою речь разными невербальными коммуникативными компонентами.
2. Невербальные проявления мужской половины указывают на доминантное их положение в обществе. На это указывает их более раскованное поведение в общении.
3. Невербальные компоненты женской речи менее провокационные, спокойные, что указывает на особое положение женщин в обществе. Женщины своим поведением обращали внимание на своё положение наблюдателя, тем самым объясняя свою способность к более успешному дешифрированию информации.
4. Более выраженное невербальное проявление получила отрицательная эмоция гнева, как в мужской (115), так и в женской речи (101). Однако, это единственная эмоция, в которой мужское использование невербальных элементов общения превышает женское (53%/47%).
5. Гендернорелевантными для нашего исследования невербального поведения являются эмоции грусти и страха. Более интенсивное их проявления в женской речи (59% из общего количества мужских и женских) подтверждает закрепившийся в обществе стереотип о непринятом проявлении «слабостей» мужским окружением, тем самым ещё раз указывая на принятый стереотип о «слабости» женского характера.
6. Не считая эмоции гнева, мужское невербальное выражение только один раз оказалось количественно выше, чем женское, - в эмоциональной ситуации грусти, сопровождаемой жестами (20/18).
7. Нами отмечены большие различия в невербальном поведении мужчин и женщин качественного характера. В ситуациях гнева и радости мужские невербальные проявления интенсивнее женских, а в ситуациях страха, грусти и удивления более ярко выражены женские невербальные коммуникативные компоненты.
8. Особое положение среди невербальной репрезентативности в общении занимает мужская «отвлечённость» и женское «отчаянье», которые поддерживают различия в статусном положении мужчин и женщин в обществе.
9. Мимическое проявление эмоций больше свойственно женскому поведению, что указывает на то, что женщинам трудно сдерживать мимические проявления своих эмоций. Только в ситуации гнева мужская мимическая репрезентативность оказалась выше женской (36/31). Среди невербальных проявлений, релевантных для мужского поведения, мы можем выделить жестикуляционные маркеры, особенно выраженные в ситуациях гнева (43), удивления (24) и грусти (20).

10. Исследования невербального мужского и женского коммуникативного поведения не могут однозначно подтвердить преобладание женской эмоциональности над мужской.

5.4. Выводы по Главе 5

Опираясь на данные, полученные нами с помощью метода контент-анализа, и на важные для нашей работы мужские и женские эмотодоминанты, а также способы их выражения в общении, отражённые в устной речи и в письменных текстах разных массмедиаальных представителей, подведём некоторые итоги:

- В результате исследования нами было отмечено 6778 эмотивных маркеров лексического и синтаксического уровней русского языка. Из них 3463 принадлежали мужчинам, а 3315 – женщинам, из чего можно сделать вывод о примерно одинаковой эмотивности вербального поведения русских мужчин и русских женщин (51,5%/48,5%), а также опровергнуть тезис о более низком уровне эмоционального самоконтроля у женщин (Шаховский 2008, С. 286).
- Распределив указанные выше эмотивные единицы по эмоциональным категориальным ситуациям их использования, нами были выявлены следующие особенности в вербальном поведении мужчин и женщин:
  1. Самой распространённой эмоцией вербального коммуникативного выражения представителей обоих полов является эмоция гнева (45,6%). 52,6% всех эмотивов, относящихся к этой эмоции, принадлежит мужчинам. Рассматривая в отдельности разные эмотивные маркеры, мы обнаружили их женское преобладание в четырёх из двенадцати проанализированных категориях: среди эмоциональных интенсификаторов (307/298), в предложения с инверсированным порядком слов (97/68), среди обособленных конструкций (49/31) и синонимичных накоплений (27/24).
  2. Второй доминантной и гендернорелевантной эмоцией можно назвать эмоцию радости (23,3%). Так же, как и в ситуации гнева, с помощью эмотивов радость чаще выражают мужчины (887/694). Среди женских эмотивных маркеров, преобладающих в этой эмоции, мы выделили четыре их вида: эмоциональные междометия (111/96), повторные номинации (18/13), синонимичные накопления (29/4) и восклицания (65/57).
  3. К мужской эмоции можно отнести эмоцию удивления (59%). Её актуализация в женской речи преобладает в четырёх видах эмотивов: инверсия (36/20), реприза (18/8), повтор (8/6), накопление (4/2).

4. Доминантными и гендерноприоритетными в женской вербальной коммуникации являются ситуации грусти (582/344) и страха (249/141). Выражение в мужской речи эти эмоции находят с помощью ненормативной лексики (стр.99/гр.50) и в парцеллятах (17). В этих категориях они превышают числительный показатель женских проявлений.

- Нам не удалось выявить гендерно закреплённые в русском языке способы выражения эмоций, что указывает на свободный характер употребления всех видов лексики и синтаксических конструкций представителями, как мужского, так и женского пола. Однако, нами были установлены гендерные предпочтения и качественные различия в употреблении конкретных эмотивных элементов. Так, например, мужчины предпочитают междометия «зачина», более экспрессивные формы инвективной лексики, интенсификаторы-прилагательные и др.
- Количественный показатель невербальных компонентов мужской и женской речи склоняется, в отличие от вербального, в сторону представителей женского пола (306/285). Распределение невербальных эмотивных единиц по эмоциональным категориальным ситуациям их употребления показало следующее:
  1. Доминантной и гендернореlevantной для нашего исследования, так же, как и в вербальном проявлении эмоций, является невербальная представленность эмоции гнева (36,6%) в мужской и женской речи. Именно в ситуации гнева мужской показатель невербальных маркеров превышает женскую их актуализацию (115/101).
  2. Отмечены большие различия качественного характера в невербальном поведении мужчин и женщин. Мужские эмоциональные маркеры отличаются своей интенсивностью в ситуациях гнева и радости, а женские эмоции находят своё яркое отражение в ситуациях страха, грусти и удивления. К качественным различиям можно отнести мужскую «отвлечённость» и женскую «отчаянность». Все виды невербальной актуализации показывают сильные различия между женским и мужским коммуникативным поведением.
  3. Мимическое проявление эмоций больше свойственно женскому поведению, что указывает на то, что женщины хуже скрывают мимические проявления своих эмоций. Только в ситуации гнева мужская мимическая репрезентативность оказалась выше женской (36/31). Среди невербальных проявлений, релевантных для мужского поведения, мы можем выделить жестикуляционные маркеры, особенно выраженные в ситуациях гнева (43), удивления (24) и грусти (20).

Глава 6. Заключение.

Эмоциональное поле индивида и способы его выражения предопределяются гендерными особенностями коммуникантов. Таким образом мы можем говорить о манифестации гендерных различий эмоциональных личностей в языке. Исследования вышеуказанных манифестаций могут быть проведены во всех лингвистических дисциплинах. Для нашей работы стал релевантным анализ гендерных различий эмоциональной личности в аспекте лингвистической теории В. И. Шаховского (2008), который утверждает, что «на всех этапах коммуникативного процесса гендерные различия усугубляют эмоциональный фактор» и даже «приводят к дуэльности (нетолерантности) общения». (Шаховский 2008, С. 285).

Одной из главных задач нашего исследования стало определение самой категории «гендер», а также обсуждение её влияния на вербальное и невербальное поведение индивида.

«Гендер», представленный в нашей работе как социально обусловленная категория, тесно взаимосвязан и находит своё проявление также в других категориях (психологических, социальных, языковых, когнитивных и др.), отражаемых в языке. Фиксация гендерных отношений в языке и невербальном коммуникативном поведении происходит в виде гендерных стереотипов, т.е. ожидаемых социумом образцов поведения мужчин и женщин, и ведёт к закреплению за женщинами и мужчинами, так называемых, гендерных ролей, поддерживаемых конкретной лингвокультурой.

Многоуровневость гендерных ролей, подкреплённая социальными, культурными, биологическими и психологическими факторами, интенсивно влияет на когнитивное поле, восприятие и применение языка представителями разных полов. В связи с различием в ролевом поведении, происходит различное восприятие окружающего мира мужчинами и женщинами, которое, в дополнение к этому, увеличивает стереотипную резистенцию по отношению к появляющимся в нём несогласованиям.

Вариативность мужского и женского в русском языке, как и в других языках, находит множество отражений, как например, в виде языкового андроцентризма. Хотя, как мы уже обращали внимание в нашей работе, этот аспект русского языка не столь ярко выражен, в сравнении с западноевропейскими. Примером андроцентризма может служить отождествление в языке таких понятий, как «человек» и «мужчина», или употребление мужской лексической формы профессий при описании женщин (*юрист, менеджер* и др.). Подобные явления в языке ещё раз подтверждают вывод о влиянии социальных отношений на языковые взаимодействия между женщиной и мужчиной.

Итак, асимметричность мужских и женских социальных отношений явно отражается на их речевом проявлении, и, что не менее важно, затрагивает эмоциональный аспект коммуникативного поведения.

Использованные нами для анализа данные, в полной мере отражают эмотивные компоненты речи гендерной коммуникативной личности (ГКЛ), выявляя при этом их гендернорелевантные признаки. В результате нашего исследования относительно поставленных целей были сделаны следующие выводы:

- 1) Русская речь является ярким отражением эмоциональных состояний и переживаний индивида через эмотивы. В связи с этим, любой речевой акт представлен как приспособление коммуникантов друг к другу.
- 2) Гендерный фактор эмоциональной языковой личности проявляется по всем вербальным и авербальным коммуникативным параметрам, определяя характер и силу эмоционального речевого поведения индивида.
- 3) Универсальность базовых эмоций сопрягается с различием в этнокультурном и гендерном речевом проявлении. Таким образом, мы можем говорить об отличии эмоционального гендерлекта женщины от эмоционального гендерлекта мужчины.
- 4) Количественный показатель эмотивных маркеров в речи русских женщин и мужчин, полученный нами в ходе проделанного нами анализа, указывает на ошибочность мнения о более низком уровне эмоционального самоконтроля у женщин (Шаховский 2008, С. 286), в сравнении с мужским. Русские мужчины чаще вербально выражают

свои чувства, чем женщины (3463/3315). Однако, показатель женского невербального эмоционального поведения выше, чем мужской (306/285).

5) Продемонстрированные нами категории анализа эмотивности (12) указывают на универсальный характер их использования в общении мужчинами и женщинами. Ни одна из них не закреплена лишь за одной гендерной группой. Количественные показатели указывают на различия в эмоциональном поведении русских мужчин и женщин внутри каждой из категорий. Мужчины чаще, чем женщины, употребляют:

- ненормативную лексику;
- неполные предложения;
- репризу;
- парцеллятивные конструкции;

что говорит о сильно выраженном синтаксическом характере мужской эмоциональной речи. Женщины в одинаковой степени используют лексические и синтаксические эмотивные маркеры. Женщины чаще употребляют, чем мужчины:

- эмоциональные интенсификаторы;
- эмоциональные междометия;
- инверсию в предложении;
- антиципацию;
- обособленные конструкции;
- синтаксический повтор и синонимичные накопления;
- восклицательные предложения.

6) Различия в количественных соотношениях актуализации категориальных эмоциональных ситуаций, указывают на неодинаковый социальный статус мужчин и женщин в обществе, на их ролевую принадлежность. Доминантная роль мужчины проявляется через высокий показатель эмотивов в ситуации гнева (агрессии), радости и удивления. Женщины в роли «слабого пола» более откровенно показывают свои чувства в ситуациях грусти и страха. Невербальные проявления также указывают на гендерные различия в коммуникативном поведении русских мужчин и женщин (напр., мужские «раскованность» и «отвлечённость» и женское «отчаяние»).

Констатируя выше сказанное, можно сделать вывод о рациональности анализа гендерного аспекта как одного из объектов эмотиологии и обнаружения различий в вербальном и невербальном эмоциональном поведении ГКЛ.

Мы надеемся, что результаты данной работы смогут найти своё применение в последующих лингвистических и междисциплинарных исследованиях, а также

использоваться в педагогических целях в области межкультурного коммуникативного общения.

Глава 7. Zusammenfassung.

„Männer- und Frauensprache in Russland unter dem Aspekt der Linguistischen Theorie der Emotionen nach V.I. Šachovskij“

7.1. Einleitung

Die Aktualität dieses Themas, welches wir (uns) zur eigenständigen Untersuchung für die Diplomarbeit gewählt haben, ergibt sich aus dem großen Interesse, das die moderne Forschung hauptsächlich der Entwicklung der emotiologischen, genderologischen und sprachkulturellen Entwicklung der Linguistik entgegenbringt.

Lange Zeit waren Emotionen und Geschlecht nicht als linguistische Parameter anerkannt. Nun ist heute bereits unbestritten, dass ein unlösbarer Zusammenhang zwischen den Hauptkomponenten der jeweiligen Denkweise, dem Verstand und dem Sprachbewußtsein des Individuums besteht. Das **Ziel** unserer Untersuchungen ist daher auch die Prüfung im Rahmen anthropozentrischer Betrachtungsweise, besser gesagt die prägnante Darstellung der inneren emotionalen Welt der genderkommunikativen Person als Träger einer bestimmten Sprachkultur.

Gegenstand der Untersuchung ist die verbale (lexikalisch und syntaktisch) und nonverbale Korrelation der Ausdrucksmittel in der russischen Sprache, wie sie von Männern und Frauen in konkreten, emotionalen Situationen verschiedener Art gebraucht werden.

In der Theorie ist diese Diplomarbeit für die folgende Aufarbeitung der Probleme emotionalen Ausdrucks genderkommunikativer Personen mit dem Material, das die russische Sprache zur Verfügung stellt, bedeutsam.

Praktisch wird die Wichtigkeit von der Möglichkeit, die aus dieser Arbeit resultierenden Daten für die Vorbereitung theoretischer Kurse über Genderologie, Emotiologie, Sprachkulturologie, Psycholinguistik und Kommunikation zu verwenden, bestimmt. Die Arbeit selbst kann als Material für sprachdidaktische Kurse herangezogen werden und zwar im Hinblick auf die emotive Komponente bei der Lehre im Umgang mit der fremden Sprache.

Aufgabenstellung:

Die Grundlage für die vorliegende Diplomarbeit bilden folgende Aspekte:

1. Analyse des Begriffs „Emotivität“, wie er in der linguistischen Theorie der Emotionen V.I. Šachovskijs. vorgestellt wird und dessen Auswirkung auf das Sprechverhalten des Individuums.
2. Analyse des Begriffs „Gender“ sowie die Beobachtung seines Einflusses auf das emotionale Verhalten in der Sprachkommunikation.
3. Bestimmung der dominierenden Emotion im emotionalen Kommunikationsverhalten von Männern und Frauen in Russland.
4. Aufstellung von Genderprioritäten bei der Auswahl sprachlicher Mittel hinsichtlich des emotiven Aspekts der Kommunikation.
5. Beschreibung der Unterschiede nonverbalen Kommunikationsverhaltens zwischen Männern und Frauen in Russland.

Methoden:

Folgende Methoden wurden zur Bearbeitung der Aufgaben verwendet:

- hypothetisch-deduktive Methode
- Kontextuale Analyse
- Inhaltsanalyse
- Vergleichende Analyse
- Deskriptive Methode

Dieser Untersuchung wurden die mündlichen und schriftlichen Texte, wie sie in der Kommunikation von den Männern und Frauen (Genderpersönlichkeiten) verwendet werden zugrunde gelegt und daraus die geschlechterspezifischen Besonderheiten im Hinblick auf den linguistischen Ausdruck der Emotionen analysiert.

Thesen zur Untermauerung

Die Hauptaufgaben der Diplomarbeit liegen in folgender Ausarbeitung:

1. Die Kommunikation, wie sie heutzutage von Männern und Frauen gepflogen wird und wie es in schriftlichen und mündlichen Texten klar zum Ausdruck kommt wird im Hinblick auf Emotionen in erster Linie von Ausdrücken des Zorns beherrscht. Die Anpassung des emotionalen Ausdrucks an die moderne russische Sprachkultur hat keinen androzentrischen Charakter.
2. Die Anpassung emotiven sprachlichen Ausdrucks hängt vom Geschlecht der kommunizierenden Person ab.
3. Die Sprache, die von den Gendermerkmalen geprägt ist bestimmt das kommunikative Verhalten von Männern und Frauen entsprechend den Werten und Normen konkreter Sprachkulturen.

Einteilung der Diplomarbeit

Vorliegende Diplomarbeit besteht aus 7 Kapiteln:

Kapitel I beinhaltet die Einleitung mit einer kurzen Beschreibung des Untersuchungsgegenstandes, nämlich den Besonderheiten männlichen wie weiblichen Sprachausdrucks im Russischen unter Bedachtnahme der sprachwissenschaftlichen Theorie der Emotionen V.I.Šachovskijs.

Kapitel II besteht aus dem theoretischen Teil, der sich auf die Analyse der theoretischen Schriften der Emotiologie stützt. Führend auf diesem Gebiet sind zweifelsohne die Arbeiten V.I. Šachovskijs.

Kapitel III befaßt sich mit dem Studium des theoretischen Materials der Genderologie wobei der Begriff „Gender“ einer Untersuchung hinsichtlich seines Zusammenhangs mit den besonderen Einflüssen auf den Sprachgebrauch des Individuums unterzogen wird.

Kapitel IV führt den theoretischen Exkurs über die Aufdeckung von Besonderheiten auf emotionaler Ebene in der Kommunikation der Geschlechterpersönlichkeiten in den unterschiedlichen Ausdrucksweisen in der verbalen und nonverbalen Kommunikation. Dieses Kapitel basiert auf den Emotionskategorien, wie sie im praktischen Teil dieser Arbeit unter „die einzelnen Kategorien emotionaler Situationen“ vorgestellt werden und wie sie für die Beobachtung des kommunikativen Verhaltens von Männern und Frauen verwendet wurden.

Kapitel V

Es ist dies der praktische Teil der Diplomarbeit. Dieses Kapitel widmet sich der Analyse jenes Sprachmaterials, welches die Unterschiede im Gebrauch emotiven Ausdrucks im geschlechterspezifischen verbalen und nonverbalen Kommunikations-verhaltens sowie im mündlichen und schriftlichen Sprachgebrauch russischer Männer und Frauen aufzeigt.

Dabei wurde folgendes einer Betrachtung unterzogen:

- Lexikalische Ebene emotionalen Sprachausdrucks von Männern und Frauen
- Syntaktische Ebene emotionalen Sprachausdrucks von Männern und Frauen
- Nonverbaler, emotionaler Ausdruck in der geschlechterspezifischen Kommunikation.

Nonverbales, emotionales Kommunikationsverhalten von Männern und Frauen wird an Hand der hervorstechendsten und wichtigsten Eigenheiten russisch Sprechender dargestellt.

Kapitel VI

Enthält die Schlussfolgerungen aus den durchgeführten Untersuchungen und

Kapitel VII

Ist eine Zusammenfassung der Diplomarbeit in deutscher Sprache.

7.2. Linguistische Theorie der Emotionen

Die moderne Wissenschaft behauptet, dass Emotivität einen der wichtigsten Bausteine der Sprache darstellt. Die anthropozentrische Betrachtungsweise der Linguistik hat gezeigt, dass die Emotionen nicht nur Objekt der Reflexion in der Sprache, sondern auch Mittel der Selbstreflexion und der Reflexion anderer Objekte der Wirklichkeit sind und vom reflektierenden Subjekt nicht getrennt werden können. (Шаховский 1987, С.7-8).

Heute ist die sprachwissenschaftliche Theorie der Emotionen die nach V.I. Šachovskij über die Kategorisierung der Emotionen im lexiko-semantischen System der Sprache eine der höchstentwickelten in Russland. Ihm ist es gelungen, eine klare Trennlinie zwischen sprach- und nichtsprachwissenschaftlichen Begriffen zu ziehen, die ja schon vor der Einführung des Begriffs der Emotivität in die Sprachwissenschaft existierten.

Dank der Arbeit Šachovskijs kann man folgende Schlussfolgerungen ziehen (Schlussfolgerungen wie sie auch in dem Kapitel „ Sprachwissenschaftliche Theorie der Emotionen“ dargelegt werden):

- Emotivität – einer der Bausteine der Sprache unter der die Transformation der Emotionen auf der sprachlichen Ebene verstanden wird.
- «die Kategorie Emotivität wird in allen Sprachen, auf allen Niveaus ihrer Systeme vorgestellt und erscheint in phonetischen, lexikalischen, phraseologischen, wortbildenden, morphologischen, syntaktischen, stilistischen, mikrotextuellen, textlichen, hyper-, mega- und intertextuellen Situationen». (Шаховский 2008, С.28).
- Die emotive Bedeutung eines Wortes findet sich nicht in der Reflexion einer Emotion von etwas Gesagtem, sondern erweist sich als typisierende Reflexion einer „sozialen

Emotion“. Die emotionale Umgebung jedes Sprachindividuums entspricht ihrer national-kulturellen Besonderheit.

- Das emotionale Befinden, wie es auf der jeweiligen sprachlichen Ebene ausgedrückt wird, wird bewusst und verständlich.
- Die semantischen Mikrokomponenten der Emotivität eines Wortes sind die emotiven Zeichen und deren Bedeutung, welche die subjektive, emotionale Wirklichkeit widerspiegeln, die sich objektiv im Wort zeigt.
- Emotivzeichen außer acht lassend, erweist sich die emotive Bezeichnung als konnotative Form der emotiven Grundbedeutung, die expressiv-emotionalen Charakter hat und die die lexikalische und semantische Dynamik der Sprache garantiert und von Prozessen wie bei der Wortbildung und der Wortumwandlung begleitet wird.
- Die Information, die der Empfänger erhält, entspricht niemals der des Informationsgebers. Sie hängt vielmehr ab einer bestimmten Stufe von der emotionalen Stimmung des Empfängers ab.
- Ein emotiver Text zeigt die emotionale Befindlichkeit der Kommunizierenden auf sowie deren Wechselbeziehung, die sie mit Hilfe der Worte eingehen.
- Wie sich Emotive im Gesprochenen verwirklichen unterliegt Normen, die beweglich und austauschbar sowie zu verschiedenen Zeiten, ja sogar in verschiedenen kommunikativen Situationen unterschiedlich sein können. (Скребнев 1976, С.19).
- Eine Abgrenzung zwischen der Emotivität eines Wortes und der persönlichen emotiven Denkweise ist gegeben.

7.3. Theorie der Genderlinguistik

Bei Betrachtung der wichtigsten methodologischen Herangehensweise an die Genderforschung, kann man folgende zwei Methoden feststellen:

- Methode des „sozialistischen Feminismus“ und
- Methode der „Theorien des Unterschieds“ (Щеребкина 1996).

Der „sozialistische Feminismus“ stützt sich auf die subjektive Identität und anerkennt insbesondere nicht die Unterschiede zwischen weiblichem und männlichem Typus der Subjekte. Das Augenmerk dieses Feminismustyps zielt vielmehr auf die breitgefächerten Veränderungen innerhalb der Gesellschaft ab.

Die „Theorie der Unterschiede“ geht hingegen genau von diesen Unterschieden, wie der strukturellen Subjektivität und den männlichen und weiblichen Strukturen der Identität aus.

Die linguistischen Beschreibungen von „Gender“ zielen exakt auf die sozialen Aspekte der Geschlechter ab und sind sie auch mit kulturellen Traditionen und Stereotypen – wie sie sich in der Sprache manifestieren – verbunden.

- Genderstereotypen sind ausgerichtet auf und ergänzen sich in kommunikativen Situationen und Ausdrucksmitteln, die den Komplex biologischer Verhaltensweisen im sozialen Rollenspiel und den charaktereigenen Anteil im Psychischen im geschlechterunterschiedlichen Verhalten der Personen in der untersuchten Sprachkultur reflektieren.
- Gendertypische Spracheigenheiten bestimmen das Verhalten der kommunikativen Personen entsprechend den Ansichten und Gewichtungen, wie sie in der untersuchten Sprachkultur gegeben sind.
- Die vorliegende Analyse erlaubt es nicht aus der russischen Sprache Schlussfolgerungen hinsichtlich Gendersprache zu ziehen, allerdings kann man hinsichtlich Genderasymmetrie, wie sie sich in quantitativer und qualitativer Beziehung zur untersuchten Sprache zeigt, von tatsächlich vorhandenen sprachlichen Besonderheiten in der männlichen und weiblichen Ausdrucksweise im Russischen sprechen.

7.4. Grundlegende Besonderheiten emotionalen Kommunikationsverhaltens bei Männern und Frauen

Der Sprachträger interpretiert die es umgebenden Objekte und Situationen exakt entsprechend den sich unmittelbar ergebenden Emotionen (wie Zorn, Freude, Angst, etc.). Allerdings kann sich Wandlung im Ausdruck der Emotionen auf einer Sprachebene nur dann vollziehen, wenn es in diesem Sprachsystem auch die unabdingbaren Mittel zum Ausdruck gibt, die es den Emotionen erlaubt sich auf die Stufe der Emotivität zu stellen.

Emotivität stellt sich auf allen Sprachebenen ein.

Die Analyse der theoretischen Literatur über Genderunterschiede im verbalen und nonverbalen kommunikativen Verhalten führt uns direkt zum praktischen Teil vorliegender Arbeit:

1. Emotionen haben die Motivation für alle menschlicher Tätigkeiten zur Basis und greifen in alle Aspekte ihrer kognitiven Prozesse ein. Dies zeigt sich sowohl in jedwedem Sprach- wie nonverbalem Verhalten.
2. Das Spektrum der Emotionalität des Individuums und insbesondere der diesbezügliche Ausdruck werden von den Besonderheiten der Genderkommunikation bestimmt.
3. Auf dem jeweiligen Sprachniveau vollzieht sich eine Wandlung der Emotion in Emotivität und findet sich in allen Sprachniveaus wieder.
4. Zusätzlich zur verbal ausgedrückten Information in der emotionalen Kommunikation kann man auch jenen Ausdruck wählen, der die Emotion mit nonverbalen Ausdruck übermittelt und so deren Information unterstreicht.
5. Das nonverbale Verhalten der unterschiedlichen Geschlechtervertreter deutet auch auf deren differenzierten Charakter hin.

7.5. Die Widerspiegelung genderspezifischer Besonderheiten in der russischen, emotional-kommunikativen Sprachpersönlichkeit

In diesem Kapitel, das den praktischen Teil der vorliegenden Diplomarbeit beinhaltet, wird eine Analyse des Sprachmaterials im Hinblick auf die Unterschiede im Gebrauch emotiver Mittel durch die Sprachpersönlichkeit des jeweiligen Geschlechts sowohl des verbalen als auch des nonverbalen Verhaltens, wie es sich in mündlichen wie schriftlichen Texten russischer Männer und Frauen vorgenommen.

Aus lexikalischer und syntaktischer Sicht ergeben sich zwölf emotive Kategorien, wie man sie im Sprachgebrauch von Männern und Frauen in verschiedenen Kategorien emotionaler Situationen vorfindet und der Basisemotionen widerspiegelt.

Nonverbales emotional-kommunikatives Verhalten von Männern und Frauen wird in erster Linie von jenen Parametern bestimmt, die als Eigenheiten russischsprachiger Personen ausgemacht werden können:

- Blicke
- Gesten
- Mimik
- Prosodie

Einer der wichtigsten Termini technici der in dieser Arbeit verwendet wird ist sicherlich der der „genderspezifischen Kommunikationspersönlichkeit“ (GKP). Hier versteht man eine in Kommunikation stehende Person und wie sie im geschlechterspezifischen Rollenbild gesehen

wird und wie es die entsprechende Sprachkultur in Normen und Stereotypen und zwar sowohl im verbalen wie nonverbalen Kommunikationsverhalten vorgibt.

7.5.1. Lexikalische Ebene emotionalen Sprachausdrucks von Männern und Frauen

7.5.1.1. Bevorzugter „wertender“ Ausdruck im männlichen und weiblichen Sprachgebrauch

Nach detaillierter Analyse des bewertenden Ausdrucksspektrums im Bereich des Wortschatzes als emotives Mittel ergaben sich unter Heranziehung von russischsprachigen Genderpersönlichkeiten folgende Schlussfolgerungen:

- Frauen wenden weit häufiger emotiv-wertende Ausdrücke an als Männer, was auch die These von der stärkeren Emotionalität russischer Frauen untermauert.
- Grob gesagt, kann man den Gebrauch von Invektiven als gleichwertigen, integrativen Bestandteil sowohl des modernen männlichen wie weiblichen Sprachgebrauchs bezeichnen.

7.5.1.2. Emotionale Intensifikatoren männlichen wie weiblichen Sprachgebrauchs

Unter dem Begriff „emotionaler Intensifikator“ versteht sich das komplizierte System sprachlichen Ausdrucks das in quantitativen und qualitativen Merkmalen von der Anzahl der allgemein gebräuchlicher Eigenschaften abweicht.

- Im russischen Sprachgebrauch hinsichtlich des Emotionsausdrucks ist sowohl bei Männern als auch bei Frauen der Gebrauch von Intensivierungs-faktoren absolut gebräuchlich.
- Die These V.I. Šachovskijs von der Existenz des sogenannten emotionalen Intellekts kann bestätigt werden, die die Gesamtheit kognitiver und emotionaler Vorgänge im Individuum zum Thema hat. Die vermehrte Verwendung von Intensifikatoren wie sie bei gebildeteren Schichten der Gesellschaft bemerkt werden, (10/6) macht den unbestreitbaren Zusammenhang zwischen Emotion und Erkenntnis sichtbar.
- Genderunterschiede bei der Auswahl verschiedener Kategorien von Intensifikatoren ergeben folgendes Bild: Männer tendieren zur Verwendung genderunspezifischer Adverbien, Verben, Interjektionen und Pronomen und zum häufigen Gebrauch von Intensifikatoren, ausgedrückt in Substantiven und Konjunktionen, Frauen hingegen zum Gebrauch von Adjektiven und Partikeln.

7.5.1.3. Interjektionen

Das Verwendung emotionaler Interjektionen im Sprachgebrauch emotionalisiert das gesamte Gesprochene und erschwert damit gleichzeitig seine konkrete Interpretation wegen der verschwommenen Bedeutungsabgrenzungen bei diesen Worten und Wortverbindungen.

- Bei Betrachtung qualitativer Unterschiede in der Verwendung von Interjektionen durch Vertreter der verschiedenen Geschlechter trat klar hervor, dass Männer und Frauen verschiedene Worte für den Ausdruck ein und derselben Emotion verwenden. Außerdem erhält ein und dieselbe Interjektion im männlichen Sprachgebrauch eine andere semantische Färbung als im weiblichen.
- Die These darüber, dass weiblicher Sprachgebrauch weitaus mehr durch Emotionalität geprägt ist als männlicher kann nicht unterstützt werden, da dies die quantitative Kennziffer im Gebrauch von Interjektionen im genderspezifischen Sprachgebrauch nicht zulässt.

7.5.1.4. Nicht normativer Sprachschatz

Die Ergebnisse vorliegender Untersuchungen lassen aufgrund des Gebrauches nicht normativer Lexik durch die verschiedenen Geschlechter folgende Schlussfolgerung zu:

- Männer verwenden öfter abschätzige Redensarten als Frauen, d.h. sie bedienen sich des russischen Mat. Frauen bedienen sich des Mats nur in den untersten Schichten der Gesellschaft was die allgemein anerkannten Stereotypen hinsichtlich der Überlegenheit des starken Geschlechts auch im Gebrauch abschätzigen Ausdrucks stützt, das aufgrund seiner Dominanz keiner Statusaufwertung bedarf, wie das beim anderen Geschlecht der Fall ist.
- Sehr oft werden in der genderspezifischen Kommunikation bei Verwendung nicht normativer Ausdrücke Affektive verwendet, die in der russischen Sprache in Form von Interjektionen reichlich vorhanden sind.
- Frauen verwenden nichtnormative Lexik hauptsächlich wenn negative Emotionen zum Ausdruck gebracht werden sollen. Männer drücken hingegen nicht nur negative Emotionen wie Zorn, sondern auch positive Emotionen in vergleichbarem Sprachgebrauch aus.

7.5.2. Syntaktische Ebene emotionalen Sprachgebrauchs bei Männern und Frauen

7.5.2.1. Unvollständige Sätze oder Ellipsen

Der Gebrauch unvollständiger Sätze gibt der Sprache einen lebendigen, ungezwungenen Charakter. In solchen unvollständigen Sätzen erlangen die ausgesprochenen Teile besondere Bedeutung wobei die enthaltenen Emotive diese noch vergrößern.

- Männer, mehr als Frauen gebrauchen unvollständige Sätze.
- Sowohl im männlichen als auch im weiblichen Sprachgebrauch scheinen die dialogischen unvollständigen Satzkonstruktionen am verbreitetsten zu sein ebenso wie die Ellipsen, die emotionsbehafteter als die unvollständigen Sätze bezeichnet werden können. Männer gebrauchen öfter unvollständige Satzkonstruktionen im Zusammenhang mit emotionalen Erlebnissen die ihrerseits von nonverbalen Ausdrucksmitteln im Dialog unterstützt werden aber auch Konstruktionen, die aus psychologischer Sicht Ungeduld und Unentschlossenheit ausdrücken. Frauen gebrauchen unvollständige Sätze, da die Wucht der Emotionen Kräfte rauben. Männer kontrollieren ihre emotionalen Erschütterungen weniger.

7.5.2.2. Ausdrucksfärbung im männlichen und weiblichen Sprachgebrauch und deren Inversion

Die inverse Anordnung im Satz wird im Russischen häufig gebraucht was von der intensiven Emotionalität der Russen zeugt, unabhängig davon ob es sich um Vertreter des weiblichen, oder männlichen Geschlechts handelt. Die Analyse der Untersuchungen hinsichtlich der Häufigkeit subjektiver Anordnung der Wörter im Satz im männlichen wie im weiblichen Sprachgebrauch lassen folgende Schlussfolgerung zu:

- Inversion findet sich öfter im weiblichen als im männlichen Sprachgebrauch, was eindeutig die allgemeine Meinung von der weiblichen Konformität im Bezug auf die Sprachnormen in der Kommunikation widerlegt.

7.5.2.3. Segmentierte Konstruktionen emotionalen Sprachgebrauchs

Die Gliederung des sprachlichen Redeflusses in Abschnitte oder Elemente emotionalen Sprachgebrauchs ist Teil der Dechiffrierung kommunikativen Ausdrucks und wird „Segmente des emotionalen Ausdrucks“ genannt. Das Auftreten dechiffrierender Segmente im emotionalen Ausdruck hängt mit der Verstärkung des dem Ausdruck zugrundeliegenden emotional dominierenden Sinnausdrucks

zusammen, die allerdings den dem Ausdruck nach logischen Aspekt „herunterspielen“.

Segmentierende Konstruktionen wie Antizipation und Reprise führen zu verschiedenen Prozessen beim durchlaufen emotionaler Zustände und dem Ausdruck derselben. In der Reprise vollzieht sich eine „remathematische Zerteilung“ des Ausdrucks im Sinne von „Ausbruch/Stillstand“ (Flut/Ebbe). Bei der Antizipation wird die Thema/Rema - Zergliederung entsprechend den Paradigmen der Vergrößerung des emotiven Gehalts des Ausdrucks erkannt.

Aus dem Gebrauch segmentierender Konstruktionen im emotionalen Sprachgebrauch von Männern und Frauen lassen sich folgende Schlussfolgerungen ziehen:

- Frauen bedienen sich in ihrem Sprachausdruck schneller dechiffrierender Konstruktionen als Männer, was wiederum die stärker ausgeprägte weibliche Emotionalität bestätigt.
- Frauen verwenden auch in höherem Ausmaß ersteren Typus segmentierender Konstruktionen – die Reprise – an. Bei Männern finden sich im Sprachgebrauch allerdings beide Typen in gleichmäßiger Verteilung wieder. In diesem Zusammenhang bestätigt sich die Meinung vom intensiveren Affektausdruck im Sprachgebrauch der Frauen nicht.

7.5.2.4. Bruch in der potentiellen syntaktischen Einheit

Starke Emotionen gehen Affekten oft voraus, die nicht selten einen Bruch in der syntaktischen Einheit – genannt Dislokation nach Ch. Bally – darstellen. (Балли 1961).

Untersucht wurden zwei Haupttypen dieses Bruchs in der syntaktischen Einheit:

- Isolierung und
  - Parzellierung
1. Konstruktionen, die zu einem Bruch in der syntaktischen Einheit führen, werden sowohl von Männern als auch von Frauen vornehmlich in Situationen im Zusammenhang mit Emotionen des Zorns und der Erregung gebraucht. Hier greifen Frauen schneller zu Konstruktionen der Isolierung und Männer zu Konstruktionen der Parzellierung. Daraus folgt, dass Männer, die eine Emotion des Zorns durchlaufen bemüht sind eher mit Hilfe von Parzellierung die Bedeutungs- und expressiven Nuancen ihrer Ausdrucksmitteln zu verstärken, wobei sich dieses Bemühen schon vom ersten Satz an bis zum Ende nachverfolgen lässt. Frauen empfinden vielmehr die Notwendigkeit ins Detail zu gehen auch wenn die Phrase noch nicht zu Ende formuliert wurde denn sie wollen sich noch präziser und klarer auszudrücken.

2. Im weiblichen Sprachgebrauch findet sich mindestens ebenso häufig die Anwendung von Isolierung insbesondere in Situationen der Trauer. Im männlichen Sprachgebrauch herrscht bei Ausdruck der Freude die Parzellierung vor. Wie diese erhobenen Daten zeigen, werden die verbreiteten Stereotypen bezüglich des Sprachausdrucks weiblicher Melancholie bestätigt. Allerdings wird die Meinung über die größere Zurückhaltung bei Männern im Ausdruck von Freude auch widerlegt.
3. Emotionen des Erstaunens finden im männlichen Sprachgebrauch eher ihren Wiederhall in Art parzellierter Sätze.
4. Am wenigsten gebräuchlich sind parzellierte Konstruktionen beim Ausdruck von Angst sowohl im männlichen als auch im weiblichen Sprachgebrauch.

7.5.2.5. Stilistische Wiederholungen und Iteration von Synonymen

Der Wunsch durchlebte Emotionen und Gefühle exakter und verständlicher auszudrücken führt zum Ersatz des Mangels an entsprechend qualitativem Ausdruck durch Menge an Ausdrücken oder zum übermäßigen Aussortieren bei der Verwendung von Synonymen. Wiederholungen und Iterationen von Synonymen können gleichzeitig auftreten und dabei die Hauptfunktionen - Verstärkung der Expressivität im Ausdruck und Präzisierung – noch deutlicher hervortreten lassen.

- Frauen neigen mehr als Männer dazu Ausdrücke zu wiederholen. Unter den Beweggründen die zu Wiederholungen von Ausdrücken führen kann man zwei Hauptgründe herausfiltern: Präzisierung und Verstärkung. Im männlichen Sprachgebrauch findet sich als Grund hierfür der nicht zu Ende geführte Gedanke und die Verstärkung. In diesem Fall spricht man von der merkbar größeren Fähigkeit der Sprachbeherrschung der Frauen im Vergleich zu den Männern vor allem was das Erleben starker Emotionen betrifft.
- Im männlichen Sprachgebrauch erscheinen Emotionen des Zorns als genderrelevant. Im weiblichen Sprachgebrauch gesellen sich zu den Emotionen des Zorns die der Freude und der Trauer die sich hauptsächlich in einer Anhäufung synonyme Bezeichnungen ausdrücken.

7.5.2.6. Ausrufungssätze

Die Analyse des Gebrauchs von Ausrufungssätzen bei Männern und bei Frauen hat zu folgender Schlussfolgerung geführt:

1. Männer und Frauen verwenden im Sprachgebrauch Ausrufungssätze in fast identischem Ausmaß.
2. Im weiblichen wie im männlichen Sprachgebrauch werden Ausrufungssätze hauptsächlich in Situationen des Zorns und der Freude verwendet. Frauen erheben die Stimme lauter beim Ausdruck freudiger Emotionen Männer neigen zur Aggressivität und Ausdruck derselben bei negativen Erlebnissen.
3. Den Unterschied in der Häufigkeit des Gebrauchs von Ausrufungssätzen hinsichtlich Genderspezifika beobachten wir vornehmlich im Ausdruck von Angst und Trauer. Es konnte in der Häufigkeit des Gebrauchs auf weiblicher Seite ein Unterschied von 2,5% festgestellt werden. So wird ein weiteres Mal die weitaus höhere sprachliche Ausdrucksfähigkeit und Ausdrucksbereitschaft in emotionalen Situationen untermauert.

7.5.3. Die nonverbalen Ausdrucksmittel der Emotionen der „genderspezifischen Kommunikationspersönlichkeit“ (GKP)

Zur Analyse wurden 42 mündliche Dialoge die zur Hälfte von Männern und zur anderen Hälfte von Frauen geführt wurden sowie weitere vier Monologe (zwei männliche, zwei weibliche) herangezogen. Bei Beobachtung des nonverbalen Verhaltens der Kommunikanten wird in erster Linie Bezug auf die bereits bekannten Erkenntnisse der Wissenschaftler J.E. Prochorov und I.A. Sternin, wie sie in dem Buch „Die Russen. Das kommunikative Verhalten“ (2007) dargelegt sind genommen. Nach Meinung dieser Autoren sind die Hauptkomponente nonverbalen Verhaltens im russischen Sprachaustausch folgende:

- Blicke
- Gestik
- Mimik
- Prosodie

Russen halten ihre Emotionen im Prozess der Kommunikation oft nicht zurück was sich durch den „offenherzigen nonverbalen“ Ausdruck bezeugen lässt. (Прохоров, Стернин, 2007, С.163).

Folgende Schlussfolgerungen konnten gezogen werden denen die Analyse nonverbalen Verhaltens von Männern und Frauen im emotionalen Sprachgebrauch zugrunde gelegt ist:

1. Männer wie Frauen unterstreichen das Gesprochene mit verschiedenen nonverbalen Kommunikativkomponenten.

2. Nonverbale Zeichen der Männer weisen auf deren dominante Stellung in der Gesellschaft hin, ebenso wie ihr freieres Verhalten im Umgang mit anderen.
3. Nonverbale Komponenten im weiblichen Sprachgebrauch sind weniger provokant, sind ruhiger was auf die den Frauen zugeeignete Stellung in der Gesellschaft hindeutet.
4. Der am häufigsten auftretende nonverbale Ausdruck betrifft die negativ behaftete Emotion des Zorns sowohl in männlicher wie in weiblicher Ausdrucksweise.
5. Für die vorliegende Untersuchung waren die emotionalen Ausdrucksweisen hinsichtlich Zorns und Trauer genderrelevant. Intensivere Verwendung im weiblichen Sprachgebrauch verstärkt die in der Gesellschaft vorhandenen Stereotypen von „Schwäche“ die bei Männern negativ besetzt ist und auf die „Schwäche“ weiblichen Charakters abzielt.
6. Auffällig sind die großen Unterschiede was den qualitativen Charakter des männlichen wie weiblichen Sprachgebrauchs betrifft. In Situationen des Zorns und der Freude ist die nonverbale Ausdrucksform bei Männern weitaus intensiver als bei den Frauen. Hingegen in Situationen der Angst, der Trauer, oder des Erstaunens zeigt sich eine viel schärfere Ausdrucksweise im Hinblick auf nonverbale Kommunikationskomponenten.
7. Eine spezielle Stellung innerhalb nonverbalen Ausdrucks im Sprachaustausch nimmt die männliche „Verachtung“ und die weibliche „Verzweiflung“ ein die den Statusunterschied von Männern und Frauen in der Gesellschaft noch unterstreicht.
8. Im weiblichen Sprachgebrauch werden Emotionen weit häufiger mimisch ausgedrückt was dafür spricht, dass Frauen ihre Mimik scheinbar weniger unter Kontrolle haben.
9. Die Untersuchung nonverbaler männlichen wie weiblichen Kommunikationsverhaltens kann ein Vorherrschen weiblicher Emotionalität über einer männlichen kann nicht eindeutig bestätigt werden.
10. Die Untersuchung männlichen wie weiblichen kommunikativen Verhaltens belegt ein deutliches Übergewicht an weiblicher Emotionalität im Vergleich zum Sprachverhalten der Männer.

7.5.4. Schlussfolgerungen aus Kapitel 5

- Die Untersuchungen ergaben 6778 emotive Marker auf lexikalischer und syntaktischer Ebene der russischen Sprache. 3463 davon werden dem männlichen, 3315 dem weiblichen Sprachgebrauch zugerechnet, woraus man schließen kann, dass identisches

emotives verbales Sprachverhalten bei russischen Männern und Frauen gegeben ist und die These von der geringeren Selbstkontrolle auf emotionaler Ebene definitiv widerlegt ist.

- Besonderheiten im Verbalverhalten bei Männern und Frauen:
  1. Im Sprachgebrauch beider Geschlechter ist der kommunikative Ausdruck im Bezug auf die Emotion Zorn am verbreitetsten. Der weitaus größere Anteil an diesen Emotiven, die Zorn ausdrücken, fällt in den Bereich des männlichen Sprachgebrauchs. In vier der zwölf analysierten Kategorien von Emotiven kann man aber ein Überwiegen als weiblich geprägter Marker beobachten: innerhalb der emotionalen Intensifikatoren, der Sätze mit invertierter Wortstellung und innerhalb isolierten Konstruktionen sowie den Iterationen von Synonymen.
  2. Die zweite dominante Stellung innerhalb der genderrelevanten Emotionsausdrücke nehmen jene der Freude an. Ebenso wie beim Zorn werden hier auch öfter emotive Ausdrücke von Männern als von Frauen verwendet. Bei den diesbezüglichen emotiven Markern im weiblichen Sprachgebrauch lassen sich vier Arten erkennen: emotionale Interjektionen, Wiederholungen und Iteration sowie Akkumulationen von Synonymen.
  3. Zu den von Männern häufiger ausgedrückten Emotionen kann man das Erstaunen hinzuzählen. Diesbezüglich können im weiblichen Sprachgebrauch vier Arten von Emotiven festgestellt werden: Wortumstellung im Satz, Reprise, Iteration und Akkumulation.
  4. Dominant genderspezifisch aber ohne Priorität im Gebrauch finden sich im weiblichen Sprachgebrauch Emotive die in Situationen der Trauer und der Angst angewendet werden. Männer bedienen sich in solchen Situationen sehr viel mehr nicht normativer Lexik und Parzellierungen.
    - Es ist uns nicht gelungen genderspezifische Ausdrücke der Emotionen im Russischen aufzuzeigen was auf den ungezwungenen Gebrauch aller Arten von Lexik und syntaktischer Konstruktionen sowohl bei Männern als auch bei Frauen zurückzuführen ist. Allerdings wurden Genderpräferenzen hinsichtlich des qualitativen Gebrauchs konkreter emotiver Elemente festgestellt.
    - Die Häufigkeit nonverbaler Komponenten im weiblichen Sprachgebrauch im Vergleich zum männlichen tritt klar zu Tage:
      1. Vorrangig und genderrelevant für vorliegende Untersuchung, ebenso wie für den verbalen Ausdruck der Emotionen erwiesen sich die nonverbalen Ausdrucksmittel des

Zorns im männlichen und weiblichen Sprachgebrauch. Hier überwiegen eindeutig die nonverbalen Marker männlichen Sprachgebrauchs.

2. Festgestellt wurden große Unterschiede im qualitativen Charakter des nonverbalen Verhaltens von Männern und Frauen. Die emotionalen Marker des männlichen Sprachgebrauchs haben mehr Gewicht in Zorn- wie Freudeausdrücken wo hingegen bei Frauen gleiches in Situationen der Angst, der Trauer und des Erstaunens bemerkt werden kann. Als qualitativen Unterschied im Ausdruck kann man die „männliche Verachtung“ bzw. die „weibliche Verzweiflung“ nennen. Beide Arten nonverbalen Ausdrucks lassen auf grundlegende Unterschiede im Sprachverhalten von Männern und Frauen schließen.
3. Mimischer Ausdruck von Emotionen ist eher ein Zug weiblichen Verhaltens, was erkennen lässt, dass Frauen ihre Mimik scheinbar weniger unter Kontrolle haben. Nur in Zornausbrüchen entgleist die Mimik bei Männern mehr als das bei Frauen je der Fall ist. Im nonverbalen Verhalten wie es sowohl Männer als auch Frauen betrifft, kann man Marker bei den Gesten, wie sie bei Zornausbrüchen, in Trauer und Erstaunen im besonderen erkennen.

7.6. Abschließende Betrachtungen

Man kann von einer Manifestation genderspezifischer Unterschiede in der Sprache emotional betroffener Personen sprechen. Eine Untersuchung oben genannter Manifestationen kann in allen sprachwissenschaftlichen Disziplinen vorgenommen werden. Für vorliegende Arbeit wurde die Analyse genderspezifischer Unterschiede emotional betroffener Personen und deren Sprachgebrauch unter Berücksichtigung der sprachwissenschaftlichen Theorie V.I. Šachovskijs. (2008) wichtig, in der die Behauptung aufgestellt wird, dass „in allen Etappen des kommunikativen Prozesses der emotionale Faktor verstärkt wird“ ja es sogar „zu einer Dualität und Bereitschaft der Gesellschaft zur Intoleranz“ kommt. (Шаховский 2008, С.285). Zu einer der Hauptaufgaben vorliegender Untersuchung wurde die Begriffsbestimmung der Kategorie „Gender“ und die Beschreibung ihres Einflusses auf das Verbal- und Nonverbalverhalten der Individuen.

Die Fixierung genderspezifischen Verhaltens in der Sprache und im nonverbalen Kommunikationsausdruck verläuft im Lichte der Genderstereotypen, wie die in der gesellschaftlichen Erwartung vorgegebenen Muster männlichen und weiblichen Verhaltens, führt zur Einzementierung der sogenannten männlichen und weiblichen Genderrollen, die von konkreter Sprachkultur gestützt wird.

Der Variantenreichtum wie er in der russischen Sprachen von Männern und Frauen genutzt wird - wie auch in anderen Sprachen – findet hauptsächlich seinen Niederschlag z.B.: in Form sprachlichen Androzentrismus.

So wird die Asymmetrie männlichen und weiblichen Sozialverhaltens klar in ihrem Sprachverhalten deutlich und – was nicht weniger wichtig – betrifft dies auch den emotionalen Aspekt des kommunikativen Verhaltens.

Die für die Analyse verwendeten Daten reflektieren zur Gänze die emotiven Komponenten des Sprachgebrauchs der „genderspezifischen Kommunikations- persönlichkei“ (GKP) und bringen somit auch die genderrelevanten Merkmale zu Tage.

Die zum gegebenen Zweck geführten Untersuchungen ließen folgende Schlussfolgerungen zu:

1. Die Russische Sprache bietet eine deutliche Reflexion emotionaler Zustände und Erlebnisse des Individuums mittels Emotiven. Hiermit hängt zusammen, dass jedweder sprachlicher Akt als Anwendung unter den Kommunikanten und Anpassung an dieselben angesehen werden kann.
2. Der Genderfaktor der emotionalen Sprachpersönlichkeit findet sich in allen verbalen und nonverbalen Kommunikationsparametern und bestimmt Charakter und Ausdrucksstärke emotionalen Sprachverhaltens des Individuums.
3. Die Allgemeingültigkeit der Basisemotionen korreliert mit den Unterschieden im ethnokulturellen genderspezifischen Sprachverhalten. So kann man in jedem Fall vom Unterschied zwischen emotionalem Genderlekt von Frauen und von Männern sprechen.
4. Qualitatives Merkmal emotiver Marker im russischen Sprachgebrauch von Männern und Frauen, das uns im Verlauf der Analyse vor Augen geführt wird verweist auf die fehlerhafte Ansicht hinsichtlich einer auf emotionaler Ebene geringeren Selbstkontrolle von Frauen (Шаховский 2008, С.286) im Vergleich zu den Männern. Russische Männer geben ihren Gefühlen öfter verbalen Lauf als Frauen (3463/3315). Merkmale weiblichen nonverbalen Gemütsausdrucks finden sich hingegen häufiger als männliche (306/285).
5. Hält man sich die Analysekategorien für Emotivität (12) vor Augen, erkennt man den allgemeingültigen Charakter ihrer Nutzung im Sprachgebrauch zwischen Männern und Frauen. Nicht einer/eine aus diesen beiden Gruppen kann fix einer der beiden Gendergruppen zugeordnet werden.

6. Unterschiede in den quantitativen Verhältnissen bei der Zuschreibung zu kategorisierten emotionalen Situationen belegen den ungleichen sozialen Status von Männern und Frauen in der Gesellschaft in Bezug auf ihr Rollenbild. Die dominierende Rolle der Männer wird durch die höhere Anzahl von Emotiven in Zornausbrüchen (= Aggression), Freude und Erstaunen gefestigt. Frauen, in ihrer Rolle als „schwaches Geschlecht“ öffnen ihre Gefühle offener in Trauer und Angst. Die nonverbalen Ausdrucksformen lassen ebenso die Unterschiede in der genderspezifischen Kommunikation zwischen russischen Männern und Frauen erkennen.

Aus Vorangesagtem lässt sich konstatieren, dass als Schlussfolgerung aus der Rationalität der Analyse des Genderaspekts als eines der Objekte von Emotiologie, die Entdeckung des Unterschieds im verbalen wie nonverbalen emotionalen Verhalten der GKP angesehen werden kann. Es gilt zu hoffen, dass die Resultate dieser Arbeit in nachfolgenden sprachwissenschaftlichen und interdisziplinären Untersuchungen Verwendung finden sowie Eingang in die pädagogische Arbeit auf dem Gebiet der interkulturellen Kommunikation erlangen mögen.

Библиография.

- Акишина 1991 – *Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е.* Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1991.
- Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. – М., 1976.
- Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. – М., 1961.
- Берн 2001 – *Берн Ш.* Гендерная психология. – СПб.-М., 2001.
- Беседина 1998 – *Беседина Н. А.* Понятийная природа категории восклицательности // Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998г. - Тамбов: Изд-во ТГУ. - 1998.
- Брудный 1972 – *Брудный А. А.* Семантика языка и психология человека. – Фрунзе, 1972.
- Вендина 1997 – *Вендина Т. И.* Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования // Славяноведение. – М., 1997. - № 4.
- Вольф 1985 – *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
- Гак 2000 – *Гак В. Г.*
- Гетте 2002 – *Гетте Е. Ю.* Гендерный аспект современных коммуникативных процессов // Методы современной коммуникации: проблемы, теории и социальные практики (Материалы I международной научной конференции). – М., 2002.
- Горошко 1996 – *Горошко Е. И.* Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.
- Горошко 2001 – *Горошко Е. И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2001.

- Грошев 2000 – *Грошев И. В.* Гендерные представления о власти // Социс, 2000. - № 12.
- Добровольский 1997 – *Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // ВЯ. - 1997. - № 6.
- Добрунова 1990 – *Добрунова О. В.* Влияние эмоций на синтаксический строй разговорной речи. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990.
- Додонов 1975 - *Додонов Б. И.* Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопросы психологии. – 1975. - № 6.
- Долинин 1987 – *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. – М., 1978.
- Жельвис 1990 – *Жельвис В. И.* Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Учебное пособие. – Ярославль, 1990.
- Жельвис 1991 - *Жельвис В. И.* Психологическая интерпретация инвективного воздействия. Дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1991.
- Жеребкина 1996 – *Жеребкина И. А.* Теория и история феминизма. – Харьковский Центр Гендерных Исследований, Ф – Пресс., 1996.
- Земская 1993 — *Земская Е. А.* Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. - М., 1993.
- Изард 1980 – *Изард К.* Эмоции человека. – М., 1980.
- Ионова 1998 – *Ионова С. В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998.
- Каликанов 2003 – *Каликанов С. В.* Философское содержание учения А. А. Ухтомского о доминанте // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 7. Философия. - № 1. – 2003.
- Каптур 2007 – *Каптур Т.* Эллиптическое предложение в современной русской беллетристике. Дип. раб. ... маг. фил. – Вена., 2007.
- Кирилина 1998а – *Кирилина А. В.* Гендерные стереотипы, речевое общение, «деловая лексика» // Имидж женщины-лидера. – Иваново, 1998.
- Кирилина 1999а – *Кирилина А. В.* Гендер: Лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН». – 1999.
- Кирилина 1999б – *Кирилина А. В.* Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотажного эксперимента) // Гендерный фактор в языке коммуникации. – Иваново. – 1999.
- Китерман 1909 – *Китерман Б.* Эмоциональный смысл слова // ЖМНП. Нов. Сер. – СПб, 1909. Ч. 19.
- Красных 2003 – *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

- Крючкова 1975 – *Крючкова Т. В.* Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной // Проблемы психолингвистики. – М., 1975.
- Крылова, Хавронина 1986 – *Крылова О. А., Хавронина С. А.* Порядок слов в русском языке. – М., 1986.
- Лазарев 2001 – *Лазарев С. Н.* Диагностика кармы. Кн. Шестая: Ступени к Божественному. – СПб., 2001.
- Леонтьев 1984 – *Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы, эмоции // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984.
- Панфилов 1977 – *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. – М., 1977.
- Петрова 1998 – *Петрова Е. А.* Жесты в педагогическом процессе. – М., 1998.
- Потебня 1989 – *Потебня А. А.* Мысль и язык. – М., 1989.
- Прохоров, Стернин 2007 – *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские. Коммуникативное поведение. – М., 2007.
- Ретунская 1996 – *Ретунская М. С.* Английская аксиологическая лексика [Текст]. – Н. Новгород, 1996.
- Розен 1984 – *Розен Е. В.* Общая и профессиональная лексика при обучении устной немецкой речи. – М., 1984.
- Савченко 1972 – *Савченко А. Н.* Язык и системы знаков // Вопросы языкознания. – 1972. - № 6. – 1972.
- Серио 1993 — *Серио П.* В поисках четвёртой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ / Степанов Ю. С., Серио П., Руденко Д. И. и др. Науч. ред. Тома Д. И. Руденко. - Х.: Око, 1993.
- Синеокова 2003 – *Синеокова Т. Н.* Парадигматика эмоционального синтаксиса. – Нижний Новгород, 2003.
- Скребнев 1976 – *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. – Горький, 1976.
- Телия 1986 – *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Просвещение. – 1986.
- Уфимцева 1974 – *Уфимцева А. А., Колианский Г. В., Степанов Ю. С., Ярцева В. Я.* Основные проблемы марксистского языкознания. – М., 1974.
- Филимонова 2001 – *Филимонова О. Е.* Категория эмотивности в английском тексте (когнитивные и эмотивные аспекты): Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001.

Шаховский 1982 – *Шаховский В. И.* Лингвистическое интервью как метод установления эмотивной адекватности оригинала и перевода // Средства выражения экспрессивного текста. – Ростов-на-Дону, 1982.

Шаховский 1987 – *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.

Шаховский 1988 - *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка). Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1988.

Шаховский 1995 - *Шаховский В. И.* К теоретической и прикладной лингвистике эмоций// *Philologica*. – Краснодар. - № 7. – 1995.

Шаховский 2003 – *Шаховский В. И.* Реализация эмотивного кода в языковой игре // Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград, 2003.

Шаховский 2008 – *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М: Гнозис. – 2008.

Щирова 2003 – *Щирова И. А.* Психологический текст: деталь и образ. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

Isard 1980 – *Isard C.* Human Emotions. – MGU, 1980 **в:** Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М: Гнозис. – 2008.

Trömel-Plötz 1978 – *Trömel-Plötz S.* Linguistik und Frauensprache // *Linguistische Berichte*. – 1978.

Словари:

БТС 2003 - Большой толковый словарь русского языка // Стереотип. – СПб.: РАН, Институт лингвистических исследований, Изд-во «Норинт», 2003.

КСКТ 1996 – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой // Стереотип. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.

Лингвистический энциклопедический словарь. – 1990.: Гридин В. Н. Экспрессивность [Текст] //Лингвистический энциклопедический словарь . - М. : Советская энциклопедия. - 1990.

Словарь-справочник лингвистических терминов. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* – М, 2001.

Интернетные страницы.

1. <http://www.filologia.su> - Лингвистический словарь // Языковая личность.
2. <http://terme.ru/dictionary/879/word/aksiologija> - Новая философская энциклопедия. – 2003 // Аксиология.
3. <http://slovarfilologa.ru> – Энциклопедический словарь филолога // Звукосимволизм.
4. <http://perevodovedcheskiy.academic.ru> – Толковый переводоведческий словарь // Контекстуальное значение слова, 2.
5. <http://ru.wikipedia.org> – Википедия // Ложь.
6. <http://www.500rublei.ru> – Повтор и его функции в тексте.
7. <http://ru.science.wikia.com> – Наука // Эмоционально-смысловая доминанта.
8. <http://krugosvet.ru> - Энциклопедия Кругосвет // Пол и гендер.
9. <http://www.owl.ru/gender> - Словарь гендерных терминов // Гендерные стереотипы.
10. <http://www.b17.ru/article> - Психологи на b17.ru // Радость как эмоция.
11. <http://www.no-stress.ru/anxiety/fear.html> - Ю. В. Щербатых «Социальные страхи», 2010.
12. <http://www.follow.ru/article/224> - В. П. Шейнов.
13. <http://ru.wikipedia.org> - Википедия // Междометие.
14. <http://dedawolf.narod.ru/Lexicon.htm> - Словарь «НефорМат DedaWolfa» // Понятие ненормативной лексики.

Художественные тексты.

Акунин Б. Алмазная колесница.- М., 2004, С. 72.

Кунин В. Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа. - М., 2004, С. 175.

Пушкин А. С. Сочинения // Египетские ночи.- М., 1955, С. 430.

Приложение.

I. Abstract der Diplomarbeit

II. Abstract of thesis

III. Автореферат

IV. Lebenslauf

Abstract der Diplomarbeit

Titel der Diplomarbeit

„Männer- und Frauensprache in Russland unter dem Aspekt der Linguistischen Theorie der Emotionen nach V.I. Sachovskij“

Verfasserin

ZAITSEVA Vera

Betreuer

Ao. Univ.-Prof. Dr. Gero Fischer

Keywords

Linguistische Theorie der Emotionen nach V. I. Šachovskij, Emotiv, Emotivität, emotive Text, Gender, Gender-Stereotypen, genderologische und sprachkulturelle Entwicklung der Linguistik, verbale und nonverbale Korrelation der Ausdrucksmittel in der russischen Sprache

Abstract

Gegenstand der Untersuchung ist die verbale (lexikalisch und syntaktisch) und nonverbale Korrelation der Ausdrucksmittel in der russischen Sprache, wie sie von Männern und Frauen in konkreten, emotionalen Situationen verschiedener Art gebraucht werden.

Thesen zur Untermauerung

1. Die Kommunikation, wie sie heutzutage von Männern und Frauen gepflogen wird und wie es in schriftlichen und mündlichen Texten klar zum Ausdruck kommt wird im Hinblick auf Emotionen in erster Linie von Ausdrücken des Zorns beherrscht. Die Anpassung des emotionalen Ausdrucks an die moderne russische Sprachkultur hat keinen androzentrischen Charakter.
2. Die Anpassung emotiven sprachlichen Ausdrucks hängt vom Geschlecht der kommunizierenden Person ab.
3. Die Sprache, die von den Gendermerkmalen geprägt ist bestimmt das kommunikative Verhalten von Männern und Frauen entsprechend den Werten und Normen konkreter Sprachkulturen.

Folgende **Methoden** wurden zur Bearbeitung der Aufgaben verwendet:

hypothetisch-deduktive Methode; Kontextuale Analyse; Inhaltsanalyse; Vergleichende Analyse; Deskriptive Methode.

Als **Schlussfolgerung** der Arbeit kann man die Rationalität der Analyse des Genderaspekts als eines der Objekte der Emotiologie und die Entdeckung des Unterschieds im verbalen wie nonverbalen emotionalen Verhalten der genderkommunikativen Person (GKP) ansehen.

Abstract of thesis

Title of thesis:

„Men’s and women’s language in Russia under the aspect of the linguistic theory of emotions by V.I. Sachovskij“

Author

ZAITSEVA Vera

Academic advisor

Ao. Univ.-Prof. Dr. Gero Fischer

Keywords

Linguistic theory of emotions by V.I. Sachovskij, emotive, emotivity, emotive text, gender, gender stereotypes, genderological and language-cultural development of linguistics, verbal and nonverbal correlation of the means of expressions in the Russian language

Abstract

Subject of the study is the verbal (lexical and syntactic) and nonverbal correlation of the means of expressions in the Russian language used by men and women in various, specific, emotional circumstances.

Underpinning theses

1. Customary communication between men and women in this day and age, what is clearly expressed in written and oral texts, is ruled with respect of emotions above all by expressions of anger. The adaption of the emotional expression to the modern, Russian oral culture has no androcentric character.
2. The adaption of the emotive oral expression depends on the gender of the communicating person.
3. The language, which is shaped by features of gender, determines the communicative behaviour of men and women according to the values and norms of concrete language cultures.

The following **methods** were used for processing the tasks:

Hypothetic-deductive method; contextual analysis; analysis of contents; comparative analysis; descriptive analysis.

As **conclusion** of the thesis can be drawn the rationality of the analysis of the aspect of gender as one of the objects of emotiology and the discovery of the distinction in the verbal and nonverbal emotional behaviour of the gender communicative person (GCP).

Автореферат

Название дипломной

«Особенности мужской и женской речи в русском языке в аспекте лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского»

Составитель

ЗАЙЦЕВА Вера

Руководитель

Ao. Univ.-Prof. Dr. Gero Fischer

Ключевые слова

Лингвистическая теория эмоций В.И. Шаховского; эмотив; эмотивность, эмотивный текст, гендер, гендерные стереотипы, гендерологическое и лингвокультурологическое развитие лингвистики, вербальная и авербальная корреляция выражения эмоций в русском языке

Автореферат

Предметом исследования является соотнесение вербальных (лексических и синтаксических) и авербальных средств отражения эмоций мужчинами и женщинами в русском языке в конкретных категориальных эмоциональных ситуациях.

Положения, выносимые на защиту

Главными положениями нашей дипломной работы являются:

1. В современном мире в мужском и женском коммуникативном поведении, нашедшем отражение в отобранных нами устных и письменных текстах, главную объективизацию имеет категориальная эмоция гнева. Актуализация данной эмоции в русской лингвокультуре не носит андрцентричного характера.
  2. Актуализация в речи эмотивных средств языка происходит в зависимости от гендерной принадлежности данной коммуникативной личности.
  3. Язык, отмеченный гендерными признаками, определяет коммуникативного поведение мужчин и женщин согласно оценкам и нормам конкретной лингвокультуры.
- Для выполнения поставленных задач нами были использованы следующие **методы**: гипотетико-дедуктивный метод; метод контекстуального анализа; контент-анализ; метод сопоставительного анализа; описательный метод.

В работе был сделан вывод о рациональности анализа гендерного аспекта как одного из объектов эмотиологии и обнаружения различий в вербальном и авербальном эмоциональном поведении гендерной коммуникативной личности (ГКЛ).

L E B E N S L A U F

Vera Zaitseva

geboren am 14.08.1977 in Gussev, Russland
lebend in Wien, Österreich

Berufliche Erfahrung (Philologie und Pädagogik)

2011- jetzt	BFI Wien <u>Lektorin</u> - Wirtschaftsruissisch
2010- jetzt	PH Wien <u>Lektorin</u> - Russisch für Lehrkräfte
2003- jetzt	RKI Wien <u>Lektorin</u> - Russisch für Erwachsene, diverse Grammatikkurse für Russisch
2000- jetzt	Privatunterricht Russisch (diverse Firmen, Banken, Botschaften und Institute)
2011/'12/'13	Spracholympiade Eisenstadt <u>Jurorin</u> für Russisch
2009-10	Rudolf Steiner-Schule Pötzleinsdorf Wien <u>Lehrerin</u> - Russisch, Oberstufe
2009	Bundesolympiade für Sprachen in Linz <u>Jurorin und Moderatorin</u> für Russisch
2005-07	Maturaschule Schottentor Wien <u>Lehrerin</u> - Russisch, Oberstufe
2004-08	Polykolleg Wien <u>Lektorin</u> - Russisch
2003-07	RKI Wien <i>Unterricht</i> Russischer Literatur für Kinder
2003-05	Universität Wien, Slawistik <u>Tutorin</u> - Russisch II
1994-95	RKI Wien
2000-07	<i>Unterricht</i> im Malen und Zeichnen für Kinder

Universitäre und schulische Ausbildung

2009- jetzt 2003-07	Diplom-Studium Slawistik (Russisch) an der Universität Wien Sämtliche Prüfungen abgelegt, derzeit noch Verfassung der Diplomarbeit
2001-04	Studium Pädagogik/Psychologie an der Universität Wien (nicht abgeschlossen)
1995-98	Lehre als Einzelhandelskauffrau Karl Nowotny KG Herrenausstatter, Baden
1987-91	Kunstschule mit der Ausbildung im Fach Bildende Kunst (Malerei) Gussev, Russland
1993-94	Mittelschule, Abitur Botschaft der Russischen Föderation in Wien
1985-93	Mittelschule Gussev, Russland
1984-85	Mittelschule Tula, Russland

Vera Zaitseva

Januar, 2013